ВСЕУКРАИНСКАЯ
НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДАНДИН

ПОХОЖДЕНИЯ ДЕСЯТИ ЮНОШЕЙ

(ДРЕВНЕ-ИНДИЙСКИЙ РОМАН)

ПЕРЕВОД, ВВЕДЕНИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ
ПРОФ. П. Г. РИТТЕРА

ХАРЬКОВ
1928

ДАНДИН

ПОХОЖДЕНИЯ ДЕСЯТИ ЮНОШЕЙ

(ДРЕВНЕ-ИНДИЙСКИЙ РОМАН)

ПЕРЕВЕЛ С САНСКРИТА С ВВЕДЕНИЕМ И ПРИМЕЧАНИЯМИ
ПРОФ. П. Г. РИТТЕР

ВСЕУКРАИНСКАЯ
НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
1928

Библиографическое описание и шифры для библиотечных каталогов на эту книгу помещены в журн. „Літопис Укр. Друку“ и „Карточном Репертуаре“ Украинской Книжной Палаты



Укрголовліт № 86-ж. 23/IV 1928. Зак. № 73. Тир. 600.

ДАНДИН.

ПОХОЖДЕНИЯ ДЕСЯТИ ЮНОШЕЙ.

(древне-индийский роман).

Перевел с санскрита с примечаниями и введением проф. П. Г. Риттер.

Вместо предисловия.

Предлагаемый труд был начат мною еще в 90-ых годах в Берлине, а закончен позже, по возвращении в Россию, но до появления двух немецких переводов Мейера (Лейпциг 1903) и Габерландта (Вена 1903). При окончательной редакции я, конечно, ознакомился с этими переводами, поставившими себе совершенно различные задания, при том несходные с моими. Мейер задался целью, достигнутою им не без виртуозности, передать все изгибы изощренного стиля, игру слов и аллитерации, не стесняясь перегрузкой немецкого языка, все же более поддающегося таким экспериментам, чем русский. Габерландт, напротив, слишком упрощает, европеизирует стиль, многое опускает, часто перифразирует, а не переводит. Я стремился дать перевод близкий к подлиннику и сохраняющий, по возможности, его характер, стараясь все же не насиловать русский язык и не допуская сокращений или вольных перифраз. В основу положен санскритский текст, изданный в Бомбее, под редакцией индийского пандита Кашинатх-Пандуранг-Параба. Рукопись моего труда в законченном виде была приобретена в декабре 1922 года Госиздатом Украины, но до истечения трехлетнего срока договора напечатана не была. Перевод акад. Ф. И. Щербацкого (Похождения десяти принцев), обнимающий восемь авантюр самого романа и опускающий пролог (5 глав) и эпилог, имеющиеся в моем переводе, был напечатан в журнале „Восток“ в 1923 году.

Введение.

Дандин, его время и произведения.

Из целого ряда прославленных поэтов древне-индийской литературы, той эпохи, которой Макс Мюллер 40 лет тому назад присвоил название „индийского Ренессанса“ [1]),

[1]) Max Müller.— India, what can it teach us? London 1883. То же в немецком издании — Indien in seiner weltgeschichtlichen Bedeutung. Leipzig. 1884.

относимого теперь к V—VI веку нашей эры, в Европе стало общеизвестным лишь имя Калидасы, великого художника, драматурга, лирика и эпика, жившего, как можно утверждать почти достоверно, 1500 лет тому назад. Русскому читателю уже доступны в переводах все три его драмы (Малавика и Агнимитра, Шякунтала, Урваши) и элегическая поэма „Облако—Вестник“ [1]).

Имя Дандина [2]), известное в Европе лишь специалистам, в Индии принадлежит с давних пор и поныне к знаменитейшим. Один стих в старинной санскритской антологии превозносит в самых выспренных выражениях его три произведения „прославленные в трех мирах“. Два из них нам известны: это роман в прозе „Похождения 10 юношей“ (Дашя-Кумара-Чаритам [3]) и теоретический трактат в стихах „Зеркало поэзии“ (Кавьядаршям), третье же не названное, очевидно, не сохранилось. Одинокой гипотезой осталось предположение, выставленное таким видным авторитетом, как покойный берлинский проф. Р. Пишель, будто этим третим произведением оказывается знаменитая драма „Глиняная тележка“, приписываемая традицией легендарному царю Шюдраке, переведенная на многие языки и шедшая на европейских сценах под названием „Васантасена“ (имя героини — идеально благородной гетеры); сходные картины нравов в этой драме и в романе Дандина еще не могут служить доказательством тождества их авторов. Да и самая эта драма, как теперь установлено, является переработкой более древнего произведения — драмы „Бедный

---

[1]) Калидаса. Драмы. перевод К. Бальмонта, со вступит. очерком акад. С. Ольденбурга, Москва, 1916. П. Риттер. „Облако-Вестник“ древне-индийская элегия Калидасы, перевод с вступительной статьей, Харьков, 1914. A. Hillebrandt. Kalidasa. Breslau. 1921.

[2]) V. Henry. Les litteratures da l'Inde p. 267 — 73. Paris. 1904. R. Pischel. Die indische Literatur. s. 206 . (Die Kultur der Gegenwart. Berlin — Leipzig. 1906). A. Weber. Indische Streifen. I. B. s. 308 — 350. Berlin. 1868. П. Риттер. Дандин и его „Похождения десяти юношей“. (к истории древне-индийской беллетристики), Харьков, 1898. M Winternitz. Geschichte der indischen Literatur. III B. 355 — 58. Leipzig 1922. Упоминаемый там (стр. 649) новый перевод Гертеля я достать не мог. I Hertel. Die zehn Prinzen, ein indischer Roman von Dandin vollständig verdeutscht Leipzig 1922.

[3]) Дашя — десять. Кумара — юноша, царевич. Чарита — похождение, подвиг, авантюра.

Чарудатта", написанной предшественником Калидасы, знаменитым Бхасой [1]).

Совокупность данных позволяет отнести Дандина к V—VI веку, т. е. после Калидасы и раньше относимых к VII веку романистов Субандху, (автор романа „Васавадатта") и Баны (автор романа „Кадамбари", хроники „Деяния царя Харши", и драмы „Бракосочетание Парвати"), несомненно более поздних, что явствует из очевидной стилистической усложненности их по сравнению с „Похождениями 10 юношей", первым по времени индийским романом. Сам Дандин в своем „Зеркале поэзии" причисляет себя к литературной школе Видарбха (нынешний Берар, на восточном побережьи между реками Кришной и Нербуддой), полемизирующей с более изощренной школой Гауда (нынешняя Бенгалия). Следует также принять во внимание, что действие его романа происходит в северной части Декканского плоскогорья, в царствах Магадха (южный Бехар) и Малава (часть нынешнего Гвалиора), с его знаменитой столицей Уджаини (ныне Уджейн), одной из резиденций династии Гупта, цари-меценаты которой покровительствовали Калидасе и последующим поэтам; последняя же глава романа изображает борьбу царя Видарбха с соседними вассалами. На основании этого материала и комбинированных географических данных романа „Дашя-кумара-чаритам" и поэмы Калидаса „Рагхуваншя" (родословная Рагху) пытались даже установить время написания романа (до 585 г.), и тесную связь Дандина с царствами Видарбха с одной и Магадха-Малава — с другой стороны [2]). Борьба двух последних между собою и дает основную рамку для канвы романа.

Необходимо сначала остановиться на „Поэтике" Дандина, подготовляющей правильный подход к стилистической оценке его романа. Это „Зеркало (адаршя) поэзии" (кавья) состоит из трех частей: первая трактует о родах и стиле произведений, вторая — о стилистических украшениях, иллюстрируемых многочисленными примерами, которые автор и разбирает; третья часть примыкает ко второй, разбирая наиболее

---

[1]) A. Gawronski. Sprachliche Untersuchungen über das Mrcchakatika und das Daçakumaracaritam. Leipzig 1907. Sten Konow. Das indische Drama. § 20 (Grundriss der indo — iranischen Philologie) Leipzig 1920.

[2]) M. Collins. The geographical Data of the Raghuvança and Daçakumaracarita. Leipzig 1907.

вычурные приемы. Сущность этой „Поэтики“ можно резюмировать так: „***поэзия***“ — ***кавья***, т. е. искусственная поэзия, каковую только и знает классическая санскритская литература — есть ***наука*** (***видья***, т. е. знание, умение, ведение), которой ***надо учиться*** и которою ***можно*** овладеть лишь после долгого и упорного труда [1]).

Признавая себя сторонником „более простой“ школы Видарбха, автор перечисляет ее десять качеств (*гуна*): плавность, ясность, выдержанность, сладкозвучность, нежность, точность, многозначительность, мощь, прелесть и метафора. Насколько тонки и неуловимы даже для изощренного до виртуозности индийского вкуса эти оттенки разнообразных стилистических приемов и украшений, об этом говорится (1,102) так: „разница во вкусе сахарного тростника, молока, мелиссы и т. п. значительна, но сама Сарасвати (богиня речи и красноречья) не в силах определить ее словами. Характерны и заключительные стихи этой главы: 103 „прирожденная фантазия, обширная блестящая ученость и неукоснительное усердие суть три условия для успешного создания поэтических произведений“, 104 „если нет налицо чудесной фантазии, связанной с впечатлениями предыдущей жизни, то богиня речи оказывает значительную помощь, если ее культивировать при помощи учености и усердия“, 105 „посему стремящиеся к литературной славе должны, отбросив лень, усердно и неукоснительно почитать богиню Сарасвати, ибо, даже при незначительном поэтическом даре, люди усердно потрудившиеся могут насладиться в обществе образованных людей“.

Дандин, при своем прирожденном таланте, все же усердно „культивировал“ богиню Сарасвати, а стилистические „украшения“ имеются в его романе в изобилии. Но есть в нем и нечто иное ценное, как для интересующегося специально Индией, так и для читателя просто ищущего занимательную книгу. В нем есть живая жизнь, пробивающаяся сквозь ту характерную смесь фантастики и действительности, в которой никогда не могли разобраться индусы, совершенно не вмещающие столь обыденное для нас деление на

1) Об индийской риторике см. превосходную книгу P. Regnaud. La rhetorique sanscrite. Paris. 1884. Также акад. Ф. И. Щербацкой „Теория поэзии в Индии“ Журнал Мин. Нар. Просвещ. 1902.

естественное и сверхъестественное, на реальное и фантастическое. Вера в перевоплощение является здесь общепринятой и воспоминания героев и героинь об их совместных предыдущих воплощениях оказываются совершенно в порядке вещей. Непосредственное вмешательство в нашу жизнь со стороны добрых и злых сил, богов или демонов, разные колдовства, заклинания, заговоры и фокусы не возбуждают ни в ком сомнения, что свидетельствует о неимоверном народном суеверии. В романе можно найти массу живых и любопытных черточек быта и нравов. Здесь и придворная жизнь с ее вечными интригами, и сцены в игорном доме, в гареме и тюрьме, и подробнейшее описание „образцового“ воспитания гетеры, и дебют в спектакле-концерте ее сестры, причем предусмотрительная мамаша должна заранее заручиться отзывами знатоков-критиков; здесь и массовые экспроприации в городе, превращающие богачей в нищих и наоборот, производимые царственными юношами, прошедшимм среди прочих наук и курс воровства. Бесшабашная удаль и жажда наживы под лозунгом „деньги — основа всего“ уживаются рядом с чувствительностью, слезами и обмороками. Неудержимая тропическая страсть влюбленных, готовых на преодоление всех преград, нежная, трогательная любовь детей к родителям и жен к мужьям — все это сливается в пестром блестящем калейдоскопе.

Правда, на наш вкус многое покажется слишком изощренным, напр. длинные и повторяющиеся по одному шаблону описания женской красоты, восхода и захода солнца, наступления весны, любовных страданий и т. п. Но вчитавшись, можно и здесь найти родственно звучащие нам струны и проникнуться теми настроениями, которые вызывает грандиозная, роскошная природа Индии. Подходить к роману Дандина с меркою строгого моралиста так же невозможно, как и к „Декамерону“ Боккаччо. Ценность его и заключается в откровенном реализме, разоблачающем нам такие стороны индийской жизни, которые как-то испаряются в просветленной идеальной сфере драм и поэм Калидасы. А тот, кто знает индийские рассказы Редьярда Киплинга, особенно его роман „Ким“ или повести Рабиндранатха Тагора, напр. серию „Голодные камни“ (Hungry stones and other storhes. London 1916) и его романы „Дом и мир“ и „Гора“, найдет в них нити,

связующие их с романом Дандина, в котором сказалось, кроме того, старинное мастерство индусов, как мастеров и любителей рассказывать.

Формально „Дашя-кумара-чаритам“ состоит из пролога в пяти главах (*пурва-питхика*, т. е. первоступень); собственно романа (восемь авантюр — рассказов) и краткого эпилога (*уттара-питхика*, т. е. последняя ступень), при чем автор пользуется излюбленным восточным приемом, обрамлением одного рассказа другим. Эпилог является, несомненно, позднейшим придатком, докончившим недостающий или заменившим утерянный конец рассказа. Насчет подлинности пролога мнения расходятся: возможно, что он написан самим Дандином в более раннюю пору, а к периоду расцвета его таланта относятся вторая и третья авантюры самого романа: большой и блестящий рассказ Апахаравармана, начинающийся с юмористической истории гетеры, увлекшей и одурачившей старца-аскета, и рассказ Упахаравармана, сманившего царицу у одураченного ими обоими царя. В последних рассказах заметно больше искусственности: рассказ Мантрагупты (7-я авантюра) своего рода фокус, в нем не встречается ни одного губного звука. Рассказ Вишьруты (8-я авантюра) сообщает очень интересные и характерные, но нагроможденные с чисто индийским педантизмом данные о политических нравах и приемах индийских правителей.

Основную рамку дает борьба между царствами Магадха и Малава. Царь Магадха Раджаханса, побежденный своим соперником Манасарой, владыкой Малава, удаляется в лесные дебри, в обитель святого Вамадевы. Здесь царица Васумати производит на свет сына Раджавахану, которому суждено отомстить за отца и восстановить его на престоле. Вместе с царевичем воспитываются и десять мальчиков, дети министров, последовавших за царем в изгнание (Прамати, Митрагупта, Мантрагупта и Вишьрута), или чудесным образом попадающие еще младенцами к царю и царице (Апахараварман, Упахараварман, Артхапала, Сомадатта и Пушподбхава). Любопытным описанием их „образцового“ воспитания заканчивается первая глава пролога. Во второй главе возмужавшие юноши с Раджаваханой во главе отправляются на подвиги, но вскоре царевич покидает спутников, так как должен спуститься в подземное царство для оказания помощи

одному брахману. Вернувшись на землю, он не застает уже друзей, разошедшихся в поисках за ним. Постранствовав, Раджавахана встречает близь Уджаини сначала Сомадатту (третья глава), потом Пушподбхаву (четвертая глава), повествующих о своих похождениях. Царевич, проживая инкогнито, с помощью Пушподбхавы в Уджаини, влюбляется в царевну Аванти-сундари, дочь Манасары, и при помощи хитрости овладевает ею с ее же согласия (пятая глава). Первую „авантюру" романа составляют похождения Раджаваханы. Его блаженство с возлюбленной внезапно прерывается и он попадает в руки ее брата, правящего царством, так как старый Манасара уже не у дел. Тот грозит убить соблазнителя сестры, сажает его в клетку и везет за собою в поход против царя Анга, столицу которого Чампу (ныне Бхагальпур) он осаждает. Как раз в тот момент, когда Раджавахане грозит смерть (он осужден на казнь — быть брошенным под ноги бешеного слона), он спасается, враг убит, цар Анга с семью союзниками является на помощь и выручает Раджавахану, причем этими союзниками оказываются остальные семь юношей, успевшие уже сделаться царями и последовательно повествующие о своих авантюрах: Апахараварман (II авантюра), Упахараварман (III) Артхапала (IV), Прамати (V), Митрагупта (VI), Мантрагупта (VII) и Вишьрута (VIII).

В эпилоге рассказывается о том, как они восстановили на престоле царя Раджахансу, уступающего его затем сыну Раджавахане, женившемуся на Авантисундари. Сын покоряет себе весь мир с помощью своих девяти друзей, ставших тоже могущественными царями. Уход престарелого царя Раджахансы в обитель к отшельнику Вамадеве, ради вступления в третью стадию жизни, обязательную для правоверного индуса, стадию лесного отшельничества (*вана-прастха*) заканчивает всю эту цепь громких авантюр тихим, примиряющим аккордом.

ПОХОЖДЕНИЯ ДЕСЯТИ ЮНОШЕЙ.

Древне-индийский роман Дандина

ПРОЛОГ

Жезл зонта мироздания и жезл-стебель лотоса-жилища Брахмы,
Жезл-мачта корабля земли, жезл-древко знамени-небесной Ганги
Жезл-ось созвездий полчища, жезл-памятник победы над мирами
Сей жезл-нога шагнувшего трикратно Вишну
Для демонов же смерти жезл, да ниспошлет вам благо! [1])

Глава I. Происхождение десяти юношей.

Есть град-Цветоград, страны Магадха [2]) венец-образец всем прочим градам, величественный, знаменитый океан-сокровищница неистощимых товаров, массы жемчуга и других выставленных предметов. Там был царем Раджаханса [3]): его рука неистовствовала, словно жезл при бурении океана [4]) — массы всех вражеских полчищ, где морские чудища заменялись слонами и конями, а полчища его собственных храбрых воинов вздымались, словно волны; слава о нем распространялась всюду, словно пленительное благоухание, преусердно возносимая сонмами юных божественных гетер, наслаждающихся среди садов на площади столицы градосокрушителя Индры, сия слава, сверкавшая белизною [5]), словно осенний месяц, жасмин, камфора, иней, жемчуг, лотос, лебедь, слон Айравата, вода, молоко, громко смеющиеся уста Шивы, гора Кайласа [6]) и трава Кашя, заполняя собою все страны света. Царь вкушал счастье супружеского соединения с землею, опоясанною границами морей, унизанных жемчугом, словно склоны вершины горы Меру, будучи сам окружен сонмом брахманов, отличавшихся изобилием всевозможных изученных ими наук, и поддерживаемых беспрестанными жертвоприношениями. Сей царь-фламинго, вечно подобный солнцу, сему небесному фламинго, своим блеском испепеляющим врагов, а красотою равный гордому богу любви Каме, благодаря своей безукоризненно-пленительной наружности.

Его супругою была кроткая Васумати, краса всего прекрасного пола. Когда бог Шива своим гневным взглядом превратил в пепел тело красавца бога Камы [7]), то вся его краса как бы воплотилась в сей царице: его тетива из

пчел — ее волосы, пленительный месяц — ее лицо, превосходящее красою лотос, рыбка украшающая его знамя вместе со своею самкою — пара ее очей, южный ветер, доводящий всех героев до исступления — ее дыхание, его распускающийся бутон, пронзающий словно меч сердца путников — ее нижняя губа, его победная труба — ее выпуклая прелестная шея, его два кувшина наполненные водой — пара ее грудей, словно парочка птичек-Чакравака[8]), его две тетивы из необычайио мягких лиан — ее две руки, едва распустившаяся почка лотоса в его праздничном венке — ее пупок, подобный водовороту Ганги, его победная колесница, превращающая в ничто подвижничество подвижников — ее плотный пах, его две победные колонны из дерева Рамбха, прекрасные словно две уничтожающие подвижничество подвижников нимфы Рамбха, — пара ее бедер, его тысячелистный зонт — пара ее ступней, а его стрелы из цветов — все прочие ее члены.

Обитая в граде-Цветограде, затмевавшем столицу богов, царь страны Магадха наслаждался в равной мере своею выхоленной бесконечными ласками супругой и страной. У царя было три преданнейших наследственных министра: Дхармапала, Падмодбхава и Ситаварман, столь проницательные и мудрые, что могли легко разобраться в таких делах, которые заставили бы призадуматься самого духовника богов Брихаспати. Из них у Ситавармана было два сына: Сумати и Сатьяварман. У Дхармапалы — три: Сумантра, Сумитра и Камапала, а у Падмодбхавы — два: Сушьрута и Ратнодбхава. Набожнейший Сатьяварман, познав тщету земной суеты и стремясь совершить паломничество к священным озерам — отправился в чужие края. Распутный Камапала, изжившись среди гетер, актеров и кутил и преступив наказы отца и старшего братался, пусти странствовать по земле; а предприимчивый купец Ратнодбхава поплыл за море. Прочие же сыновья оставались на месте, даже после переселения их отцов в лучший мир.

Однажды повелитель царства Магадха, одержавший бесчисленные победы благодаря искусству владеть всякого рода оружием и вонзивший острие своих стрел в венцы своих побежденных вассалов, выступил в поход против царя страны Малава[9]), по имени Манасара, как бы воплотившего в себе

все высокомерие и жаждавшего новых побед. Барабанный грохот, без труда заглушавший надменный рокот моря, приводил в трепет слонов, поддерживающих мироздание, раздраженных и испуганных состоявшим при царе войском четырех родов, которое своим давлением на землю, давящую и без того своим давлением, давило голову змеиного царя. Так он пошел походом, преисполненный величайшим гневов и жаждой битв. А повелитель Малава со своими полчищами слонов повел против него наступление с еще большей яростью, словно сам воплощенный бог войны. И вот между ними произошло сражение. Оба войска сражались орудиями и в рукопашную, а грохот барабанов оглашал все страны горизонта, заглушая все прочие звуки под небесным сводом, вся атмосфера которого была заполнена массой пыли, как бы превратившись в шатер с занавесками, куда небесные нимфы — Апсарасы собрались выбирать себе новых любовников, подножье которого составляла земля, взбитая копытами коней и колесами колесниц, а потолок заливался потоками пота, падавшего струями с поверхности висков слонов. Засим царь Магадха Раджаханса, захватив живьем в плен царя Малава Манасару, из жалости восстановил его на престоле и, повелевая всею опоясанною океаном землею и не имея соперников, начал неустанно умилостивлять Нараяну[10]) - Вишну, основное мировое начало — ибо сам не имел потомства. И вот, однажды, его главная супруга, увидав под утро хороший сон, и вняв словам таинственно прозвучавшего в воздухе голоса „прийми от божественного царя семя — плод лианы его желаний“, тотчас восприняла семя — цветок страсти супруга, а царь возомнив себя счастливее самого Индры, созвал круг своих царственных друзей и устроил праздник причесывания[11]) супруги, в соответствии с исполнением своего желания.

Однажды, когда царь Раджаханса во всем великолепии своего могущества восседал в зале на троне, окруженный преданными друзьями, министрами и домашними брахманами, придверник доложил ему, воздев ко лбу сложенные длани. „Государь, у дверей сидит отшельник, жаждущий лицезреть твое величие и достойный оказания ему сей чести“. С царского соизволения, отшельник был тотчас же допущен. Взглянув на вошедшего и признав в нем тотчас же

соглядатая, царь отпустил свиту и оставшись только с министрами, усмехаясь спросил склонившегося перед ним отшельника: „Ну-ка, расскажи нам, отшельник, что узнал, увидал, при помощи обмана, побывав там и сям по разным странам“. Много постранствовавший странник отвечал, воздев руки: „Государь, восприняв на свою главу твое повеление, облекшись в сие одеяние непорочности и проникнув в столицу царства Малава Уджаини, я прожил там тайно и, выведав все про все деяния царя, возвратился сюда. Высокомерный Манасара, претерпев от тебя поражение в сражении, сразившем жизнь его воинов, пристыженный в душе и лишенный жалости, начал умилостивлять великого владыку, супруга богини Кали, обитающего в храме Махакала [12]), и получив в дар от него, удовлетворенного силою подвига, его палицу, вселяющую ужас и сокрушающую даже героев-врагов, возомнил себя непобедимым и с огромным самомнением собирается нанести тебе поражение. Теперь, да исполнится воля государя“.

Министры, узнав об этом и обсудив дело, почтительно обратились к царю. „Государь! Враг выступает в бой в союзе с богом не допускающим сопротивления. Посему сражение теперь для нас невозможно: следует тотчас-же запереться в крепости“. Но, несмотря на все их увещания, царь, ослепленный отвагой, пренебрег их речами, найдя их неуместными и решил сам перейти в наступление, а Манасара, заручившись помощью Шивы и возгордившись всемерно, став во главе войска рвавшегося в бой, немедленно вторгся в пределы царства Магадха. Узнав об этом, министры едва-едва упросили своего царя Раджахансу и укрыли его гарем в недоступной врагу чаще Виндхийских гор, охраняя его лучшими силами. Сам же Раджаханса со славными бесстрашными воинами, выступив ускоренным маршем, заградил путь разъяренному врагу.

Когда между этими двумя ненавидившими друг друга героями загорелась битва, возбудившая изумление небожителей, собравшихся поглядеть на нее из любопытства, повелитель царства Малава, пламенно стремившийся к победе, устремил палицу, дарованную ему раньше Шивой, в голову владыки царства Магадха, равного Индре в сражениях требующих умелого пользования разного рода оружием. Палица,

хоть и расщепленная множеством острых стрел, все же в силу непреклонного обещания Шивы, убила возничего и лишила сознания царя, стоявшего на колеснице; кони, лишившись возничего и избавившись от бича, волею судьбы вместе с колесницей проникли в лесную чащу — убежище гарема, а царь Малава, соединившись с победоносной богиней счастья, вступил в богатое царство Магадха и воцарился в Цветограде.

Министры, изможденные ударами всякого рода оружия, но по воле судьбы оставшиеся в живых, прийдя в себя при дуновении утреннего ветерка кое-как оправились, стали всюду разыскивать царя, но не найдя его, измученные, пришли к царице. Узнав от них о гибели всего войска и об исчезновении царя, царица Васумати, удрученная и погруженная в океан скорби, решилась последовать за супругом, но министры и брахманы начали так увещевать ее искусными речами: „Государыня, смерть государя не удостоверена. Кроме того, в твоей утробе обитает нежный ребенок, предсказанный прорицателями, будущий повелитель всего мира, который повергнет в смятение и истребит всех врагов. Посему тебе не подобает умирать“. Вняв этим искусным речам министров и брахманов, царица пребыла некоторое время в тихом, но безрадостном молчании. В полночь, когда сон смежил очи ее свиты, она, не будучи в силах переплыть на другой берег океана скорби, отправилась потихоньку на безмолвное место стоянки войска и на том месте пути, где раньше остановились испуганные царские кони не в силах бежать дальше, истомленные бегом и неотступно влекомой ими колесницей, укрепила петлю из верхней одежды на ветви баниана, словно на границе смерти и сама стремясь к смерти неподалеку от этого места, прошептала нежным, как у кокилы [13]), голосом, со слезами в горле: „О мой повелитель, равный красою богу любви, да будешь ты мне супругом и в будущем воплощении!“ [14]).

Когда царь Раджаханса, лежавший недвижимо вследствие изобильного кровоизлияния, но очнувшийся от прикосновения прохладных лунных лучей, услыхал это, то, почуяв голос царицы, тихо и ласково позвал ее. Она же с трепетом приблизилась, при чем лотос ее лица расцвел от сильной сердечной радости, а широко раскрытые глаза

жадно впились в него. Пронзительно крикнув она созвала министров и брахманов и показала им царя. Министры, восхвалив благость судьбы и лобзая челом лотосы царских стоп сказали: „Государь, кони потеряв возничего стремительно повлекли колесницу в лесную чащу“. А царь рассказал им следующее: „В бою, там, где погибла масса войска, я пораженный палицей и поверженный безжалостным повелителем царства Малава, умилостивившим Шиву, потерял сознание и пробудился здесь лишь от прикосновения утреннего ветерка“. Засим, все министры, оказав ему почет, в добрый час перенесли его в лагерь, извлекли все стрелы и быстро залечили раны царя, лотосоподобный лик которого просиял. Но царь Раджаханса все же был преисполнен скорби, ибо его доблесть была унижена превратностью судьбы; и к нему, столь удрученному, обратилась царица Васумати с такою речью, достойною ее ума и одобрения министров: „Государь, ты славнейший и достойнейший представитель всех царственных династий, пребываешь теперь в лесах Виндхийских гор. Ведь блистательное счастье то покажется, то исчезнет, словно изгиб молнии. Бесчисленное множество венценосцев, как-то: Харишьчандра, Рамачандра[15]) и другие, равные величием самому Индре, испытав сначала, по воле судьбы, тяжкие беды, потом не раз снова получали обратно свое царство. Так будет и с тобой. Пока же, пребывай некоторое время беззаботно, примирившись с судьбой“.

И вот царь, сопровождаемый всем войском, отправился к аскету Вамадеве, озаренному сиянием подвижничества и богатому заслугами[16]), как к средству могущему осуществить его желание. Поклонившись гостеприимно встретившему его старцу и сообщив все нужное, царь прожил некоторое время в этой беспечальной обители. Затосковав по утраченном царстве, Раджаханса, краса лунной[17]) династии, обратился к отшельнику и вкратце сказал следующее: „Преподобный, царь Манасара, победив меня по воле судьбы, наслаждается царством принадлежащим мне по праву, но я низвергну этого врага, подвергнув себя тяжким аскетическим подвигам, при помощи твоей милости, дающей убежище всему миру. С этой целью я и прибегаю к тебе, великому подвижнику“. Тогда великий подвижник, которому ведомо

прошедшее, настоящее и будущее, так отвечал царю: „Друг мой, не нужно этих истязующих плоть подвигов: скоро родится пребывающий теперь в утробе царицы Васумати царевич, сокрушитель всех враждебных династий. Будь спокоен некоторое время". И в то же время раздался голос с небес: „Воистину, это так". И царь подчинился словам отшельника.

Когда исполнился полный срок беременности, царица Васумати в счастливый день [18]) родила мальчика, носившего все признаки [19]) царского рода. Избрав духовника [20]) по мудрости и святости равного самому Брахме, мудрый царь Раджаханса дал своему сыну, сиявшему красотой среди детских украшений во время праздника освящения, имя Раджавахана. В то же время у министров Сумати, Сумантры, Сумитры, и Сушьруты родились четыре сына: Прамати, Митрагупта, Мантрагупта и Вишьрута, с громкозвучными именами, прекрасные, как молодой восходящий месяц, долговечные. Вместе с ними рос и царевич, забавляясь детскими играми.

Однажды явился к царю некий отшельник и вручив ему нежного младенца чудо-загляденье, носившего все царские признаки, сказал тихим голосом: „Государь! Я отправился в лес собирать дрова и траву Кушя для жертвы и увидел беззащитную женщину, видимо пораженную горем и проливавшую слезы. „О чем плачешь ты в одиночестве?"— спросил я ее. Отерев слезы лотосами [21]) своих рук, она отвечала прерывающимся голосом: „Преподобный! Прахараварман, повелитель царства Митхила [22]), превосходящий красотою самого бога любви, вооруженного луком из цветов, сей царь, о славе которого беседуют боги в своих собраниях, отправился с женой и детьми в Цветоград к своему другу, царю Раджахансе, на праздник причесывания царицы и пробыл там некоторое время. Между тем царь Манасара, умилостивив великого Шиву, владыку гор, начал войну с царем Раджахансой. Между ними произошла великая беспримерная битва. Желая помочь другу, Прахараварман потерял все свое войско и, оставшись в живых лишь по милости победоносного врага, возвращался домой с остатками разбитого войска. Застигнутый в дремучем лесу довольно сильной шайкой дикарей, яростно на него напавших, он поручил защиту своего гарема горсти избранных воинов, а сам в отчаянии предался

бегству. Ни я, ни дочь моя, приставленная в качестве кормилицы к двум его близнецам, не были в силах следовать за быстро убегавшим царем. Как раз в этот миг напал на меня, поледеневшую от страха, разъяренный тигр с разинутой пастью. С перепугу я споткнулась и упала на острый камень, ребенок выскользнул из моих рук и упал в нутро валявшейся неподалеку издохшей коровы. Тигр, поспешно потащивший было этот труп, был убит стрелою пущенною из чьего-то лука. Дикари схватили кудрявого мальчика и увели неизвестно куда. Куда изчезла моя дочь с другим ребенком, я тоже не знаю. Я лишилась сознания и была приведена в чувство одним сострадательным пастухом, который отвел меня к себе домой и залечил мои раны. Теперь, оправившись, я хочу вернуться к моему повелителю; а огорчена я тем, что со мною нет моей дочери и я не знаю, куда она делась. Я должна вернуться к царю одна". С этими словами она исчезла. Я же, глубоко опечаленный несчастьем приключившимся с твоим другом, стал разыскивать его потомков и случайно вошел в красивый храм богини Дурги [25]). Там я увидел дикарей, собиравшихся принести в жертву мальчика, дабы умилостивить богиню и одерживать всегда такие же победы. Они говорили между собой: „Повесим-ка его на ветку дерева и перерубим мечом, или закопаем ему ноги в песок и, избрав его целью, станем пускать в него острые стрелы, или заставим его бежать и затравим его молодыми собаками". Я обратился к ним с такою речью: „Эй вы, добрые люди! Я престарелый брахман, как видите, заблудился в дремучем лесу и потерял дорогу. Оставив сына под тенью дерева я отправился разыскивать путь и отбился немного в сторону. Исчез ли мой сын куда-нибудь, взял-ли его кто-нибудь, только я ищу и не нахожу его. Вот уж несколько дней, как я его не вижу. Что делать, куда итти, не видели-ли вы его?"—спросил я. „Почтенный брахман", отвечали они, „вот здесь стоит какой-то мальчик, может быть это твой сын, в таком случае возьми его". И по милости судьбы они отдали его мне. Я благословил их, взял ребенка, привел его в чувство холодной водой и другими средствами и ни минуты не колеблясь привел его к тебе; ты должен, как отец, заботиться о нем многие годы"—так сказал брахман. Царь, опечаленный несчастьем друга, но вместе с тем

и обрадованный находкой его сына, назвал его Упахараварманом и стал воспитывать как родного сына.

В один прекрасный день, отправившись купаться и проходя мимо деревушки дикарей, царь Раджаханса увидел женщину, ласкавшую мальчика необыкновенно красивого телосложения. Из любопытства он спросил ее: „Женщина, этот прекрасный мальчик, носящий все царские признаки, конечно, происходит не из вашей семьи, чей он сын, как он к вам попал, расскажи-ка все, как следует“. Учтиво поклонившись, дикарка отвечала: „Государь! Когда наша шайка разграбила проходивший здесь недалеко от нашей деревушки караван царя Прахаравармана, подобного Индре, мой муж захватил и вручил мне этого мальчика, которого я и выростила“. Мудрый царь Раджаханса, услышав это и признав второго ребенка, о котором говорил отшельник, отблагодарил женщину словами и дарами, взял мальчика, назвал его Апахараварманом и передал царице, наказав ей воспитывать его.

Какой-то ученик Вамадевы, по имени Сомадевашярман, привел однажды к царю мальчика и сказал: „Государь, искупавшись в озере Рамы, я возвращался лесом и увидел этого красавца-мальчика на руках какой-то женщины. Я спросил ее участливо: „Старуха, кто ты такая? Чего ради блуждаешь в дремучем лесу с этим ребенком на руках, изнемогая от усталости?“ Она отвечала: „Преподобный! На острове Калаявана [24]) живет прекраснейший, богатейший купец Калагупта. На его дочери, по имени Сувритта, писаной красавице, женился Ратнодбхава, сын министра из Магадха, явившийся на этот остров. Очаровательный купец, воплощение всех доблестей, изъездивший всю землю, он получил от тестя массу подарков. Через несколько времени его жена забеременела. Желая повидать своих родителей, Ратнодбхава с трудом выпросил у тестя разрешение и, сев на корабль вместе со своей очаровательной женой, направился в Цветоград. Корабль, разбитый грядами волн, потонул в океане. По своей обязанности кормилицы, я взяла на руки бедную женщину, изнемогавшую вследствие своей беременности, и уцепившись за какую-то доску приплыла к берегу по милости судьбы. Погиб ли Ратнодбхава со спутниками, или добрался как-нибудь до берега, я не знаю. Подавленная

горем Сувритта сегодня родила в лесу сына. Измученная родами, потеряв сознание, она лежала под прохладной сенью дерева. Не решаясь оставаться в безлюдном лесу, я пошла искать дорогу к населенным местам и не считая подходящим оставлять ребенка при ней, лежавшей в обмороке, я захватила и его с собою“. Так отвечала мне женщина. В этот миг показался бешеный слон. Она, завидев его, с перепугу бросила ребенка и побежала, я же спрятался вблизи в зарослях лиан и стал наблюдать. В ту минуту, когда слон уже собирался проглотить ребенка, точно охапку молодой зелени, на него яростно напал лев со страшным ревом. Испуганный слон, тотчас же подбросил мальчика вверх и тот начал падать вниз, но судьба сулила ему долговечность: обезьяна, сидевшая на одном из торчавших древесных сучков, приняв мальчика за свежий плод, схватила было его, но, заметив свою ошибку, сбросила его на нижнюю ветку, а сама скрылась. Вот что произошло с этим прекрасным мальчиком, воплощением всех совершенств, оставшимся невредимым среди всех этих приключений. Лев умертвил слона и удалился. Я вышел из-за куста, осторожно снял мальчика с дерева, поискал было в соседнем лесу его кормилицу и, не найдя ее, привел мальчика к своему учителю, рассказал ему все и по его же указанию привел мальчика к тебе“. Так сказал отшельник. Царь удивился, что судьба так жестоко преследует всех его друзей и подумал: „Что же сталось с Ратнодбхавой?“ Сына же его он назвал Пушподбхавой и поручил его министру Сушьруте, которому рассказал все приключения племянника, сам же в душе испытывал и радость, и горе.

Как-то раз пришла к царю царица Васумати, прижимая к груди какого-то мальчика. На вопрос „чей он?“, она отвечала: „Государь! Прошлую ночь явилась какая-то небесная женщина и разбудив меня, объятую сном, поставила предо мною этого ребенка и сказала: „Царица, я зовусь Таравали, из рода гениев Якшей [25]), дочь Манибхадры и супруга Камапалы, сына вашего министра Дхармапалы. По повелению Куверы, царя Якшей, я привела сюда своего сына, дабы он послужил царевичу Раджавахане, который таит в себе блистательнейшую славу и будет повелителем всего земного круга, опоясанного морями. Воспитывай этого младенца, по красоте подобного богу любви“. Так она

сказала. Я широко раскрыла глаза от удивления, а прекрасная женщина, учтиво поклонившись, скрылась". Так отвечала царица. Царь Раджаханса подивившись, что Камапала женился на дочери Якши, призвал министра Сумитру, утеху друзей, и передал ему племянника Артхапалу, сообщив о его приключениях.

Однажды некий ученик Вамадевы, живший в его обители, привел к царю нежного, как цветок, мальчика, славного, как бог, красотою превосходившего бога любви и сказал: „Государь, отправившись искупаться в священном озере, я пришел на берег реки Кавери [26]), и увидел плачущую старуху, державшую на руках кудрявого мальчика: „женщина" — сказал я — „кто ты, чей сын этот ребенок? Как ты попала в этот лес, что за причина и твоей печали?" — Отерев струившиеся слезы руками и взглянув на меня так, слово думала, что я в силах вынуть жало ее печали, она рассказала мне причину своего горя: „Сын брахмана! Меньшой сын Ситавармана — министра царя Раджахансы, по имени Сатьярварман пришел в эту страну искупаться в священном озере. В здешней обители [27]) он женился на дочери одного брахмана, прозванной Кали-Черная. Но, вследствие ее безплодия, он женился потом и на другой его дочери Гаури-Белой, прекрасной, как золото, и получил от нее сына. Коварная Кали увела однажды, под каким-то предлогом, меня и ребенка и сбросила нас в речку. Придерживая мальчика одной рукой и продолжая плыть другою, я уцепилась за ветку дерева, несшегося по течению и усадила на него ребенка, а сама, увлекаемая потоком, была укушена притаившеюся в дереве коброй; дерево, моя опора, пристало к дереву в этой местности, но когда я умру, сожженная огнем этого яда, у ребенка не будет покровителя в этом лесу. Вот, что меня печалит." С этими словами, она упала на землю, ибо все ее тело было прожжено огнем смертоносного яда. Набрав веток в соседних кустах, я вернулся и нашел ее уже совсем бездыханною. Совершив затем над нею обряд сожжения, я с грустью в сердце взял беззащитного мальчика. Так как в конце ее рассказа о приключениях Сатьярвармана я не расслышал названия обители, где он жил, то, считая поиски напрасными, привел мальчика к тебе, ибо ты естественный защитник детей своих министров". Выслушав этот рассказ

и не узнав ничего о судьбе Сатьявармана, царь опечалился и передал министру Сумати его племянника Сомадатту. И тот воспитал ребенка заботливо, словно младшего брата.

Когда составился таким образом этот кружок детей, царевич Раджавахана, наслаждаясь детскими играми и катаясь на всевозможных животных, прошел по порядку через весь цикл священных обрядов, начиная с обрезания волос и поступления к учителю[28]). Затем юноши усвоили себе искусство письма, овладели вполне туземными языками,изучили и полном объеме Веды с шестью [29]) вспомогательными отделами, все Пураны [30]), а также поэмы, драмы, прозаические произведения, романы, легенды и сказки, изощрились в совершенстве в науках: законах, грамматике, астрономии, логике, философии Миманса [31]) и пр., изучили политические трактаты Каутильи [32]) и Камандакии, приобрели виртуозность на вйне [33]) и пр. инструментах, овладели искусством пения и реторики, умением колдовать при помощи амулетов, заклинаний, зелья и пр., выучились ездить на лошадях, слонах и пр., владеть всякого рода оружием, смело и ловко обманывать и воровать [34]), играть в кости и проч. Все эти науки они изучили под руководством соответствующих учителей. Глядя на этих мальчиков, блиставших юностью, прилежных в работе, царь Раджаханса думал: „я неуязвим для врагов“, и наслаждался полным счастьем.

Примечания.

1) Эта строфа-эпиграф характерный и сравнительно простой образец тех словесных кунстштюков, которыми так изобилует древне-индийская поэзия и о которых трактуется в другом произведении Дандина—„Зеркало поэзии“. Она построена на игре словом *Данда* (палка, шест. жезл) откуда произведено и самое имя *Дандин* („Палкин“, „Шестов“). Зонт мироздания, т. е. небесный свод, он же—половина скорлупы мирового зародыша-яйца, из которого вылупилась вселенная. Брахма покоится на лотосе, выросшем из пупа Вишну. Земля опоясанная океаном сравнивается с кораблем. Река Ганга (всегда *женского* рода) протекала сначала только на небе, а затем низверглась на землю, где ее воспринял на свою главу бог Шива только для того, чтобы оживить тела сынов Сагары (см. ниже прим. 67). Вишну в своем воплощении (*Аватара*) в виде карлика прошел в три шага всю вселенную. Жезл смерти—жезл Ямы, бога смерти и загробного судьи, разящего им смертных. Пожелания всяких благ в начале поэтического произведения обычный, почти обязательный прием.

2) Цветоград, т. е. Пушпа-пура или Патали-пура при слиянии рек Ганги и Шоны, близ нынешней Патны, столицы царства Магадха (нынешний южный Бехар).

3) *Раджа* — царь, *ханса* — фламинго, лебедь, гусь.

4) Намек на миф, связанный со вторым воплощением Вишну в виде черепахи, после всемирного потопа. Боги обвязали мирового змея Шешу, как веревку, вокруг горы Мандара, опершейся на Вишну-черепаху и вращая ее взбили море, из которого вышло четырнадцать сокровищ: богиня красоты и счастья Лакшми она же Шри, ставшая супругой Вишну, напиток бессмертия (*амрта*), месяц, врач богов—Бханвантари, божественные нимфы Апсарасы с Рамбхой во главе, слон Айравата, вместе с другими семью слонами поддерживающими вселенную и проч.

5) Перечисляются предметы, обладающие идеальной белизной, в том числе и „белый смех" Шивы, сравни Калидаса „Облако-Вестник" I, 58 стр.

6) Священная гора Кайласа, где находится, по верованию индусов, и сказочная столица бога богатства Куверы, описанная в „Облако-Вестнике" Алака, лежит вблизи священного озера Манаса (ныне Манасоровар), за северным склоном Гималаев, где берут начало истоки Сетледжа и Брахмапутры. Подробное описание и иллюстрацию этой местности см. у Свена Хеддина в его „Transhimalaya, Entdeckungen und Abenteuer in Tibet. B, II, s. 90—130. Leipzig. 1909.

7) Миф о сожжении Камы, бога любви, гневным взглядом Шивы, испепелившего Каму за то, что тот по повелению богов хотел поразить Шиву стрелой из своего лука, имеющего дугу из цветов, и тетиву из вереницы пчел, дабы возбудить в аскете-боге любовь к богине Парвати (она же Ума, Кали, Дурга, Бхавани, Гаури), разработан в поэме Калидасы „Кумара-Самбхава" („Происхождение бога войны Кумары"), песнь III и IV. Своими внешними аттрибутами Кама напоминает античного Купидона-Амура. Его любимая супруга Рати-страсть, а друг Васанта-весна. Выступая в поход для покорения сердец Кама выставляет у ворот своего дворца кувшины наполненные водой, как счастливое предзнаменование. На его знамени изображена рыба.

8) Птичка Чакравака (anas caesarea), для индуса олицетворение супружеской верности: она навеки осуждена разлучаться на ночь с самцом и жалобно кричать.

9) *Малава* ныне во владениях махараджи Гвалиора на плоскогорьи Мальва, его столица Уджаини (ныне Уджейн), именуемая также Аванти, резиденция знаменитого в индийской поэзии царя Викрамадитьи, получила в Европе название „Флоренции индийского ренессанса". Смотри „Облако-Вестник", I, 27 и сл.

10) *Нараяна* — один из эпитетов бога Вишну-Кришны.

11) Обряд торжественного расчесывания волос на голове будущей родильницы совершался на четвертом месяце беременности.

12) *Махакала* — знаменитый храм Шивы близь Уджаини (смотри „Облако-Вестник", I, 34 и сл.), где этот бог почитался под видом Фаллоса (индийск. *Лингам*). Хотя Шиву и нельзя подчинить своей воле,

как других богов, посредством аскетических подвигов, ибо он сам великий аскет, но все же он охотно исполняет желания своих поклонников и даже одолжает им свое оружие.

13) Кокила — (индийская кукушка), занимает такое же место в индийской поэзии, как соловей в европейской.

14) Вера в перевоплощение издавна и поныне царит в Индии. Трогательный пример такой наивной веры находим в стихе, приведенном в „Зеркале поэзии“ Дандина II, 141, обращенном к „уходящему в другой мир“, т. е. умирающему возлюбленному:

„Иди, о милый! Коль уйдешь, благим да будет путь тебе!
О, если-б там, где будешь ты, могла-б и я родиться вновь“.

15) *Рама* — излюбленный герой индийской поэзии и народа, считается также одним из воплощений Вишну. Его судьба изображена в большом эпосе *Рамаяна* (Деяния Рамы), приписываемом поэту Вальмики, а также в эпической поэме Калидасы „Происхождение рода Рагху“ (Рагхуваншя), где сюжет Рамаяны дал канву для 10 — 14 песен. Его супруга *Сита*, идеальный образ верной и любящей жены, стоит наряду с образами Дамаянти и Шякунталы. Царь Харишьчандра—этот „Филоктет и Иов Индии“ идеал правдивости, верности и терпения, выходит победителем из всех тяжких испытаний.

16) „Тот, чье богатство (*дхана*) составляет аскетизм (*тапас*)“, подвиги, заслуги, которые по самой силе вещей дают аскету неизмеримую власть, психическую и физическую. Взгляд на эти заслуги, как на запасной капитал, дающий хорошие проценты в виде исполнения желаний, встречается не раз и дальше.

17) Лунная и солнечная династии, древнейшие династии мифического происхождения в Индии. Царство солнечной лежало восточнее, по среднему течению Ганги, а лунной — между Гангой и Джумной. Столица первого Айодхья, ныне Удх, где царствовал Рама, а второго — Индрапрастха, возле нынешнего Дели и (еще восточнее) Патна.

18) Т. е. при счастливом сочетании планет и звезд, что дает мальчику счастливый гороскоп; срок беременности считался у индусов 9 месяцев и 9 дней.

19) Каждый человек „царской породы“ должен носить на теле 32 признака в виде линий, родимых пятен и т. д.

20) *Пурохита*—жрец-духовник царя, домашний капеллан, ведающий всеми религиозными обрядами и пользующийся огромным авторитетом при дворе.

21) Обычное выражение: лицо, руки, ноги, уши, глаза сравниваются с лотосами, а затем и отожествляются с ними.

22) *Митхила* — (ныне Джанакпур на границе Непала) столица царства Видеха к северо-востоку от Магадха (где царствовал знаменитый легендарный царь Джанака, отец Ситы, супруги Рамы).

23) *Дурга*—одно из имен и проявлений (грозное даже кровожадное, так же, как и Кали), супруги Шивы, именуемой в своем благом проявлении *Парвати*, т. е. горная дочь Гималая (она же Ума, Бхавани, Гаури).

24) *Калаявана* — черные Яваны, т. е. *іоняне*, как индусы называли сначала греков, после похода Александра Македонского в Индию, а затем и вообще всех чужеземцев. *Черные Яваны* — очевидно черные африканские народы. Таким образом Калаявана скорее всего означает побережье Занзибара или Аравии, с которыми индусы вели оживленную торговлю.

25) *Якши* — особый разряд полубогов-гениев, составляющих свиту бога богатств—Куверы, обитающие с ним на горе Кайласа, в Гималаях, где охраняют его сокровища. Один из Якшей является героем поэмы Калидасы „Облако-Вестник", представляющий собою элегический монолог Якши разлученного с возлюбленной.

26) Река Кавери в Южной Индии.

27) Термин *аграхара* — обозначает участок земли отданный во владение брахману и пользующийся известными привилегиями.

28) Обрезание волос дитяти должно совершаться на третьем году, а поступление в ученики к брахману в разные сроки. смотря по касте: для брахманов от 8 — 16 лет, для кшатриев-воинов от 11—22, для вайшьев-купцов от 12—24.

29) Собственно шесть вспомогательных наук необходимых для понимания четырех Вед (Риг-Веда, Сама-В., Яджур-В., Атхарва-В.) — этой „индийской библии", а именно: *шикша* — элементарная грамматика, произношение слов и фонетика; *кальпа* — ритуальное толкование и знание самих обрядов; *вьякарана* — грамматика, как учение о формах слов; *нирукта* — лексическое толкование слов; *чханда* — метрика и просодия; *джьотиша* — астрономия и астрология.

30) Все 18 Пуран, мифических и легендарных хроник, дающих впрочем, и некоторый исторический материал.

31) Философия Веданта, основанная на индийском „священном писании", т. е. Ведах, Брахманах и Упанишадах, основное положение которой составляет учение о тождестве индивидуальной души (*атман*) с Брахмой (высший мировой *атман*).

32) *Каутилья* — изворогливый, хитрый, фальшивый, прозвище некоего Чанакьи, друга и советника царя Чандрагупты, объединившего значительную часть Индии и правившего ею с 315 по 291 г. до нашей эры. Чанакье приписывается известный авторитетный трактат о политической мудрости, а сам он является главным лицом в драме, рисующей всевозможные политические интриги, озаглавленной „Печать Ракшаса" (Мудра-Ракшаса) относимой к VIII веку нашей эры, автором которой считается Вишякхадатта.

33) *Вйна* — индийская лютня.

34) Дальше будет упоминаться, как авторитетный составитель учебника воровства, Карнисута; во второй авантюре романа царевич Раджавахана, выслушав рассказ Апахаравармана, говорит, что тот „превзошел самого Карнисуту". Очевидно воровство рассматривалось, как один из видов спорта.

Глава II. Помощь, оказанная брахману.

Однажды Вамадева посетил царя, окруженного сонмом этих нежных юношей, блиставших всевозможными талантами, красою превосходивших самого бога любви, столь похожих между собою, что они казались родными братьями, перещеголявших своею храбростью божественного юношу — бога войны [35]), имевших на руках знаки знамени, зонта и палицы. Царь склонил главу перед аскетом и тот ответил на приветствие, крепко обняв всех юношей, этих будущих сокрушителей врагов, кудри которых теперь прильнули, словно пчелы, к лотосам его ног [36]), благословил их и сказал кротким, мягким голосом: „Государь! Твой сын, имея столь славных друзей, отличаясь юностью и бесподобной красотой, кажется, увенчает твои желанья. Теперь настало для него время отправиться вместе с друзьями на покорение всего мира. Да свершит царевич Раджавахана это путешествие и да преодолеет все препятствия!“ Юноши, прекрасные, как бог любви, доблестные, как Рама и прочие герои, в гневе испепеляющие врагов, стремительностью превосходившие Ветер, внушили царю надежду на успех боевого похода. И он отпустил царевича на подвиг в счастливый день с должным наставлением, снабдив всем необходимым и дав ему в спутники остальных юношей.

Царевич, наблюдая по полету птиц [37]) счастливые приметы, прибыл в некую страну и углубился в чащу Виндхийских лесов. Там он встретил какого-то человека, изрубцованного ударами оружья, с телом загрубевшим, как железо, судя по его священному шнуру [38]), брахмана, но принадлежавшего очевидно к дикому племени, отталкивающего на вид. В ответ на его приветствие царевич спросил: „Достопочтенный! Почему ты живешь одиноко в Виндхийских лесах в этой безлюдной, непроходимой чаще, населенной лишь дикими зверями? Священный шнур, висящий на плече заставляет думать, что ты брахман, а судя по зарубцовавшимся ранам, думается, что ты дикарь. Расскажи, в чем дело?“ Человек этот, сообразив, что столь удивительная доблесть не свойственна простому смертному и узнав от спутников имя и происхождение царевича, начал так повествовать ему о своих приключениях: „Царевич! В этом лесу живет много

выродившихся брахманов, забросивших изучение Вед и проч., позабывших обязательные для их касты законы, нарушивших заповеди правдивости и чистоты, совершающих грех, предводительствуя дикарями и вкушая их пищу. Я, чье поведение достойно презрения, сын одного из таких, имя мне Матанга, нападал с шайкой дикарей на населенные места и захватывал в плен по деревням богатых людей с их женами и детьми. Здесь в лесу связав их, мы отбирали у них все добро и безжалостно прогоняли их. Однажды увидев в чаще брахмана, которого мои товарищи хотели убить, я вдруг ощутил в сердце жалость и сказал: „Эй, вы, злодеи! Нельзя убивать брахмана“. С раскрасневшимися от гнева глазами они меня выругали. Не будучи в силах снести оскорбление, я долго боролся с ними, пытаясь защитить брахмана, и, наконец, сильно израненный ими умер. Спустившись засим в обитель мертвых[39]), я увидел там Яму, восседавшего на украшенном жемчугом троне среди своей свиты, окруженного людьми, имевшими человеческий облик. Я бросился перед ним ниц. Он же заметив меня, призвал своего министра Читрагупту и сказал: ему: „Любезный! Смертный час еще не настал для этого смертного. Хотя жизнь его и достойна порицания, но он утратил ее ради брахмана. Отныне его грехи смыты и у него явится стремление творить добро. Поглядев здесь на различные пытки, претерпеваемые наихудшими злодеями, он должен снова возвратиться в свое тело“. Читрагупта показав мне в разных местах людей привязанных к раскаленным железным столбам или кипящих в масле на огромной сковороде, а также других, чьи тела растерзывались плетьми или разрубливались острыми топорами, внушил мне добродетельные мысли и отпустил меня. Некий брахман, заметив меня, свершил надо мною холодные обливания и я, полежав на траве, воскрес. Засим эту новость узнали мои родичи и знакомые, пришли поспешно всей гурьбой, отвели меня домой и залечили мои раны. Ученый брахман научил меня грамматике, изложил мне сущность различных наук, указал путь добродетели, искореняющий грехи, открыл мне доступные лишь духовным очам правила культа Шивы, увенчанного месяцем, принял от меня поклонение и удалился. С той поры я покинул всех близких, имевших сношения с дикарями и живу один в чаще

лесов, отрекшись от греха, памятуя в душе лишь о едином учителе всех миров, носящем месяц, как венец. Государь! Я также имею сообщить тебе некую тайну. Пойдем". И, отведя царевича в сторону, он продолжал: „В конце прошлой ночи Шива, приблизившись ко мне во сне и, разбудив меня, чьи глаза были сведены сном, с милостивым и кротким выражением лица обратился ко мне, почтительно склонившемуся пред ним, и сказал: „Матанга! В стране, что лежит на берегу реки Татини, вытекающей из чащи леса Дандака [10]), позади хрустального фаллоса, которому поклоняются полубоги и мелкие божества, близ камня отмеченного стопою дочери царя гор, зияет некое провалье, словно пасть самой судьбы. Проникнув туда и найдя там медную доску с надписью, словно приказом самого творца, и совершив предписанную там церемонию, словно дарованную судьбой победу, ты станешь царем подземного царства Патала. Сегодня или завтра явится царевич, который будет тебе сопутствовать". Твое прибытие состоялось согласно предсказанию. Окажи содействие мне, стремящемуся к счастью и успеху". „Хорошо", отвечал царевич и вместе с Матангой, склонившим главу, он в полночь покинул объятых сном друзей и углубился в лес. Рано утром, не видя вовсе царевича, спутники упали духом, бросились искать его там и сям в лесу и, не найдя его, решились отправиться дальше с целью разыскать его. Сильно опечаленные, они условились на счет места, где снова сойтись, а пока разошлись в разные стороны и пустились странствовать.

Матанга охраняемый царевичем, этим единственным в мире героем, без страха, с радостным сердцем проник в пещеру, найденную согласно указаньям Шивы, и снял оттуда медную надпись. Тем же путем они проникли в преисподнюю Патала. Там вблизи некоего города, около пруда в увеселительном парке, где было множество птиц, Матанга принес жертву из различных возлияний, предписанную Шивой. На глазах у царевича, сокрушителя препятствий, глядевшего на это с изумлением, он поверг в огонь, пылавший от дров и возлияний, свое тело, этот сосуд добродетели, и произнесши заклинания получил новое прекрасное, как молния, божественное тело. В ту же минуту тихо подошла некая дева, украшенная запястьями и жемчугами, сама

жемчужина среди женщин рода человеческого, сопровождаемая несколькими благонравными подругами, ступая походкою фламинго, и поднесла в дар славному брахману блестящую жемчужину, а на вопрос его: „Кто ты такая?“ унылым, тихим голосом кокилы отвечала с мольбою простирая руки: „Великий брахман! Я дочь великого Асуры[11]), зовусь Калинди. Отец мой, могучий повелитель сей страны, после битвы, в которой бессмертные были им побеждены, стал по воле бога Вишну, не смогшего снести его превосходства, обитателем града Ямы. Увидев меня погруженную в океан скорби вследствие разлуки с родителями, некий сострадательный подвижник-предсказатель сказал мне: „Дева! Некий божественно-прекрасный, достойный юноша станет твоим супругом и будет повелевать всей подземной страной Расатала“. Вняв этой вести, я долго пребывала в ожидании видеть тебя, подобно тому, как птичка Чатака[12]) в ожидании приближения дождливого времени года прислушивается к голосу тучи. Твое прибытие увенчало мои желания и я, с ведома министров, управляющих моим царством, пришла к тебе с сердцем преисполненным любви. Возьми меня в супруги и облачись царским величием этой страны!“ С разрешения царевича Матанга женился на этой деве и в полном восторге от обладания божественной красавицей вступил на престол в царстве Расатала и достиг великого счастья. Побыв с ним Раджавахана, покинувший своих друзей, пожелал возвратиться на землю и снова их увидеть. В благодарность за оказанную помощь Матанга подарил ему полученную от царевны Калинди жемчужину, устраняющую всякие бедствия: голод, жажду и т. д. и отпустил его, проводив часть пути.

Царевич вышел на поверхность земли через то же отверстие и, не найдя друзей, пустился странствовать по свету и набрел на какой-то увеселительный парк среди большой площади. Расположившись там на отдых, он увидел вдруг человека, сидевшего в паланкине, окруженного женщинами и свитой, только что прибывшего в парк. Вдруг сердце у того воспрянуло, лотос лица расцвел от великой радости и со словами „Ведь это Раджавахана, мой повелитель, украшение лунной династии, источник чистейшей радости! По милости судьбы я приблизился к его стопам и тотчас усладил

свои взоры!“ вышел поспешно из паланкина и, быстро шагая, стремительно радостным движением вытянув шею, прикоснулся своею головою, увенчанною жасмином, к лотосам ног царевича, сделавшего несколько шагов навстречу. С глазами полными радостных слез царевич крепко обнял его, затрепетавшего от радости [43]) и сказал: „Ах, друг мой Сомадатта“. Затем расположившись в прохладной тени дерева, он милостиво заговорил: „Друг мой, в какой стране и каким образом провел ты столько времени? Куда направляешься ты теперь? Кто эта женщина? Откуда эта свита? Расскажи все“. Сложив лотосы своих рук, Сомадатта почтительно начал рассказ о своих похождениях, свободный от забот и всецело погруженный в созерцание друга.

Примечания.

35) Бог войны — вечно юный сын Шивы, носит имена: Кумара, Сканда и Картикейя.

36) Мальчики склонили головы к ногам аскета так, что их черные кудри казались роем пчел, прильнувших к его ногам, подобным лотосу.

37) Гадание по полету птиц было очень распространено в Индии.

38) Всякий принадлежащий к касте брахманов носит через плечо особый шнур, свидетельствующий о его касте.

39) Индусы насчитывают семь преисподних (подземных царств), из коих лишь одно, самое нижнее, отведено для адских мучений. Одно из этих семи—Патала, изображается в этой главе.

40) Знаменитые лесные дебри Дандака на Декканском плоскогорьи между реками Нармада, ныне Нербудда и Годавери.

41) *Асуры*—первоначально враждебные богам, но тоже божественные силы, превратившиеся затем в демонов.

42) Птичка *Чатака* по верованиям индусов питается только дождевыми каплями.

43) Трепет радости должен выражаться тем, что волосы на всем теле становятся дыбом, взъершиваются, а у женщин (не девушек) вдобавок сочится молоко из грудей.

Укрглавлит № 70440 кв. Вторая тип. изд. „Пролетарий“. Зак. № 307. Тир. 150

Отдельные оттиски из журнала „Восточный Мир“ № 1 за 1927 г.

ГЛАВА III

Похождения Сомадатты

„Государь! Горя желанием облобызать лотосы твоих ног, я блуждал в лесу. Томимый жаждой я напился воды из прохладного, заросшего лианами пруда и заметил в нем блествшую жемчужину. Я поднял ее, прошел немного по дороге, но не был в состоянии итти дальше вследствие чрезмерного солнечного жара; я вошел в какой-то находившийся в этом же лесу храм и увидел там престарелого брахмана с печальным лицом, окруженного большой семьей. Я приветствовал его участливо, а старец с измученным, бледным лицом, все мысли которого были устремлены к высочайшему Брахме отвечал мне: „Милый друг! Кое-как содержу я этих детей, потерявших мать: собираю здесь милостыню и отдаю им, проживая в этом храме Шивы“. „Брахман!“—ответил я,— „какому царю принадлежит это расположившееся лагерем войско? Какой страной он владеет? Как его зовут? По какому случаю он пришел сюда?“. На мой вопрос брахман отвечал: „Друг мой! Маттакала, повелитель царства Лата (44), получив от повелителя этой страны Виракету отказ в руке его дочери Вамалочаны, этой жемчужины среди красавиц, о прелестях которой он много наслышался, осадил его столицу Патали. Испуганный Виракету отдал ему свою дочь, как ценный выкуп. Получив ее, царь Маттакала обрадовался, и, желая сочетаться с ней браком в своей столице, пустился в обратный путь, изредка разбивая лагерь в лесу, чтобы развлечься охотой. Гордый Манапала, министр царя Виракету, удрученный унижением своего государя, получив полномочие провожать царевну и располагая полным составом (45) войска, разбил свой лагерь в другом месте и замышляет предательство против Маттакалы“. Вот, что поведал мне брахман.

„Этот брахман достоин подаяния: у него много детей, он мудр, беден и стар“, подумал я и с сердцем полным сострадания отдал ему жемчужину. Просияв от радости, он благо-

словил меня неоднократно и удалился. Утомившись с дороги, я расположился отдыхать и вкусил прелести сна. Вдруг предо мной предстал тот же брахман, но со связанными за спиной руками, со спиной исполосованной ударами плетей, в сопровождении нескольких воинов и указал на меня, сказав: „Вот он—вор!“ Полицейские отпустили брахмана, не выслушав даже моего рассказа о нахождении жемчужины, схватили, скрутили веревками меня, не терявшего присутствия духа, и бросили в тюрьму, заковавши в цепи и сказав: „Вот твои приятели“, указали мне на нескольких скованных узников.

Не зная что предпринять и утратив в такой беде всякую надежду, я заговорил: „Эй, вы, храбрые молодцы! По какому случаю вкушаете вы невзгоды тюремного заключения? Мне вас рекомендовали, как моих приятелей. Что это значит?“. Оглядев меня и рассказав уже слышанную мною раньше от брахмана историю о царе Маттакале, воры продолжали: „Господин! Мы слуги Манапалы, министра царя Виракету. По его приказанию мы пробрались ночью при помощи подземного хода в жилище царя Маттакалы с целью убить его. Не найдя его там мы растерялись и, похитив много сокровищ, убежали в лес. На другой день пришли многочисленные царские слуги, напавшие на наши следы, и застав за кучей награбленного добра, связали нас крепко-накрепко и увели. Так как при обыске в числе сокровищ не оказалось одной очень ценной жемчужины, то нас заковали в цепи до наступления казни или пока не найдется жемчужина“. Так отвечали они. Узнав от них и о месте осмотра сокровища, я тотчас же подумал. „Это и есть та самая жемчужина“ и сообщил им о несчастьи, причиненном моим подарком брахману, назвал свое имя и рассказал о своих странствованиях с целью отыскать тебя, государь. Изложив все это как следует, я заключил с ними дружеский союз.

В полночь, разбив оковы себе и им, я вышел вместе с ними из тюрьмы, отняв оружие у спавшей стражи и ловким нападением обратив в бегство попавшуюся нам навстречу городскую полицию, пробрался в лагерь министра Манапалы. Последний, узнав мое имя от слуг, сообщивших также о моей смелости, приключениях и проявленной уже храбрости, принял меня любезно. На другой день пришли к Манапалле люди, посланные царем Маттакалой, и сказали: „Министр!

Воры, проникшие подземным ходом в покои нашего государя и похитившие там много сокровищ, бежали в ваш лагерь. Выдай их нам, иначе произойдет большая беда". Такие жестокие слова сказали они. Выслушав их, Манапала сказал с глазами налившимися кровью от гнева: „Что такое ваш царь Маттакала? Какая может быть у меня с ним дружба? Очень я дорожу расположением такого негодяя?." Так он обругал их, а они передали царю эти гневные слова. Разгневавшись и полагаясь на свои силы, тот выступил в бой, захватив лишь небольшой отряд. А гордый Манапала, решившись на борьбу, вооружился основательно и выступил немедленно, горя желанием сразиться.

Я также получил от министра, в знак уважения, приличествующее сражению вооружение: колесницу с искусным возничим и быстрыми конями, крепкий панцырь, подходящий мне лук и два колчана, наполненные всевозможными стрелами. Вооружившись и полагаясь на свои силы, я последовал за министром, спешившим на битву. Полагаясь на свои мощные руки, я нападал на врагов, осыпая их дождем стрел и пробился сквозь оба войска, яростно сражавшиеся, желая превзойти друг друга в храбрости. Я направил свою колесницу с быстрыми конями прямо на царя и, вскочив на его колесницу, отрубил ему голову. Он пал и все его войско разбежалось.

Захватив добычу, коней, слонов и другие сокровища, ликуя от радости, Манапала оказал мне всевозможные почести. А сам царь Виракету, выслушав рассказ об этих событиях из уст посланцев министра, радостно вышел ко мне навстречу, прославляя мою храбрость, и по совету родственников и министров выдал за меня свою дочь замуж, в счастливый день с великой пышностью, и венчал меня, как своего наследника-соправителя. Изо дня в день снискивая все более и более расположение царя, я всячески наслаждался со своей супругой. Но мое сердце все же было уязвлено жалом тоски вследствие разлуки с тобою, и я, согласно одному предсказанию, прибыл теперь вместе с женой в это место, дарующее свидание с друзьями, для умилостивления великого владыки, пребывающего в Махакале. Благодаря состраданию любвеобильного супруга Гаури, я вкушаю теперь безмерное счастье, созерцая лотосы твоих ног.

Выслушав рассказ Сомадатты, похвалив его за храбрость и попеняв на судьбу за незаслуженную им кару, царевич Раджавахана рассказал ему по порядку свои приключения. Вдруг он увидел пред собой Пушподбхаву, поспешно поклонившегося ему в ноги, сложив руки и прикоснувшись ими ко лбу. Крепко обняв его, со слезами на глазах церевич сказал: „Друг Сомадатта! Ведь это Пушподбхава!", и указал на него. И оба, забыв тоску разлуки, с радостью обнялись. Расположившись затем под тенью дерева, царевич сказал, радостно улыбаясь: „Друг мой! Желая помочь брахману и предвидя, что друзья, узнав об этом, станут мне всячески препятствовать в этом, я покинул вас спящими и ушел. Что предприняли мои друзья, проснувшись и не зная куда я делся, и куда направился ты один?" Сложив руки ладонями внутрь и прикоснувшись ими ко лбу, (46) Пушподбхава почтительно отвечал:

ГЛАВА IV

Похождения Пушподбхавы

„Государь! Твои друзья, убедившись, что ты отправился на помощь брахману, и не имея возможности определить, в какую именно сторону ты направился, разбрелись по разным направлениям, чтобы отыскать тебя. Странствуя с этой целью я присел как-то под сенью тенистого дерева, росшего на склоне горы, не будучи в силах сносить лучи солнца, стоявшего в зените. Подняв голову, я вдруг увидел в воздухе летящего стремглав человека, тень которого походила на черепаху, с'ежившуюся в полдень всем телом. Из жалости я подхватил его на лету и осторожно опустил на землю, потерявшего сознание вследствие падения. Холодной водой я привел его в чувство и заметив, что глаза его подернуты слезами от чрезмерной боли, спросил его о причине падения со скалы. Отирая руками слезы, он отвечал: „Друг мой! Зовусь я Ратнодбхава, сын Падмодбхавы, министра царя Раджахансы. По торговым делам я отправился на остров Калаявана и, женившись там на дочери одного купца, возвращался вместе с ней домой и потерпел кораблекрушение недалеко от берега. Все потонули, я же кое-как по милости судьбы добрался до берега. Плавая в океане скорби вследствие разлуки с женой, я протянул кое-как 16 лет, доверившись предсказаниям одного аскета. Не в силах сносить более это горе, достигшее своего предела, я решил броситься со скалы“ (47).

В этот же миг послышался женский крик: „Не следует тебе бросаться в огонь с горя по разлуке, когда тебе обещано предсказателем свидание с мужем и сыном!“. Услыхав это, я обратился к человеку, в котором сразу же угадал своего отца: „Отец мой! Я имею многое сообщить тебе, но пока оставим это. Потом я расскажу все, а пока я не могу не обратить внимания на крик этой женщины. Обожди немного здесь“. Отойдя поспешно в сторону, я увидел пред

собой женщину, собиравшуюся броситься, стиснув крепко руки, в страшно пылавший костер. Поспешно отведя ее прочь от огня, я отвел ее и плакавшую старуху к своему отцу и спросил у последней:“ Старуха! Откуда вы обе? Зачем зашли вы в этот пустынный лес? Рассказывай все“. Прерывающимся голосом она отвечала: „Сын мой! На острове Калаявана у купца Калагупты была дочь по имени Субритта. Сопутствуя своему мужу Ратнодвхаве, она потерпела кораблекрушение на море и уцепившись со мной, своей кормилицей, за какую-то доску, по милости судьбы достигла берега, а когда пришел срок, родила в лесу сына, которого у меня похитил к несчастью бешеный слон. С той поры она странствует вместе со мною, доверившись словам одного предсказателя:“ Через шестнадцать лет ты увидишь снова сына и мужа“. Проведя весь этот срок в глухой обители, и не будучи в силах сносить далее свое горе, она решилась принести себя в жертву на пылающем костре.

Услыхав это и призвав свою мать, я поклонился ей в землю, рассказал все свои приключения и указал на отца, все лицо которого просияло от радости после рассказа старухи, а глаза радостно улыбались. Родители, признав друг друга, и с радостным сердцем оросив слезами меня, склонившегося перед ними, поцеловали меня в лоб, а затем расположились под сенью дерева. „Как поживает царь Раджаханса?“ спросил отец; я рассказал ему, как был низвергнут царь, как ты родился, как составился кружок юношей, как ты отправился на подвиги, как последовал за Матангой, и как мы начали тебя разыскивать. Все это я рассказал ему. Засим я устроил родителей в обители одного отшельника, а сам, задавшись целью отыскать своего государя и зная, что деньги составляют основу всякого дела, набрал кучку молодых учеников, которых считал способными помочь мне в исполнении магических манипуляций, изученных по твоей милости. Отыскав в Виндхийских горах развалины какого-то города и угадав при помощи магической глазной мази (48) те деревья, под сенью которых должны были быть закопаны сосуды полные денег, я выкопал их, расставив вокруг охрану, и собрал несметную кучу денег. В это время, как раз неподалеку расположился лагерем караван. Я отправился туда, купил сильных быков и мешки, положил деньги в мешки,

взвалил их под видом товара на быков и добрался до каравана. Там я подружился с его предводителем, молодым купеческим сыном, Чандрапалой по имени, и вместе с ним отправился в Удджаини.

Я перевез в город своих родителей. Благодаря Бандхупале, отцу Чандрапалы, я был представлен повелителю страны Малава и с его разрешения продолжал жить в городе, сохраняя свое инкогнито. Бандхупала, узнав от меня, своего лучшего друга, о моем намерении разыскивать тебя в лесах и пустыне, сказал мне: „Ты не сможешь исколесить всю безграничную землю. Перестань тосковать и оставайся спокойно здесь. Когда я получу посредством птицегаданья, счастливое предзнаменование, предвещающее тебе свидание с царевичем, я сообщу тебе об этом“. Нектар его речи усладил мое сердце. Продолжая жить у него, я увидел однажды дышавшую молодостью и красотой прекраснейшую жемчужину-девушку, по имени Балачандрика, являвшуюся какбы воплощением богини счастья в доме купца. Все мое существо было потрясено ее красотой и Кама, бог любви, направил в меня свои стрелы. Она же метнула в меня несколько раз своими быстрыми как у молодой газели глазами, словно стрелой бога любви, и задрожала сама, словно молодая лиана, колеблемая тихим ветром. Различными позами и жестами, выражавшими и стыдливость, и страсть, а также игрой лица, соответствовавшей ее настроению, она объяснила мне состояние своего сердца. Угадав тотчас же по этим искусным и тайным движениям ее страсть, я стал изыскивать средства добиться сладкого свидания. Однажды Бандхупала отправился со мной в загородный парк, чтобы погадать по птицам на счет тебя, и остановился, прислушиваясь к голосам птиц на одном дереве. Я же, желая рассеять тоску, прогуливался по лесной опушке и увидел на берегу пруда Балачандрику, единственный предмет моих помыслов, погруженную в задумчивость с исхудалым личиком. Упиваясь ее кокетливым, очаровательным взором, выражавшим и любопытство, и стыдливость, и любовь и волнение, я вгляделся в ее грустное, прелестное, как лотос, личико, измученное страстью и, угадав причину всего этого, подошел к ней и шутливо спросил: „Красавица! Объясни мне, отчего так печален лотос твоего лица“. Доверившись уединению, отбросив робость

и стыдливость, она тихо отвечала: „О, мой милый! Ты ведь знаешь, что Манасара, повелитель страны Малава, на старости лет возвел на престол в Уджаини своего сына Дарпасару. Этот юноша жаждет покорить весь мир вплоть до семи морей, его окружающих, а потому удалился на гору Куверы дабы предаться там аскетическим подвигам, передав бразды правления своим двоюродным братьям, Чандаварману и Даруварману. Первый правит страной, не создавая себе врагов, второй же, преступив наказы дяди и двоюродного брата, совершает всевозможные преступления: соблазняет чужих жен, грабит чужое добро и т. д. Теперь он где-то увидел меня, чье сердце принадлежит тебе, прекрасному, как бог любви, и хочет насильно овладеть мною, не гнушаясь обольщением девушки. Вот о чем я думаю и горюю“.

Сопоставив в мыслях ее чувство и свою страсть с препятствиями к достижению цели, я стал утешать плачущую красавицу и, придумав способ убить министра, сказал ей: „О, милая! Я придумал отличный способ убить этого злодея, посягающего на тебя. Твои родственники, пользующиеся доверием, должны почаще рассказывать горожанам следующую историю: „Наша, мол, родственница, Балачандрика одержима вошедшим в нее демоном—Якшей. Один предсказатель объявил, если кто-либо чувствует, что его сердце горит вожделением к ее редкой красоте, тот должен, ничего не страшась победить демона в павильоне любви, куда сия быстроокая войдет в сопровождении одной лишь подруги; если, вкусив нектара ее беседы, он выйдет оттуда здрав и невредим, то пусть и владеет красавицей, чьи груди можно уподобить парочке птичек Чакравака“. Если Даруварман услышав эти речи будет сидеть смирно — тем лучше, если же, вследствие своей порочности, он все же пожелает с тобой соединиться, то твои родные должны сказать ему: „Достопочтенный! Министру царя Дарпасары непригоже совершить насилие в *нашем* доме. Если же на глазах всех горожан ты отведешь прекраснокую в *свой* павильон любви и позабавишься с ней там, тогда можешь на ней жениться и усладиться утехами любви“. Конечно, он на это пойдет. Ты же нарядишь меня своей подругой и мы отправимся к нему вместе. В уединенной комнате я убью его, избив руками и ногами, а затем под видом твоей подруги преспокойно вернусь с тобой назад. Приведя в испол-

нение наш замысел, отбросив стыд и страх, мы откроем твоим родителям и родственникам нашу обоюдную страсть и ты ублаготворишь всех, вступив со мною в брак. Ведь они, конечно, отдадут тебя мне, столь богатому, красивому и знатному. Уж я найду, что ответить им после рассказа о смерти Дарувармана."

Ее личико прекрасное, как лотос, просветлело немного и она отвечала: „Милый! Ты можешь убить жестокосердного Дарувармана: после его смерти все твои желания увенчаются успехом. Пусть будет так: я исполню все твои приказания". И она удалилась, несколько раз вскинув на меня искоса своими очами. Я же вернулася к Бандхупале, и мудрый птицегадатель сообщил мне, что через тридцать дней я снова увижусь с тобой, о государь. Затем я проводил Бандхупалу, он пошел к себе, а меня отпустил домой. Балачандрика, получив от министра, поймавшегося на удочку моей хитрости, приглашение насладиться любовью в павильоне любви, собралась туда и известила меня через служанку. Я приготовил заранее жемчуга, браслеты, кушаки, запястья, ожерелья, серьги, гирлянды, шелка, косметики и прочие необходимые для женского туалета вещи, искусно распределил все это подходящим образом и, надев прелестное платье, направился вместе со своей возлюбленной к дверям павильона любви. Балачандрика, о приходе которой доложили привратники, была любезно встречена вышедшим к ней навстречу министром, который велел прислуге удалиться. Сопутствуемая мной, она вошла в особую комнату, назначенную для свидания. Горожане, заинтересовавшись распространившимся по всему городу рассказом о демоне, с любопытством собрались около дома министра. Он же, безрассудный, с неудержимой страстью подвел девушку к ложу, украшенному жемчугом и золотом с покрывалом набитым пухом фламинго, передал мне (в темноте он не мог признать меня за мужчину, одетого вдобавок в прелестное женское платье) в качестве подарка, золотые и жемчужные украшения, тонкие прелестные платья, желтый сандал смешанный с мускусом, бетель и камфору, душистые цветы и прочие принадлежности туалета. Затем посидел с ней некоторое время, смеясь и болтая. Наконец, ослепленный страстью, он уже собирался схватить красавицу за грудь, как вдруг я, пылая

гневом, сбросил его с постели, стал бить и топтать руками и ногами и таким образом убил его. Приведя затем в порядок свой туалет, несколько пострадавший во время драки, и приласкав испуганную красавицу, я вернулся в павильон любви и громко закричал, словно трепеща от испуга: „Эй, вы, слушайте! Якша, которым была одержима Балачандрика, убил министра. Скорей идите сюда, и глядите на него“. Услыхав это, весь народ, со слезами на глазах, огласил воздух криками: „Даруварман, хоть и знал, что Балачандрика одержима сильным демоном, все же пожелал с ней соединиться, ослепленный страстью. Теперь он убит—поделом. О чем тут толковать.“ Так рассуждая, толпа разошлась. Среди этого смятения я быстро вышел, никем не замеченный, вместе с красавицей и возвратился домой. Через несколько дней на глазах всего города я женился, согласно предсказанию, на моей прекрасной, как месяц, возлюбленной и насладился столь желанными утехами любви. Сегодня же, по предсказанию птицегадателя Бандхупалы, выйдя за город, я ощутил неописуемое для моих взоров счастье—увидеть тебя. Выслушав рассказ друга о его приключениях, бодрый духом Раджавахана сообщил ему о своих собственных, а также о приключениях Сомадатты, и обратившись к этому последнему добавил: „Поклонившись великому Шиве, отправь жену со свитой в свое жилище, а сам возвращайся!“. Отдав это приказание, царевич отправился сам, пользуясь услугами Пушподбхавы, в Уджаини, этот земной рай. Пушподбхава представил его Бандхупале, как своего повелителя, а в городе всем говорил: „Это—великий брахман, владеющий в совершенстве всеми искусствами“. А у себя дома он ежедневно доставлял царевичу пищу, питье и все необходимое.

ГЛАВА V

Бракосочетание Авантисундари

Между тем наступила весна, распаляя в сердцах распаленных любовников пламя страсти, при содействии соратника Камы—южного ветра, ставшего еще более тонким, ибо он был с'еден змеями, плотно гнездящимися в дебрях Малайских гор, но за то и двигавшегося более замедленно, ибо он был отягчен ароматом, заимствованным от желтого сандала (49). Наступила весна, оглашая весь мир нежным, как звуки лютни, жужжанием пчел и пением птичек Кокила, ощутивших вожделение от вкушения сока нежных бутонов манго, возбуждая тоску в сердцах непреклонных красавиц, зарождая почки на деревьях макаранда, синдувара, красного ашока, кимшука и тилака и возбуждая радостное вожделение влюбленных к празднику любви. В это восхитительное время года дочь царя Манасары, Авантисундари, желая позабавиться вместе со своей подругой Балачандрикой в загородном парке, занялась тем, что окруженная сонмом городских красавиц, жаждавших наслаждения на тенистой песчаной площадке под сенью молодого манго, совершала обряд поклонения Каме (50) множеством благоуханных подношений, как то, духами, цветами, сандалом новыми китайскими шелковыми тканями и т. д... Горя желанием увидеть царевну Авантисундари, словно второе воплощение супруги бога Камы, богини Страсти-Рати, царевич Раджавахана вместе с Пушподбхавой, словно Кама в сопровождении своего друга Весны-Васанты, вступил в эту рощу. Прислушиваясь там и сям к пению стай кокила, попугаев и пчел, на, качаемых южным ветром ветвях деревьев манго, усеянных плодами, цветами и почками, поглядывая туда и сюда на озера с очаровательно прохладными и прозрачными водами, оглашаемые чудным пением стай фламинго, лебедей, гусей и кукушек, забавлявшихся игрой с сетью чуть-чуть распустившихся белых, желтых, голубых и розовых лотосов, царевич приблизился к царевне с радостным вожделением.

Балачандрика сделала ему рукою знак, чтобы он подошел без опасений, и царевич Раджавахана, затмевая блеском самого Индру, приблизился к стройной красавице, царевне Она блистала красотой, как будто сам Кама, тоскуя по своей Страсти, пожелал создать себе игрушечную куколку и сотворил эту необыкновенную женщину, сделав обе ее ступни из прелестных осенних лотосов из своих садов; ее медлительную кокетливую поступь из походки опъяненных самок фламинго на озерах в его парке; ее бедра из своего прекрасного колчана; ее восхитительные ляшки из чудных платанов-столбов у входа в свой павильон любви; ее плотный пах из своей быстрой колесницы; ее пупок, подобный водовороту Ганги, из бутона-почки едва распустившегося лотоса в своем праздничном венке; три складки на ее животе из ряда ступеней терассы своего дворца; волосики на ее теле из чудной синевы своей тетивы—вереницы пчел; ее обе груди из своих роскошных наполненных водой золотых кувшинов; ее локти из нежных лиан своей беседки; ее шею из своей блестящей победной трубы; ее уста, послужившие образцом для создания плодов Бимба, из краски молодых манговых почек—своих сережек; ее лучезарную улыбку из дивных цветов своих стрел; ее голос из сладостного пения кокилы, своего первого предвестника; благоухание ее дыхания из благовония южного ветра, своего главного соратника; ее пару очей из гордой рыбы своего знамени; ее лианоподобные брови из своего гибкого лука; ее лицо из очаровательного месяца—своего друга, но только без его пятен; пряди ее волос из перьев хвоста игривого павлина; изо всего этого Кама словно создал царевну, омыв ее соком сандала, смешанного с цветочной водой и мускусом и осыпав ее камфороний пыльцой.

Когда эта дочь царя Манасары, словно воплощение самой богини Лакшми, взглянула на царевича Раджавахану, словно на воскрешенного Каму, внявшего ее мольбам и явившегося дабы исполнить ее желания, охваченная страстью она затрепетала, словно колеблемая ветром лиана. Затем, оставив игры и забавы, она пыталась под видом стыдливости скрыть иные ощущения. „Конечно творец мира, сотворивший женщин, создал эту случайно, как древесный червь случайно вытачивает букву. В противном случае, отчего Брахма, сумев создать подобную, не создал другой подобной же красавицы“,

так думал улыбаясь царевич и глядел на нее со страстью. Она же, не будучи в силах стоять близь него, застенчиво спряталась немного среди подруг и сама начала глядеть в глаза царевичу, пленившему ее красотою, словно серну сетью, вскидывая искоса своими несколько изогнутыми словно лианы глазами и подведенными бровями. А его сердце стало мишенью для стрел Камы, полновластно завладевшего им при помощи всей совокупности, порожденных в ней чувств и ощущений. Она думала: „В каком городе этот несравненный красавец услаждает взоры счастливых молодых женщин? Какая жена и какая мать, обладая таким сокровищем, мужем или сыном, могут считаться украшением всего женского пола? Кто его супруга? Какая причина его появления здесь? Кама, завидуя, что я гляжу на царевича, превосходящего красою его самого, жестокий жестоко терзает меня. Что делать? Как с ним познакомиться?" Тогда Балачандрика, угадав по внешним признакам их внутреннее состояние и считая неуместным рассказывать истинную историю царевича в обществе развеселившихся девушек, повела о нем речь согласно общераспространенной версии: „Царевна! Этот юный брахман, изощренный во всех шестидесяти четырех искусствах, сумеющий вызывать на бой самих богов, искусный в бою, знаток амулетов, заклинаний и зелий, достойный уважения, да будет почтен тобою". Царевна, услыхав это, сердечно обрадовалась словам подруги, вторившим ее желанию, и потревоженная Камой, словно гряда волн, колеблемая тихим ветром, пригласила присесть царевича, красою превосходившего Каму, на подобающем месте и через посредство руки своей подруги оказала ему почесть поднесением массы духов, цветов, зерен, камфоры, бетеля и т. д.

Между тем Раджавахана думал про себя: „Без сомнения это Яджнявати, моя супруга в предыдущем воплощении: иначе мое сердце не возгорелось бы такою страстью к ней. В срок, когда наступает конец проклятью наложенному святым аскетом, у нас обоих возникает общее воспоминание о предыдущем воплощении. Все же я вызову в ней сознание речами, связанными с особыми событиями". Как раз в это время приблизился к нему восхитительный царский фламинго, желая поиграть. Заметив, что Балачандрика получила приказание от царевны, томившейся желанием поймать этого

лебедя, царевич Раджавахана подумал: „Вот удобный повод заговорить“ и так повел искусную речь: „Дорогая! Давно жил-был царь по имени Шямба. Желая позабавиться вместе с супругой, он подошел однажды к озеру, и там около группы розовых лотосов потихоньку схватил погруженного в сон лебедя и крепко связав ему обе лапки водорослями, и глядя на зардевшееся лицо своей милой, молвил с кроткой улыбкой, разлившейся на его собственных щеках: „О лунноликая! Этот лебедь связанный мною сидит неподвижно, словно аскет. Делай с ним, что хочешь“. Но лебедь вдруг заговорил и проклял царя Шямбу: „Повелитель земли! За то, что ты из царского высокомерия беспричинно оскорбил меня, целомудренного отшельника, пребывавшего в высшем блаженстве и всецело погруженного в свое стояние среди этой группы лотосов, за это преступление ты испытаешь мучения разлуки с милой“. Царь Шямба с испуганным лицом и не будучи в силах снести разлуки с возлюбленной пал ниц и почтительно молвил: „Блаженный! Прости, в чем я согрешил по неведению“. Аскет смягчившись отвечал: „Царь! Проклятие не коснется вас в этом воплощении. Но в силу моего слова в следующем воплощении ты, насладившись любовью с этой лотосоокой, которая также снова воплотится, за то, что связал мне ноги на две минуты, сам пробудешь два месяца с ногами связанными цепочкой и испытаешь горе разлуки с милой, а потом долго будешь царствовать вместе с нею“. Засим он даровал нам также способность припоминать предыдущие воплощения. Вот почему нельзя связывать этого лебедя“.

Царевна вняв этой речи также припомнила свое предыдущее воплощение, сказав про себя: „Вот это мой дорогой возлюбленный“, и с радостным сердечным трепетом, кротко улыбаясь сказала: „Дорогой мой! Некогда царь Шямба в угоду своей супруге Яджнявати связал царственного лебедя. Так подчас на свете и мудрые из за желания угодить делают то, чего не следует“. Вот как царевич и царевна, сообщив друг другу имена и признаки, относившиеся к предыдущему воплощению, преисполнились в сердце любовной страстью. В это время главная супруга царя Малава, окруженная свитой, прибыла к этому месту поглядеть на игры дочери, а Балачандрика, увидев ее издали и опасаясь разоб-

лачения тайны, поспешно знаком руки заставила царевича вместе с Пушподбхавой спрятаться в куртине. Царица, полюбовавшись на различные забавы и игры дочери с подругами и пробыв там некоторое время, собралась затем возвратиться вместе с дочерью во дворец. Следуя за матерью, царевна произнесла, обращаясь будто бы к лебедю, а на самом деле к царевичу, следующую условную фразу: „О мой царственный лебедь! Внезапно я покидаю тебя, приблизившегося ко мне в парке с желанием позабавиться, ибо мне подобает последовать за матерью. Но пусть твое влечение не изменяется“. Так говоря и поглядывая на его лицо томными очами, она пошла домой.

Затем случайно, при разговоре о возлюбленном, Балачандрика рассказала ей об имени и происхождении царевича; царевна с сердцем переполненным стрелами Камы, терзаемая изо дня в день разлукой, исхудав, точно серп месяца в новолунье, отказываясь от пищи и других занятий в уединенном будуаре, трепетала, точно тонкая лиана на ложе усеянном цветами и ветвями, обрызганными сокомн сандала. Озабоченные подруги, увидев царевну в таком состоянии, эту нежную деву сжигаемую пламенем любви, старались охладить ее тело, применяя всевозможные жаропонижающие, окропляя ее водой из золотых кувшинов, раствором воды и желтого сандала с камфорой, надевали на нее тонкие одежды из тонких волокон лотоса и обвевали веерами из листьев лотоса. Но все эти средства вызывали по всему ее телу жар, словно вода по расплавленному маслу. Истощенная, истомленная, измученная царевна заикаясь тихо пролепетала устами, иссушенными дыханием горячим от от пламени разлуки, искоса поглядывая полузакрытыми, полными слез глазами на подругу Балачандрику, растерявшуюся и недоумевавшую, что делать. „Милая подруга! Ведь это говорят неправду, будто Кама стреляет цветами и имеет лишь пять стрел: вот я изранена бесчисленным множеством его железных стрел и нахожу, что месяц гораздо горячее, чем подземное пламя в море. Когда он заходит море высыхает, а когда восходит — оно возрастает. К чему рассказывать о преступлениях месяца, когда он угнетает даже цветок лотоса, жилище своей сестры Лакшми. Теперь даже южный ветер иссушается и разгорячается от прикосновения к моему

сердцу, опаленному пламенем разлуки. Свежие ветки разбросанные по этому ложу, словно зигзаги пламени Камы, как бы погружают меня в огненное море, а желтый сандал. словно пропитанный обильным ядом, прилипшим от зубов змей, обвивавших сандаловое дерево, жжет мое тело. Тщетны старания утешить жар. Царевич, красою превзощедший Каму единственный врач способный исцелить меня. Но я немогу его добыть. Что делать?. „Балачандрика, взглянув на эту злополучную лотосоокую, зжигаемую вожделением, беззащитную, покоренную красотой царевича, подумала: „Я должна как можно скорей доставить к ней царевича, иначе Кама погубит ее. Тогда в парке, когда они глядели друг на друга, Кама хоть и владея наравным числом стрел, нанес им равные раны, а потому не трудно доставить царевича.“ Поэтому, оставив около царевны разумных подруг для ее охраны, она отправилась сама в жилище царевича.

Раджавахана, чье сердце уже превратилось в колчан, переполненный стрелами Камы, возлежал на ложе из бутонов, поблекших от прикосновения к его разгоряченному страстью телу, и разговаривал с Пушподбхавой о владычице своей жизни. Увидаввошедшуюдорогуюподругую, он подумал: „Балачандрика приблизилась, словно желанная лиана к подножью дерева“. И пригласил ее сесть на подобающем месте, сказав: „садись здесь“, в то время как она прикоснулась сложенными руками к лотосам на своей голове и радостно спросил ее о состоянии своей возлюбленной, приняв как подобает присланные царевной камфору и бетель. Она учтиво отвечала: „Государь С той минуты, как она увидела тебя в парке, она не может, терзаемая Камой, добиться понижения жара, даже на ложе из цветов, и жаждет только прильнуть к твоей груди, что для нее недостижимо, как для карлика плод на высоком дереве. Она сама написала письмо и вручила его мне, сказав „Передай его возлюбленному,“ вот оно:

„Милый мой! Нежную видя твою, как цветок, красоту,
беспримерную в мире.
„Сердце мое вожделеет. О сделай, молю, ты и сердце
свое стольже нежным“!

Прочитав эти строки, царевич ласково отвечал: „Милая моя! Ты — возлюбленная Пушподбхавы, сопровождающего меня, как тень, являешься как бы двойником той серноокой. Твоя

ловкость поддерживает все это дело, как водоем лиану. Я все исполню. Красавица намекает на жестокость моего сердца; но она сама, представ моим взорам в парке, вернулась домой, похитив мое сердце, так что ей лучше знать, что такое нежность и жестокость сердца. Но ведь доступ в гарем затруднителен. Придумай подходящий способ и я завтра же или послезавтра увижусь с ней. Передай ей весть обо мне и постарайся, чтобы здоровье, ее нежной как цветок Ширишя, не потерпело вреда.“ Балачандрика, вняв его любвеобильной речи, с радостью возвратилась в гарем. Тем временем Раджавахана, чтобы развлечь тоску разлуки, отправился вместе с Пушподбхавой в парк, где раньше вкусил счастье лицезреть подругу сердца. И там бродил, не будучи в состоянии освободиться от испытываемых любовных мучений, разглядывая группы деревьев, с которых перепелиноокая собирала ветви и цветы, и то место, где лунноликая совершала поклонение Каме, и прохладную песчаную площадку, носившую следы ступней полногрудой, и ложе из зелени внутри беседки из жасмина, на котором возлежала прекраснозубая, а потом его покинула. Он припоминал все мелочи, связанные с тем мгновением, когда он узрел эту красу всего прекрасного пола, и поглядывал теперь со страхом на юные ветки манго, колеблемые тихим ветром, и казавшиеся ему языками любовного пламени, прислушиваясь к пению кокила, попугаев и пчел, этих истолкователей любви.

В эту минуту некий брахман, одетый в тонкую пеструю одежду, украшенный кольцами и блестящими каменьями, в сопровождении ученика с бритым черепом, привлекая своим заманчивым видом, приблизился случайно, и, произнесши сперва благословение, увидел царевича, как бы озаренного ореолом своей доблести. Раджавахана почтительно спросил его: „Кто ты и в какой науке искушен?“ „Зовусь я Видьешвара, знаток науки чародейства. Странствуя по разным местам для забавы царей, я добрался сегодня до Уджаини.“ Затем он поглядел еще раз пристально на Раджавахану, усмехнулся и многозначительно добавил: „Отчего ты такой бледный в этом месте веселья?“ Пушподбхава сообразив, что этот брахман и есть средство для достижения цели, почтительно отвечал: „Ты, приветливый, стал тотчас нашим милым другом в силу того, что приветствие предваряет

дружбу между порядочными людьми. А чего не расскажешь другу? При неожиданном свидании в этом парке вот этого царевича с дочерью повелителя Малава, пришедший сюда на великий весенний праздник, между ними возгорелась взаимная сильная страсть. Не имея возможности соединиться с нею навсегда, он и пришел в такое состояние.“

Чародей взглянул на зардевшегося от стыдливости царевича и кротко улыбаясь произнес: „Государь! Раз я буду тебе служить, для тебя не будет ничего невозможного. Одурачив своими чарами царя Малава, даже пред лицом всего города, я устрою свадьбу его дочери и проведу тебя в гарем. Только нужно ее заранее предупредить обо всем через подругу.“ Обрадованный царевич любезно отпустил чародея (51) нежданного друга, доказавшего свое искусство в магии, знатока всех признаков любовной разлуки, притворной любви и естественной дружбы. И вот Раджавахана, считая свое дело уже выигранным благодаря искусству чародея, вернувшись домой вместе с Пушподбхавой, подробно сообщил через Балачандрику своей возлюбленной о том, как может осуществиться их соединение при помощи чародея брахмана; сам же, мучимый в душе любопытством думал: „Как я проведу эту ночь?“ На другой день поутру Видьешвара, искусный знаток видов и способов чувств и ощущений, сопровождаемый многочисленной соответствующей свитой, явившись у входа в царский дворец, сообщил о себе привратнику, который тот-час же доложил царю о приходе чародея. Царь, сгорая от нетерпения увидеть его, окруженный своим гаремом преисполненным любопытства, тотчас же велел его впустить. Чародей, войдя внутрь дворца и с достоинством преподав благословение и получив царское разрешение, заставил свою свиту некоторое время быстро двигаться кругом. Причем слуги били в громко звучавшие барабаны, певицы пели сладостными, как у влюбленных кокил голосами, а души присутствующих, овеваемых павлиньими опахалами, были охвачены сильнейшей страстью. Брахман зажмурил глаза и простоял так некоторое время. Вдруг появились змеи, вселяя испуг, изрыгая ужасный острый яд, изукрашенные гребнями, которые своими алмазами ярко озаряли дворцовые покои, а многочисленные коршуны, схватив клювом ужасных змей, улетели в небеса.

Затем брахман, изобразив растерзание владыки демонов Хираньякашипу богом Вишну в образе человекольва, сказал царю, преисполнившемуся великим изумлением от всего виденного: „Государь! В заключение следует тебе посмотреть что-нибудь, предзнаменующее счастье. С целью достижения целой цепи счастливых событий, я изображу свадьбу девицы, имеющей вид твоей дочери с царевичем, обладающим всеми требуемыми качествами“. Движимый любопытством царь дал свое согласие, а брахман весь просиял, предвкушая удачу затеи, бросил в глаза всем присутствующим волшебный одуряющий порошок и сам оглянулся кругом. И вот, в то самое время, когда все глядели с изумлением и думали, что это лишь навождение, он соединил царевича Раджавахану, чье сердце расцвело от радости, с царевной Авантисундари, разукрашенной всяческими украшениями, явившейся по данному знаку, произнесши брачные молитвы и заклинания и призвав в свидетели жертвенный огонь. Когда это действо окончилось, чародей громко воскликнул: „Навождения волшебства, згиньте все!“ И все призраки постепенно рассеялись, а Раджавахана, под видом якобы привидения, проник в гарем, при помощи заранее обдуманных тайных средств. Царь же Малава, приняв все это за чудо, щедро одарив брахмана, отпустил его со словами: „Теперь ступай“ и возвратился во внутренние покои дворца. Царевна Авантисундари, вместе с лучшими своими подругами, отправилась с возлюбленным в свои роскошные покои. Таким образом царевич Раджавахана, добившись при помощи судьбы и людей исполнения своего желания, своими полными неги и страсти телодвижениями постепенно устранял стыдливость и возбуждал вождeления в сернаокой, а своими вопросами незаметно порождал в ней доверие, и сам усладился, впивая нектар ее ответов повествуя ей преудивительные, пленяющие ум и сердце, истории о четырнадцати мирах.

(Здесь заканчивается пролог к роману Дандина „Похождения десяти юношей.“)

АВАНТЮРА ПЕРВАЯ

Похождения Раджаваханы

Прекраснейшая из женщин, прослушав историю миров, улыбаясь широко раскрытыми от изумления очами заговорила: „О, мой возлюбленный! По твоей милости сегодня мой слух усладился, а ум просветился светочем познания, рассеявшим тьму. И я вкусила созревший плод счастья — поклонение лотосам твоих ног. Какой услугой я могу отплатить тебе за твою милость? У меня нет ничего такого, что не было бы твоим. Впрочем есть у меня ничтожной нечто, зависящее только от меня: ведь без моего согласия эти твои уста, уже носящие следы прикосновения богини красноречия, Сарасвати (52) не могут получить моего поцелуя. А твоя доблестная грудь, испытавшая объятия богини счастья, Лакшми, не может испытать моих объятий“. С этими словами она распростерла, словно тучи по небу, свои полные груди на его груди и с разгоревшимися от вожделения, красными, словно распустившийся бутон банана, очами всецело отдалась страсти, окутанная своими роскошными волосами, спутавшимися словно пчелиный рой и перещеголявшими хвост павлина украшавшими их, точно глазки, цветами и поцеловала возлюбленного в уста, похожие на пышный бутон кадамбы, покрытый блестящими красными волосиками. С этого мгновения сила страсти прорвалась неудержимо и их любовное слияние повторялось много раз, восхитительное вследствие чрезвычайно разнообразных эротических приемов. Наконец, истомленные любовными утехами, они оба уснули и во сне увидели старого лебедя, с лапками перевязанными стеблем лотоса. Они оба проснулись и у царевича обе ноги оказались связанными серебряной цепочкой, словно пучком лунных лучей, охвативших их, приняв по ошибке за лотосы.

Увидав это царевна подумала: „Что это значит?“ и, задрожав с перепугу, закричала во весь голос, вследствие чего весь гарем перетрусил, словно захваченный пожаром или

застигнутый злыми духами и, не взвесив важности сохранения тайны, начал кататься по полу, раздирая горло криком и орошая щеки слезами. Во время этого смятения беспрепятственно вбежали стражи гарема с криком „что случилось“ и увидели Раджавахану в таком положении. Его величественный вид не позволил схватить его и они тотчас доложили об этом деле министру Чандаварману. Тот явился разгневанный и увидав и признав Раджавахану стал его поносить, как бы желая испепелить его своим огненным взглядом: „Ага, вот он этот приятель супруга негодной Балачандрики, виновной в смерти моего меньшего брата, приятель Пушподбхавы, этого зазнавшегося и чванящегося своим богатством заморского купеческого сына! Вот он, этот самозванный брахман, помешанный на своей красоте, хвастающийся талантами, пленивший ловкими обманами горожан и возведенный ими чуть ли не в боги, надевший маску мнимой добродетели, а втайне развратный преступник! И ему отдалась эта презренная Авантисундари, презревшая героев подобных мне! Пусть же эта подлая, позорящая свою семью, увидит сегодня же, как ее супруг увенчает собою кол!“ С челом обезображенным от страшно скривившихся бровей, точно бог смерти, он схватил своей твердой, как темное железо, рукой царевича за его руки-лотосы, отмеченные линиями лотоса и диска, и грубо потащил его. Доблестный и отважный Раджавахана, считая терпение единственным средством против ниспосланного судьбой несчастья, пытался лишь утешить жаждавшую лишиться жизни возлюбленную, которая была ему дороже жизни, сказав ей: „О ты, с лебединой поступью! Вспомни историю с лебедем и потерпи два месяца!“ и подчинился произволу врага.

Узнав о случившемся, старый царь Манасара с царицей стали защищать зятя царевича, став на его сторону ради его красоты, и от огорчения пригрозили сами лишить себя жизни, если злой министр не пощадит его, но они не смогли освободить его, не располагая более властью, а вспыльчивый по природе Чандаварман дал знать о случившемся царю Дарпасаре, предававшемуся аскетическим подвигам на горе Куверы, но предварительно лишил всего имущества и заковал в цепи всю семью Пушподбхавы; царевича же Раджавахану посадил, точно молодого львенка, в деревянную клетку,

при чем от мучений голода и жажды его спасал лишь амулет, скрытый в волосах, и повез его, не доверяя никому другому, с собою в поход, предпринятый против царства Анга (53), дабы уничтожить там царя, отвергшего сватовство Чандавармана к его дочери. Он осадил столицу их Чампу, заставляя ее содрогаться под напором огромных полчищ. Сам же повелитель ее Синхаварман, непреодолимо сильный лев, как бы воплощавший в себе самоуверенность, проделав брешь в городской стене и сделав вылазку с большой армией, бросился, горя нетерпением, на врага, не дожидаясь предстоявшего соединения с царями, спешившими к нему на помощь, которых призвали разосланные им же вестники. И Синхаварман был захвачен в плен, после того как все его тело было изрублено сотнями жестоких ударов и все войско погибло в ужасном сражении с Чандаварманом, который с нечеловеческой силой перепрыгивал со слона на слона. Сам же Чандаварман, испытывая безмерное вожделение к прославленой жемчужине — дочери царя Синхавармана, звавшейся Амбалика, пощадил жизнь ее отца. Когда же после приказания извлечь из ран царя все осколки, он все же не получил от него согласия на этот брак, то посадил его в тюрьму, а сам велел звездочетам провозгласить: „Сегодня с окончанием ночи должен совершиться брак царской дочери". Когда он уже совершил обряд возложения брачного шнурка, вернулся как раз з горы Куверы скороход по имени Серноног, со следующим ответом от царя Дарпасары: „Ах ты, дурак! Какой же может быть повод для оказания снисхождения осквернителю гарема? А если старый царь, у которого от старости перепутались в голове понятия о стыде и чести, заступается за свою бесстыдную дочь и мелет вздор, то как же ты можешь потворствовать этому? Немедленно услади мой слух извещением о необычайно жестокой казни этого обезумевшего от страсти наглеца. А дрянная эта девчонка и ее младший брат пусть будут брошены в тюрьму со скованными ногами". Услыхав это, Чандаварман отдал такой приказ своим приближенным: „Рано утром пусть приведут к дворцовым воротам этого злодея, осквернителя гарема, а также пусть поставят там славного слона Чандапоту, снаряженного должным образом. Как только я окончу церемонию своего бракосочетания, я сам брошу этого негодяя на потеху слону, севши

на этого слона, выступлю против войск, идущих на помощь врагу и завладею их сокровищами и колесницами“.

На другой день, лишь только заря начала загораться утренним румянцем, стража привела царевича на царский двор, куда привели и слона, у которого пот струился по вискам. В тот же миг, ноги царевича освободились от серебряной цепочки, превратившейся в бледноликую, словно молодой месяц, Апсарасу, которая обошла его с правой стороны и молвила, простирая с мольбой, воздетые ко лбу сложенные руки: „Государь! Да будет твое сердце доступным милосердию. Я, небесная красавица, Сурата-Манджари, Гирлянда Любви, дочь Гандхарвы (54) Сомарашми-Лунный луч. Однажды, желая отстранить от своего лица обезумевшего фламинго, принявшего его за лотос, я сделала порывистое движение. Мое жемчужное ожерелье разорвалось, распалось и упало на голову великого пророка Маркандейи, купавшегося в мелководном пруде среди Гималайских гор, блеском жемчуга, как бы удвоив белизну его седин. Разгневавшись, он наложил на меня такое проклятье: „Злая! За свою безчувственность превратись в металл“. Но, смягчившись, определил конец этому проклятию и возвращению мне чувств во всей их полноте после того, как я два месяца пробуду цепочкой, связывающей лотосы твоих ног. И вот ко мне, превращенной за тяжкий грех в серебряную цепочку, явился на горе Кайласа некий гений, Видьядхара (55), по имени Вирашекхара, сын Манасавеги, внук Веганта, царя из династии Икшьваку и взял меня к себе. Этот Видьяшекхара, питая затаенную ненависть к тогдашнему императору видьядхаров Наравахanадатте, красе династии Ватса, враждовавшему с его отцом, вступил в союз с предавшимся аскетическим подвигам царем Дарпасарой в надежде, что тот сможет сокрушить Наравахaнадатту. Дарпасара обещал ему в жены свою сестру Аванти-сундари. Однажды, вожделея узреть царицу своих желаний и не владея больше собою, Видьяшекхара летел по воздуху, озаренному луной и приблизился к гарему царевны, сверкавшему, словно дворец Индры. Проникнув туда и пребывая невидимым в силу чар, он узрел, как она положила голову тебе на грудь и, обезсиленная от любовных наслаждений, снова преисполнилась вожделением, вследствие твоих источающих нектар рассказов, повествовавших о создании, бытии и разру-

шении трех миров. Твой величественный вид остановил его, собиравшегося в гневе убить тебя. Но, когда вы обнявшись оба сладко уснули, он по воле судьбы оказался в силах связать мною, серебряной цепочкой, лотосы твоих ног и с досадой поспешно удалился. Теперь окончилось мое проклятие и двухмесячный срок твоего пленения. Прости меня! Чем я могу тебе услужить?". С этими словами она упала к ногам царевича, он же отпустил ее, сказав: „Обрадуй этой вестью ту, которая мне дороже жизни"!

Как раз в это время раздался гул голосов: „Убит Чандаварман! Убит ударом кинжала некоего отважного бандита, схватившего министра за его палицеподобную руку, посягнувшую с вожделением на руку дочери Синхавармана, Амбалики и оттащившего его силою, при чем он превратил царский дворец в груду сотен трупов, а сам теперь бесстрашно разгуливает". Царевич, услыхав это, вскочил на бешенного слона, сбросив корнака и с быстротою молнии помчался во дворец. Верхом на слоне, перед которым расступилась пешая толпа, он проник внутрь дворца и громким голосом, заглушавшим гром множества туч, воскликнул: „Кто этот великий человек, совершивший столь непосильный для простого смертного подвиг? Пусть он выйдет и вместе со мной сядет на этого бешенного слона! Рядом со мною ему нечего бояться, даже столкновения с богами и демонами". Услыхав это, человек этот вышел с великой радостью и, протянув с мольбою руки, поспешно полез на спину слона, опустившегося на колена по данному знаку. Взглянув на него, Раджавахана весь просиял от радости и воскликнул: „Ведь это мой дорогой друг Апахараварман!" и велел ему, усевшемуся сзади, протянуть свои мощные руки под его руками и обнять его тело, а сам обнял его, закинув руки назад. Затем, разжав объятия, Апахараварман поверг во прах все неприятельские силы, сражавшиеся всячески, употребляя луки, диски, палицы, кривые копья, пики, дротики, мечи, ножи, сабли, кинжалы и разное другое орудие, полагавшиеся на свою мощь и окружавшие его. В то же время он увидел, как это войско было оцеплено другим, устремлявшимся со всех сторон.

Засим приблизился какой-то человек, желтый, как цвет карникара, с волосами темными, как растение курувинда, с лотосоподобными руками и ногами, с влажными, синими,

доходящими до ушей глазами и молочно-белыми белками, имевший при себе изогнутый кинжал з драгоценными каменьями, одетый в щелка, с узким животом и широкой грудью, искусными движениями рук источавший на врагов дождь стрел, сидя верхом на быстром слоне, уши которого он надавливал большими пальцами ног. Полагаясь на прежние указания, он подумал: „Это и есть царевич Раджавахана". И преклонившись со сложеными руками, он доложил, глядя на Апахараварманa: „По указанному тобою пути все собранное войско явилось сюда подать помощь царю Анга. Враг разбит и рассеян так, что женщины и дети могут теперь отнять у него оружие. Что делать теперь?". Апахараварман радостно воскликнул: „Государь! Осчастливь своего слугу и подари его взглядом! Считай, как будто я облечен его наружностью и зовусь Дханамитрой. Освободив из тюрьмы царя Анга и собрав рассеянные сокровища, коней, слонов и колесницы, пусть вместе с союзными войсками он явится затем выразить свою преданность тебе, государь, расположившемуся в покойном месте, если ты это дозволишь". Царевич отвечал: „Как хочешь", отправившись по указанному пути за город, сошел со слона у подножия громадного баниана на белую, как шелк, песчанную площадку, прохладную от ветерка доносившегося от волн Ганги, и расположился поудобней на песчаной отмели Ганги, которую Апахараварман, слезший раньше, приспособил в форме коленопреклоненного слона. Когда царевич уселся, перед ним предстали и пали ниц: Дханамитра с Упахараварманом, Артхапала, Прамати, Митрагупта, Мантрагупта, Вишьрута, цар Митхилы Прахараварман, царь Каши-Бенареса Камапала и царь Чампы Синхаварман.

Обрадованный царевич встал со словами: „Как собралась вся эта дружеская компания? Какое это счастье!". И крепко обнял всех, оказавших ему такие услуги. С царями Митхилы, Каши и Чампы, представленными ему друзьями, он обошелся, как с родными отцами, которые обняли его, со взъершившимися от радости сединами, и сам испытал наслаждение приветствия. Затем, когда начались дружеские разговоры, он, отвечая на распросы друзей, изложил свои приключения, а также Сомадатты и Пушподбхавы и, положив сам начало, распределил между друзьями очередь для рассказов об их похождениях. Первым начал рассказывать Апахараварман.

АВАНТЮРА ВТОРАЯ

Похождения Апахаравармана

„Государь! После того, как ты спустился тогда в преисподнюю, для оказания помощи брахману, а вся компания друзей разбрелась, дабы разыскать тебя, я, странствуя по белу свету, услыхал из разговоров каких-то людей, будто в стране Анга на берегу Ганги за городом Чампой обитает великий пророк-аскет, по имени Маричи, силой своего подвижничества стяжавший дар ясновидения. Желая узнать от него о твоей судьбе, я отправился в указанном направлении и увидел в обители под сенью молодого мангового дерева какого-то отшельника с сокрушенным видом. Радушно принятый им отдохнув немного, я заговорил так: „Где этот преподобный Маричи? Я желал бы разузнать от него о судьбе моего друга, отправившегося в путь по делу. Мне рекомендовали этого святого, как обладающего чудесным даром ясновидения“.

Долго и тяжко вздыхая, старец отвечал мне: „Был такой святой в этой обители; но в один прекрасный день пред ним предстала краса столицы гетера Камаманджари — „Гирлянда любви“, чьи груди были увенчаны блиставшими, как звезды, слезами. Выражая отчаяние, она поклонилась ему, подметая землю своими распущенными волосами. В тот же миг ее родичи целой ватагой, с ее матерью во главе, прибежав с жалобными возгласами, тут же все без различия бросились на землю. Тогда сострадательный Маричи, успокоив этих людей, кротким голосом спросил гетеру о причине такой скорби. Она же, застыдившись, с отчаянием, но и с достоинством вымолвила: „Преподобный! Я злополучная, для которой недостижимо здешнее земное счастье, прибегаю к твоим стопам, этому славному прибежищу для всех несчастных, ища будущих загробных благ“. А ее мать, с мольбою простирая руки и подметая землю своими пестрыми от седины волосами, заголосила: „Преподобный! Вот эта твоя рабыня,

дочь моя, жалуется тебе на мой грех! А мой грех заключается лишь в том, что я исполняла свой долг. Ибо мать гетеры обязана с момента рождения дочери ухаживать за ее телом, посредством массажа, втираний и пр., выкармливать ее умеренной пищей, развивающей в ней энергию, силу, красоту и ум, и поддерживающеи в ней равновесие трех телесных основ пищеварения и семи элементов, не показывать ее, начиная с пятилетнего возраста никому, даже родному отцу.

В день ее рождения и в счастливые дни устраивать пышные праздничные церемонии. Обучать ее науке о любви с дополнительными предметами, при чем основательно познакомить ее с искусствами (56): танцы, пение, музыка, сценическая игра, рисование, приготовление лакомств, парфюмерий и цветочных украшений, каллиграфия и декламация, и лишь слегка ознакомить с грамматикой, логикой и астрономией. Посвятить ее в практику жизни, в игривость приемов (шутки, остроты и проч.), обставить ей тщательным образом практические упражнения в любовных утехах с опытными знатоками. Выставлять ее всюду на показ на праздничных процессиях и т. п., хорошенько принарядив и окружив блестящей свитой. Обеспечить ей успех, если ей приходится вдруг выступить в концерте и т. п., заранее подкупив критиков. Рекламировать ее на все четыре стороны через знатоков того или иного вида искусств, разглашать о ее счастливых признаках через предсказателей, и т. п. Расписывать в собраниях образованных горожан ее красоту, таланты, прелесть и обходительность, через посредство танцоров, актеров, кутил, нищенствующих монахинь и т. п.. Обещать отдать ее вообще лишь за самую высокую цену, но при этом выдать ее в жены добровольно за самостоятельного юношу, ослепленного страстью, обезумевшего при виде ее качеств, отличающегося родовитостью, молодостью, богатством, красотою, могуществом, честностью, щедростью, любезностью, ловкостью, талантливостью, энергией и обходительностью, а также отдать ее по дешевой, лишь номинально высокой цене другому, отличающемуся еще большими достоинствами, но не самостоятельному юноше в сожительницы, и выманивать деньги у родителей этого несовершеннолетнего, а в случае неуплаты денег, выиграть дело в суде, склонив на свою сторону судью или суд, настаивать, чтобы дочь исполняла супружеские

обязанности по отношению к любовнику. Выманивать всякими способами деньги у кутил, еще не растративших их на случайные или постоянные амурные расходы, разлучать ее с ничего не дающим скрягой, разжигать щедрость влюбленного скупердяя, подзадоривая содержателя соседнего публичного дома. Устрашать безденежного любовника бранью, публичным поношением его и запиранием дочери, вызывая в нем стыд всяческими обвинениями и оскорблениями. Сводить дочь регулярно лишь с безупречными, доставляющими выгоды и устраняющими невыгоды богачами, заранее взвесив все шансы за и против. Вот каковы мои обязанности. Ведь для гетеры полагается лишь покорность, а не привязанность, и не любовь, а если любовь и заведется, то все же нельзя нарушать заветы матери и бабушки. И вот, при таких условиях, она нарушила свой долг, предписанный творцом, прожив целый месяц, затратив свои собственные деньги с каким-то проходимцем, молодым брахманом, все богатство которого заключается в его красоте. Гораздо более выгодные франты отвергнутые ею, рассердились, а вся ее родня погибает. Когда же я сделала ей выговор „такая, мол, глупость не годится" она в сердцах решилась уйти в лес отшельницей. Если же она будет упорствовать в своем намерении, то все эти люди неминуемо умрут с голода". При этих словах она разрыдалась.

Старец так обратился к гетере: „Милая моя! Ведь подвижничество в лесу дело трудное, а результат его двоякий: освобождение от своего *я* или блаженство на небесах. Но первое доступно исключительно познанию и вообще трудно достижимо, второе же вполне достижимо для всякого, соблюдающего законы своей касты; а потому оставь эти несбыточные мечтания и исполни материнское желание" В ответ на такую ласковую речь она разразилась: „Если мне нет прибежища у ног преподобного, да будет мне прибежищем божественный огонь"! Старец, подумав немного, сказал матери: „Ступай теперь домой! Подожди несколько дней: сия девица, привыкшая к комфорту, притомится от тягот отшельничества в лесу и, получив от меня новое напутствие, вернется к прежней жизни". Когда родные, согласившись с этим удалились, гетера в самое короткое время сумела влюбить в себя этого старца, выказывая ему глубокую преданность, одеваясь в белые чистые одежды, не обращая слишком много внимания

на уход за своим телом, усердно поливая водою ямки и лунки молодых деревьев, собирая кучу цветов в честь богов, принося всевозможные подношения богам, почитая Шиву, убийцу Камы, сандалом, венками, воскурениями, свечами, пляской, пением, музыкой и т. д., а наедине со старцем она вела разговоры о трех основах морали и рассуждала должным образом о высшем Брахме.

Однажды, оставшись наедине и заметив, что влюбленный старец окончателвно потерял голову, она сказала, смеясь: „Право, люди глупы, когда ставят удовольствие и пользу наравне с добродетелью“ (57).—„А ну-ка скажи, дитя мое, насколько по твоему добродетель выше пользы и удовольствия?“ спросил он. Ободренная такими словами старца, она застыдившись начала излагать не спеша: „Преподобный! Неужели ты должен узнать от меня, ничтожной, о сильных и слабых сторонах трех основ морали? Разумеется, это лишь новое проявление благосклонности к твоей бедной рабе. В таком случае выслушай! Ведь без добродетели не могут даже существовать ни польза, ни удовольствие, ибо независимо от них, она сама является причиной происхождения блаженства освобождения от своего *я*, достигаемого вообще лишь путем умственной сосредоточенности и независит исключительно от внешнего мира, как польза и удовольствие. Добродетель, поддерживаемая созерцанием истины, никоим образом не может потерпеть ущерба от выгоды или удовольствия, соблюдаемых по мере возможности и силе. А если бы даже и потерпела ущерб, то он может быть возмещен при небольшом усилии. Удаление же такого недочета приводит лишь к большему благу. Таким образом и получились следующие факты (58): Брахма ощутил вожделение к своей дочери апсарасе-Тилоттаме, Шива соблазнил 5.000 отшельниц, Вишну, из пупа которого выростает лотос, насладился в гареме 16.000 жен, Праджапати имел связь со своей дочерью. Индра был любовником Ахальи, жены Гаутамы, Сома осквернил ложе своего учителя Брихаспати, бог солнца согрешил с кобылицей, а Ветер с обезьяной, Брихаспати с супругой своего старшего брата Утатхи, Парашяра соблазнил дочь рыбака, а его сын Вьяса разделил ложе с женой своего брата, наконец Атри согрешил с газелью. Но все эти демонические проделки бессмертных при тех или иных обстоятельствах не

повлекли за собой ущерба их добродетели, благодаря силе их познания, ибо на душе просветленной добродетелью грязь не осаждается, точно на небе; а потому я и полагаю, что ни польза, ни удовольствие не стоят даже одной сотой части добродетели".

Услыхав это старец, распалившись страстью, воскликнул: „Ай да милая! Отлично рассудила ты, что для созерцающих истину добродетель не нарушается чувственными наслаждениями. А наш брат от самого рождения не имеет никакого понятия ни о пользе, ни об удовольствии, а ведь следует познать и их, их сущность, аттрибуты и результаты". Она отвечала: „Что касается пользы, то сущность ее заключается в накоплении, увеличении и сохранении богатства. Ее аттрибуты: земледелие, скотоводство, торговля, война и мир и т. д., а результаты—одарение достойных; что же касается удовольствия, то сущность его составляет необыкновенно приятное соприкосновение мужчины и женщины, вполне отдавшихся чувственному наслаждению, его аттрибуты — все роскошное и красивое, а результат — опять таки высшее наслаждение, происходящее от взаимных объятий, сладостное в воспоминании, возбуждающее самосознание, одним словом блаженство, которое надо самолично испытать. Ради этого люди, находящиеся в прекрасных условиях, совершают тяжкие подвиги, приносят большие дары, претерпевают страшные сражения, неудачные заморские путешествия и т. п." Выслушав все это, старец по воле судьбы, либо в силу лукавства гетеры, или своей глупости, окончательно влюбился в нее. Она же, усадив его, окончательно одуревшего, на носилки, повезла в город и по главной празднично-разукрашенной улице, доставила прямо к себе в дом. Как раз в это время был объявлен на следующий день „праздник любви" (59). На другой день она доставила старца вымытого, умащенного и изукрашенного прелестными гирляндами, пребывавшего в состоянии новичка в любви, отбросившего заботы о своем поведении, и тосковавшего даже после одной минуты разлуки с нею, по роскошной царской улице на праздничное собрание в парке, уселась сама возле царя, окруженного сонмом молодых женщин и после его приглашения, произнесенного с усмешкой: „Садись, красавица, сюда, вместе с преподобным", кокетливо поклонилась и весело усмехну-

лась. Тогда поднялась с места другая красавица, с мольбой простирая руки, поклонилась царю и сказала: „Государь! Она меня победила, отныне я — ее рабыня“. А вся публика громко закричала от радости и изумления. Сама же гетера Кама-манджари, получив от обрадованного царя в подарок драгоценные украшения, была отпущена им с многочисленной свитой, прославляемая со всех сторон гетерами и первейшими горожанами; но прежде чем отправиться домой она обратилась к старцу: „Преподобный! Низко кланяется тебе твоя рабыня, долго пользовавшаяся твоей милостью, а теперь займись своим делом“. Он же точно пораженный молнией, в страшном возбуждении воскликнул: „Милая! Да что же это такое? Откуда такое равнодушие, куда девалась твоя неудержимая страсть ко мне?“ Она же, смеясь, отвечала: „Преподобный! Как то раз, в споре та красавица, которая сегодня в присутствии царя потерпела от меня поражение, оскорбила меня, сказав: „ты только хвастаешься, что можешь покорить преподобного Маричи“. Мы побились об заклад и ставкой была наша свобода. Сегодня по твоей милости я выиграла“. Отвергнутый ею безумец, раскаявшись, вернулся совсем уничтоженный. Знай же, достославный — это *я* аскет, которого она так провела, отняв у меня внушенную ею же страсть, эта гетера внушила мне полнейшее бесстрастие ко всему. Вскоре я буду снова в силах помочч тебе. Тем временем поживи здесь в Чампе, столице Анга“.

Солнце зашло, словно страшась прикоснуться к мраку неведения, отвергнутому его разумом, а пламя страсти, покинувшей старца, словно зарделось в вечерней заре; гряды лотосов закрылись, словно утратив цвет страсти, вследствие его повести. По приглашению старца, я совершил вместе с ним вечернюю молитву, улегся спать, после подобающих разговоров, и провел с ним ночь. Когда же взошло солнце, пылая точно лесной пожар на вершине горы восхода, и затмевая блеском молодые красные побеги дерева Кальпа, я поклонился старцу и отправился в город. И я увидел недалеко от джаинистского (60) монастыря близь дороги какого-то голого нищенствующего монаха, сидевшего одиноко в роще красных ашока, изможденного на вид, но чуждого созерцанию, истерзанного заботами и поражавшего своим безобразием. Я заметил также капли слез падавшие на грудь с его

лица, покрытого расплывшеюся грязью. Я подошел и спросил его: „Как примиряешь ты аскетизм со слезами? Если это не тайна, я хотел бы узнать причину печали“. Он отвечал: „Друг мой! Я старший сын купца Нидхипалиты, в этом городе Чампе, и зовусь Васупалита, но по причине своего безобразия зовусь Вирупака, т. е. урод. Здесь проживал еще некто, по справедливости прозванный „Красавчиком“ — Сундарака, богатый добродетелями и талантами, но не деньгами. Из-за его красоты и моего богатства между нами возгарелось соперничество, подержанное городскими плутами, умеющими поживиться за счет враждующих. Подслушав однажды перебранку в праздничном собрании, нарочито начатую нами с целью взаимного оскорбления, эти плуты провозгласили: „Ни красота, ни богатство не составляют суть мужчины. Лишь тот настоящий мужчина, чью юность вожделеет первая между гетерами. Посему, тот, кого полюбит краса всех гетер Кама манджари, пусть и стяжает пальму первенства“. Сойдясь на этом, мы оба отправили к ней посланцев и я, как казалось, возбудил в ней безумную любовь. Когда мы оба уселись перед ней, она подошла ко мне, искоса вскинула на меня своими лотосами — глазами, заставив меня смутиться и потупить взор. Считая себе счастливейшим, я сделал ее обладательницей моих денег, моего дома, моей челяди, моего тела и моей души. Она же оставила мне одни лохмотья вместо пояса, отняла у меня все и прогнала, сделав мишенью всеобщих насмешек. Не будучи в силах сносить издевательства знатных горожан, я здесь, в этом джайнистском монастыре, внял наставлению на путь спасения из уст одного аскета, изрекшего: „раздетый гетерою, одет для монастыря“, сделался бесстрастным и снял с себя даже пояс из лохмотьев. И вот, покрытый коркой грязи, издерганный выдергиванием волос, сильно страдая от голода и жажды, сидя, стоя, лежа, питаясь, вечно запуганный строгим принуждением, точно недавно пойманный слон, я начал раздумывать так: „Я — дважды рожденный. Грешно мне нисходить на путь еретиков, ибо мои предки шли по пути освященному священным писанием и преданием.

Меня же злополучного ждет после смерти ад, позорное и скорбное местопребывание, за то, что я здесь непрерывно слышу хулу на Шиву, Вишну, Брахму и прочих богов. А так

как этот еретический путь бесплоден и зиждется на обмане, то мне следует поступить по истинному закону. Обсудив так свое недостойное поведение, я удалился в эту уединенную рощицу деревьев ашока и даю здесь волю слезам.“ Выслушав и сжалившись над ним, я сказал: „Потерпи, друг мой! Поживи здесь еще некоторое время, я устрою так, что гетера возвратит тебе твое богатство. Есть такое средство“. И, успокоив его таким образом, я поднялся вслед за ним.

Проникнув в город, я узнал, беседуя с людьми, что он изобилует богачами-скопидомами, и решил устремить свой ум на путь, указанный Карнисутой (61), и доказав им непрочность богатства, привести их снова в первоначальное состояние. Я направился в игорный дом (62) и сошелся с шулерами. И я не мог достаточно налюбоваться, наблюдая их ловкость во всех двадцати пяти способах ведения игры, их неуловимые мошеничества при передержке рукой или на игральной доске и т. п., их надменные ругательства, обусловленные этим смелые дышавшие презрением к жизни выходки, их поведение полное доверия к хозяину игорного дома, их уменье присваивать себе деньги, добытые рассчетом, силою и нахальством, их речи любезные к сильным и дерзкие к слабым, их уменье подбирать себе партию, всевозможные подмены и подлоги ставок, благородную щедрость при дележе выигрыша, их разговоры большею частью похабные, а также многое другое. Я усмехнулся, когда один игрок сделал неосмотрительный ход, а его противник, словно обжигая меня побагровевшими от гнева глазами, взглянул на меня и сказал: „Эй, ты, там! Ты, кажется учишься играть в кости, прикрываясь хитрой усмешкой. Пусть убирается прочь этот злосчастный неуч, я поиграю с тобой, с ученым“. И с согласия хозяина, он начал партию со мной. Я обыграл его на 16.000 динаров, отдал половину из них хозяину и игрокам, а остальное взял себе и собрался уходить. Но все присутствовавшие начали радостно восхвалять меня и, спросив разрешение у хозяина, я устроил в его доме роскошный пир. А тот, который дал мне повод начать игру, прозывавшийся Вимардака, сделался моим закадычным другом. Разузнав от него все подробности относительно городских жителей, относительно их богатства, занятий и характера, однажды во мраке ночи, еще более темном, чем темная шея Шивы,

надевши темное ниспадавшее до колен платье, опоясавшись острым мечом, захватив кривую лопатку, музыкальный инструмент, щипцы, деревянную человеческую голову, магический порошок и фитиль, измерительный шнур, веревку с крючком, сосуд-лампаду, ящичек с пчелами и прочие принадлежности, я направился в дом одного богатого скряги и, проделав в стене отверстие, размером не более, чем в петлю оконной сетки, и, высмотрев все происходящее внутри, преспокойно проник туда, точно в собственное жилище, захватил весьма драгоценную наличность кассы, и удалился. Вдруг, на царской улице, словно загроможденной густою тьмою массы черных туч, я заметил словно блеск сверкнувшей молнии и предо мною предстала, точно сама богиня-покровительница города разгневанная грабежом, молодая женщина, сверкавшая своими драгоценностями, блуждавшая по пустынным улицам и подошедшая ко мне. На мой участливый вопрос: „кто ты, дитя мое, и куда идешь?“, она боязливо отвечала, заикаясь: „Господин! В этом городе есть славный купец по имени Кусерадатта, я его дочь. От самого моего рождения отец обещал отдать меня в жены одному здешнему богатому юноше, по имени Дханамитре. Теперь же, когда тот после смерти родителей, вследствие своего чрезвычайного благородства, ценою своего богатства купил себе у своих же прежних прихлебателей бедность и получил от облагодетельствованных им раньше людей лишь прозвище Благородный — Ударака, теперь, когда он сам сватается ко мне, уже взрослой девушке отец не отдает меня, говоря: „он — бедняк“, и хочет отдать меня другому, караванавладельцу, справедливо носящему имя владыки богатств — Артхапати. Узнав, что это несчастье должно произойти сегодня утром, я, условившись заранее со своим милым, и обманув своих домашних, иду к нему по хорошо знакомой мне с детства дороге, напутствуемая одним лишь богом любви. А потому прошу тебя, отпусти меня, возьми себе это украшение!“ С этими словами, она сняла его и передала мне, но я ответил ей участливо: „Пойдем, милая, я приведу тебя в дом твоего милого“, и сделал уже с ней несколько шагов. Вдруг нам навстречу подошел значительный отряд городской полиции с дубинками и мечами в руках, разрезая густую тьму светом факелов. Заметив, что девица задрожала, я шепнул ей: „Милая! Не бойся!

Вот моя рука и меч, ее верный союзник. Но ради тебя я придумал более миролюбивый прием. Я лягу, якобы пораженный сильным ядом, а ты должна им сказать: „мы пришли ночью в этот город. Вот этот, мой супруг, был укушен змеею на углу этого здания; если среди вас есть добрый человек, знающий заклинания, то пусть оживит его и дарует жизнь и мне несчастной“. Девица, не имея другого выхода, заикаясь от страха, с красными от слез глазами, дрожа и еле двигая ногами, исполнила мое наставление. Я улегся, якобы пораженный ядом. Один полицейский, мнивший себя заклинателем, поглядел на меня, попробовал пассы, заклинания, молитвы, внушения и проч., и, ничего не добившись, сказал: „он умер от смертоносного укуса. Его тело почернело и окоченело, взгляд потускнел, теплота исчезла. Нечего горевать, дитя мое: завтра же мы предадим его огню. Кто может избежать судьбы?“. И вместе со своими товарищами удалился.

Я же, вставши, отвел ее к Удараке-Дханамитре, сказав ему: „Я — вор. Застигнув по дороге вот эту, стремившуюся к тебе лишь под охраной мысли о тебе, я из жалости привел ее. Вот ее украшение.“ И я вручил ему это сокровище, разгонявшее своим блеском густой мрак. Благородный Дханамитра, приняв это от меня со стыдом, радостью и недоумением, обратился ко мне: „О, благородный господин! В эту ночь ты подарил мне мою возлюбленную, но отнял у меня дар слова: я не знаю, что сказать. Сказать, что твой поступок удивителен? но ведь твой характер не допускает такого удивления. Сказать, что никто ничего подобного не совершал? Но ведь свойство вещей предопределяется в каждом отдельном случае. А в тебе нет стяжательности, свойственной прочим людям. Сказать, что ты доказал свою честность? Но, повидимому, это не соответствует твоим прежним великим делам. Сказать, что я сегодня увидел воплощение благородства? Но этого нельзя сказать, не испросив у тебя подтверждения твоего намерения. Сказать, что этим благодеянием ты купил себе раба в моем лице? Но это значило бы порицать твою рассудительность. Ибо ты покупаешь нечто неимеющее никакой ценности за нечто весьма драгоценное, Наконец, сказать, что это мое тело дается тебе в дар за подаренную мне возлюбленную? Но ведь оно уже подарено мне тобою

ибо оно подверглось бы смерти, если бы ты не возвратил мне возлюбленную. Одним словом, с этого дня я содержу для тебя вот этого раба — самого себя." С этими словами он упал к моим ногам (63). Я поднял его, прижал к груди и сказал: „Друг мой! Что тебе предстоит совершить сегодня?" Он отвечал: „Если я женюсь на ней против воли ее родителей, то не смогу больше оставаться здесь и в эту же ночь покину эти места. Но что такое *я*, как *ты* прикажешь". „Я отвечал: „Хорошо. Но ведь разумный человек не говорит: чужбина да будет мне родиной. (64) Кроме того, эта девица очень нежна, а путешествия по дебрям утомительны и большей частью затруднительны. Такое бессмысленное оставление страны заставляет сделать вывод о слабости ума и энергии. Ты должен жить счастливо с ней здесь же. Ступай! Только отведи ее к ней в дом". Он беспрекословно повиновался, мы отвели ее домой и, пользуясь ее указаниями обокрали там все дочиста, вплоть до глиняной посуды. Затем мы удалились и припрятали похищенное добро. А столкнувшись на обратном пути с полицейским отрядом, сели на лежавшего близь дороги разгоряченного слона, согнав с него корнака. Я заставил слона подняться, продев обе ноги в цепь вокруг его шеи. Он нанес боковой удар в широкую грудь сброшенного корнака и своими клыками, обмотанными его кишками словно лианами, рассеял полицейский отряд. С его же помощью мы разгромили и шатер — жилище Архапалы. Направив слона назад, мы слезли с него в каком-то заброшенном саду, уцепившись за ветви. Вернувшись домой и обмывшись, мы улеглись в постели.

Тем временем поднялся из океана солнечный диск, багровый точно венок золотых ветвей на райском-дереве, как бы изображая собою рубиновый венец на горе восхода. Встав, выполоскав рот, умывшись и совершив утренние обряды, мы отправились гулять по городу, полному разговоров о наших проделках и услышали суматоху в жилище жениха и невесты: Артхапати утешил деньгами Кувeрадатту и назначил месячный срок для свадьбы с Кулапаликой. Я подучил потихоньку Дханамитру: „Друг мой! Приступи наедине к царю Анга с вот этим замечательным кожанным кошельком и скажи ему: „Государю известно, что я единственный сын миллионера Васумитры, по имени Дханамитра. Дойдя до полного

разорения благодаря множеству прихлебателей, я стал объектом всеобщего призрения. Так как Кулапалику, воспитанную для меня, ее отец вследствие моего разорения хочет отдать теперь за богача Артхапати, то я пришел в отчаяние и, желая покончить с собой, удалился в заброшенный загородный сад и уже приложил кинжал к горлу, как вдруг меня остановил аскет, сказав: „Какая причина такого насилия?“. Я же отвечал: „Бедность, сопровождаемая презрением.“ Он жалостливо обратился ко мне: „Ты глуп, милейший! Нет ничего хуже самоубийства. Хорошие люди сами себя поддерживают, а не уничтожают. Есть много средств достать деньги и нет ни одного, чтобы возвратить жизнь, вновь соединив перерезанное горло. Какой в этом прок? Я большой знаток заклинаний и раздобыл себе вот этот кошелек, доставляющий миллионы. Благодаря ему я долго прожил в стране Камарупа, исполняя все желания жителей. Уже дряхлым стариком пришел я сюда, словно в земной рай. Возьми себе этот кошелек. Кроме меня, его могут „доить“ купцы и гетеры, таково его свойство. Только, если у кого либо имеется нечто отнятое незаконно у других, то он должен его возвратить, а все законно приобретенное роздать царю и брахманам. Тогда если положить этот кошелек, словно божество, в чистом месте и поклоняться ему, то каждое утро он будет наполняться золотом. Так уж ему предопределено.“ С этими словами аскет отдал его мне, с мольбою простершему руки, и скрылся в пещере. Я подумал: „Этот драгоценный кошелек не может быть использован без ведома государя. И принес его сюда. Как будет угодно государю.“ Царь, конечно, скажет: „Молодец, я доволен тобою. Ступай и дои его сколько угодно А ты снова скажешь: „Благоволи повелеть, чтобы его никто не украл.“ Он, конечно, и на это согласится. Затем возвратившись домой и роздав вышеуказанным способом все свое имущество, поклоняясь ежедневно этому кошельку и наполняя его накраденными ночью деньгами, ты будешь днем показывать его людям. Тогда Кувeрадатта, отвергнув с презрением Артхапати, из жадности сам пожелает выдать за тебя дочя. А разгневанный Артхапати, чванясь своим богатством, заведет тяжбу. Мы же в свою очередь всякими способами доведем его до того, что он останется при одном поясе. А наши воровские подвиги будут таким образом отлично скрыты.

Обрадованный Дханамитра так и поступил. В тот же день, по моему наущению, Вимардака, вкравшись в доверие к Артхапати, стал разжигать в нем вражду к благородному Дханамитре, а корыстолюбивый Кувередатта, отвергнув с презрением Артхапати, всячески любезничая, домогался отдать свою дочь Дханамитре. Тогда Артхапати стал сопротивляться.

Как раз в эти дни было объявлено, что Рагаманджари (гирлянда страсти) младшая сестра гетеры Камаманджари, должна дебютировать публично в концерте-спектакле. Заинтересованная публика повалила валом. Я вместе с другом Дханамитрой тоже присутствовал. Когда она начала свою пляску, мое сердце стало словно другою эстрадою. Бог любви, вооруженный пятью стрелами, найдя себе убежище в ограде гряды лотосов — ее кокетливых взглядов, привел меня в чрезвычайное волнение, поддержанное полнотою эстетических чувств и впечатлений. Она же сама, словно богиня-покровительница города, разгневанная его разграблением, сковала меня оковами-гирляндами кокетливо искоса брошенных взглядов очей, темных как лепестки синего лотоса. Окончив танец, разукрашенная снисканным успехом, не знаю, из кокетства, вожделения или случайно, она не раз метнула на меня, искоса, неуловимым даже для ее подруг взором и кокетливо изогнув лианы своих бровей и преднамеренно с улыбкой показав свои блестящие зубы, удалилась, провожаемая глазами и сердцами публики. Я же, возвратившись домой, потерял аппетит от непреодолимой тоски, и под предлогом головной боли лег на постель, совершенно разбитый; но мой друг Дханамитра, большой знаток в науке любви, пришел ко мне и по секрету сказал: „Друг мой! Ведь все твои помыслы устремлены на эту богатую дочь гетеры; но я верно угадал и ее душевное состояние: и ее скоро уложит на ложе из стрел бог Кама, имеющий нечетное число стрел. Вам, стремящимся к одной и той же цели, будет легко добиться соединения. Мало того, она хоть и дочь гетеры, но объявила как-то раз весьма благородно, противясь обычаям гетер: „Купить меня можно лишь ценою добродетели, а не денег, и вне брака никто не насладится моей юностью“. Тотчас же воспретив ей это, но безрезультатно, ее сестрица Камаманджари и мамаша Мадхавасена пожаловались царю со слезами: „Государь! Мы надеялись, что твоя

рабыня Рагаманджари, красе которой соответствуют ее характер, таланты и ловкость, увенчает наши желания. Теперь же наши надежды подрезаны в корне, ибо она желает преступить законы своей касты, пренебречь деньгами и продать свою юность только за добродетель. Она хочет во чтобы то ни стало жить как благородная женщина. Хорошо, если бы она образумилась, покорившись стопам государя". Когда же она, получив соответствующее наставление даже от царя, все же не подчинялась, то мать и сестра, зарыдав, снова заголосили перед царем: „Если какой-нибудь франт без нашего согласия соблазнит или погубит ее, то пусть будет наказан, как вор". Таким образом без денег родные не отдадут ее, а предлагающему деньги, она сама не отдастся". Я отвечал: „О чем тут думать? Склонив ее на свою сторону добродетелью, я тайно удовлетворю ее родных деньгами".

Подкупив платьем, снедью и проч. одну буддистскую монахиню (65) главную комиссионершу Камаманджари, по имени Дхармаракшиту, я через нее заключил такой договор с этой дрянной женщиной: „Украв у благородного Дханамитры чудесный кошелек, я отдам его тебе, если ты дашь мне взамен свою сестру Рагаманджари". Получив тотчас ее согласие, я проделал все это и получил нежную ручку Рагаманджари, сходившей с ума по моим качествам. С наступлением ночи, в которую была назначена кража кошелька, в присутствии знатных горожан, созванных под другим предлогом, преданный мне Вимардака, притворившись другом богача Артхапати, напал на Дханамитру и принялся его ругать. Дханамитра возразил: „Любезный! с какой стати ты бранишь меня вместо другого: я не помню, чтобы нанес тебе хотя бы малейшую обиду?" Тот опять пригрозил: „Вот что значит чванство богача! Ты берешь себе чужую жену, за которую уже был внесен выкуп, соблазнив ее родителей деньгами, и еще смеешь говорить: „Я мол, тебя не обидел!" Ведь дело ясное: я Вимардака, закадычный друг караванновладельца Артхапати, готов лишиться жизни ради него и не отступлю даже перед убийством брахмана. Стоит мне покараулить одну только ночь и я избавлю тебя от этой горячки самомнения, причиненной чудесным кошельком". После такой выходки знатные горожане в сердцах задержали его и увели прочь. Вся эта история была с притворным огорче-

нием передана царю Дханамитрой, причем он упомянул прежде всего об исчезновении своего чудесного кошелька. Царь призвал к себе Артхапати и спросил его с глазу на глаз: „Есть у тебя приятель Вимардака?“ И этот глупец отвечал: „Да, государь, это мой лучший друг. Что с ним приключилось?“ Царь опять спросил: „Ты можешь его призвать“? Тот отвечал: „Конечно, могу“. И с этими словами вышел. Но после тщательных поисков в его доме, в квартале гетер, в игорном доме, он нигде не мог найти Вимардаку. Да и как бы он мог, глупец, найти его, когда Вимардака, получив от меня необходимые инструкции, как узнать тебя, мой государь, как раз в этот день отправился в Уджаини разыскивать тебя. Так как Артхапати, не найдя его, сообразил, что на него самого возведут обвинение в преступлении другого, то, по недомыслию или со страху, дал при допросе противоречивые показания, был схвачен и закован в цепи по приказанию царя, разгневавшегося и подстрекаемого Дханамитрой.

В эти же дни гетера Камаманджари, желая выдоить как следует, по всем правилам чудесный кошелек, отправившись к выдоенному ею прежде и ставшему джаинистким монахом Вирупаке, вручила ему обратно все отнятое у него добро, любезно успокоила его и вернулась домой. Он же, с трудом освободившись от оков секты, и свободный от оков вернулся по моему совету с величайшей радостью в лоно родного закона. Камаманджари, надеясь выдоить чудесный кошелек, ради обеспечения успеха, за несколько дней перед тем раздала все свое имущество вплоть до последнего уголька, а Дханамитра по моему наущению притворно доложил царю: „Государь! Эту гетеру Камаманджари (Гирлянда любви) люди за ее чрезмерное корыстолюбие прозвали—Лобхаманджари (Гирлянда корыстолюбия), сделав ее предметом порицания. Теперь же она вдруг раздает без разбора все, до ступки и пестика включительно, и делает это, думается мне, заполучив мой чудесный кошелек, для которого правило таково, что он „доится лишь купцами и гетерами и никем другим“; такова уж его репутация. Поэтому я и подозреваю ее в краже.“ Царь тотчас же велел призвать ее вместе с матерью. С притворным испугом я сказал ей по секрету: „О благородная! Конечно, слишком явной раздачей своего имущества, ты навлекла на себя подозрение в краже чудесного кошелька.

Из-за этого и зовут тебя к царю Анга. По мере того, как тебя будут все больше прижимать к стенке, ты начнешь указывать на меня, как на источник его получения; меня подвергнут мучительной казни, а после моей смерти не выживет и твоя сестра Рагаманджари. Ты обеднеешь и кошелек снова попадет к Дханамитре. Эта беда повлечет за собою со всех сторон новые беды. Чем здесь можно помочь?“ Она и ее мать отвечали, проливая слезы: „По нашей младенческой глупости эта тайна почти что раскрылась. Утаив ее хотя бы еще три, четыре раза, несмотря на настояния царя, придется указать на тебя, как на источник получения указанного кошелька. А раз ты будешь уличен, то и вся наша семья погибнет. Но ведь позорное подозрение уже тяготеющее над Артхапати уже всем известно. Всем в столице известна и наша дружба с этим скупердяем. Сказав, будто Артхапати подарил нам этот кошелек, мы отлично спасем себя“. С моего одобрения, они обе отправились во дворец и на вопросы царя несколько раз отговаривались „это, мол, не в обычае у гетер выдавать дарителя. Ведь мужчины приходят в публичный дом не только с законно приобретенными вещами“. После угрозы обрезать им нос и уши, эти хитрые гетеры обвинили в воровстве злополучного Артхапати, а разгневанный царь приговорил его к смертной казни. Тогда Дханамитра с мольбою простирая руки, запротестовал: „Государь! Владыками династии Маурья (66) была дарована купцам привилегия: не лишать их жизни за такого рода преступления. Если ты разгневан, то пусть этот негодяй будет изгнан с отобранием всего его имущества“. По этому случаю всюду разнеслась слава о Дханамитре, а царь остался доволен. Артхапати столь чванившийся прежде своим богатством, теперь был изгнан в одних лохмотьях на глазах всего города, а часть его имущества царь, по совету Дханамитры, пожаловал бедной Камаманджари, которая раздала было все свое состояние, увлекшись миражем чудесного кошелька. Дханамитра в счастливый день женился на Кулапалике, а я, достигнув пределов своих желаний, наполнил золотом и драгоценностями дом Рагаманджари.

В этом городе мною было обокрадено такое множество богатых скопидомов, что они сами просили милостыню

близь домов прежних бедняков, обогатившихся их же деньгами, подаренными мною. Однако, даже самый ловкий человек не в силах избегнуть предначертания судьбы. А потому я, напаивая однажды Рагаманджари, ради успокоения ее любовного гнева, сладким вином с примиряющими словами, постоянно прихлебывая остаток благоухавший от ее медоточивых уст, оставлявших из любви несколько капель и для меня, опъянел окончательно. А так как свойство опъянения и безумия в том и заключается, что даже в привычных делах начинают поступать неправильно, то я вдребезги пъяный закричал: „Я ограблю весь город в одну ночь и наполню твой дом". И, не обращая внимания на мольбы и просьбы перепугавшейся возлюбленной, выскочил словно бешенный слон, яростно порвавший цепь, в сопровождении лишь служанки Шригалики, и с небольшой справой, и лишь с мечем в руке и стремительно побежал. Завязав бесстрашно схватку с попавшимся навстречу полицейским отрядом, напавшим на меня с криком: „Держи, это вор", я, не особенно разъярившись, почти шутя, убил двух или трех; выронив меч из ослабевших от опъянения рук я упал, вращая помутившимися глазами. Тотчас же ко мне подошла Шригалика с горестными воплями, а мои враги связали меня. Очнувшись затем вследствие отрезвившей меня беды, я стал так размышлять, благодаря пробудившемуся в ту же минуту сознанию: „Увы, со мною приключилось это великое несчастье, порожденное моим безрассудством. Всем хорошо известна также моя дружба с Дханамитрой и супружество с Рагаманджари. Привлеченные к моему преступлению, они, конечно, оба завтра же будут арестованы. Но ведь имеется какое-нибудь средство, применив которое, они по моему указанию могут спастись, а пожалуй, как-нибудь спасти и меня из беды?" Придумав про себя такое средство, я обратился к Шригалике: „Ступай прочь, старая ведьма! Ты, которая сводила корыстолюбивую хитрую гетеру Рагаманджари, с моим мнимым другом, а в сущности врагом Дханамитрой, обезумевшим от обладания чудесным кошельком. Сгинь! Так как я украл у этого злодея его чудесный кошелек и похитил все сокровища у твоей дочери, то могу теперь лишиться жизни без угрызений совести". Старуха, эта архибестия, смекнула в чем дело. И, захлебываясь от слез,

с мольбою простирая руки, кланяясь, подступила к полицейским и после их успокоительных слов, стала просить, стоя подле меня: „Господа! Подождите немного, пока я разузнаю от него про наворованное у нас добро“. И с их согласия снова обратилась ко мне: „Мой хороший! Ведь это единственный проступок твоей рабыни. Пусть вся твоя ненависть падет на Дханамитру, любовника твоей жены. Но ты должен пожалеть Рагаманджари, памятуя о стольких услугах, оказанных ею тебе. Ведь для женщин торгующих своей красотой главное дело—наряды. Поэтому скажи, где спрятаны наши драгоценности“. И она бросилась к моим ногам. Тогда я отвечал, как будто смягчившись: „Хорошо! К чему мне, на краю смерти, продолжать враждовать с ней“. И словно рассказывая ей это все на ухо, я поучал ее, как надо поступить. Она же, словно достигнув цели, воскликнула: „Живи долго! Да сжалятся над тобою боги и да помилует тебя наш государь, царь Анга, пленившись твоим геройством. И пусть эти любезные господа тоже сжалятся над тобой“. И тотчас убежала. Меня же, по приказанию начальника полицейского отряда, отвели в тюрьму.

На другой день явился начальник полиции, по имени Кантака. Чрезвычайно надменный, самомнящий, с претензиями на красоту, недавно вступивший в должность после смерти своего отца, не особенно зрелый в своем юношеском опьянении. Слегка ругнув меня, он сказал: „Если ты не возвратишь чудесный кошелек Дханамитре или не возвратишь все наворованные у горожан вещи, то переправишься на другой берег реки, состоящей из восемнадцати видов пытки, а затем попадешь в пасть смерти“. Я же, усмехаясь, отвечал: „Милейший! Если бы я даже отдал все наворованное мною со дня рождения, я все же не исполнил бы желания моего врага, мнимого друга Дханамитры, похитившего жену у Артхапати, а именно, его желания получить обратно чудесный кошелек. Не отдавши его, я готов претерпеть хоть тысячу пыток. Таково мое твердое решение“. В таком роде продолжался ежедневный допрос, то ласковый, то грозный. Я продолжал получать пищу и питье, поправился и раны мои залечились. Однажды, когда уже кончался день и исчезал солнечный жар, желтый как одежда Вишну, явилась Шригалика, принарядившись, с веселым лицом и, обняв меня

сказала, при чем стража стояла поотдаль: „Господин! Судьба благоволит к тебе: Твой мудрый план удается. По твоему наущению, я так сказала Дханамитре: „Господин! Вот что сказал твой друг, так—то и так—то, попавшись в беду: „Я сегодня арестован из-за пьянства, которому бывает легко подвержен всякий имеющий дело с гетерами. Ты должен сегодня же неотложно доложить царю: „Государь! По твоей милости я когда то вновь приобрел чудесный кошелек, украденный у меня каравано-владельцем Артхапати. И вот супруг гетеры Рагаманджари, какой то игрок в кости, подружился со мною, как большой знаток 64 искусств, поэзии и светских новостей. В силу знакомства с ним я ежедневно оказывал внимание его жене, посылая ей наряды, украшения и т. п. Он же, как подлый человек с низкими инстинктами, заподозрил нас и, разгневавшись, украл у нас чудесный кошелек и шкатулку с драгоценностями, а когда вышел снова с целью воровать, был схвачен полицией. Когда он попался, то в силу своей прежней любви, открыл местонахождение сокровищ служанке Шригалике, сопровождавшей его с плачем. Если он, понуждаемый подходящим способом возвратит мне чудесный кошелек, то пусть заслужит милость государя. После такой твоей речи, царь не лишит меня жизни, но постарается еще больше заставить меня увещаниями возвратить тебе твою собственность, а это нам и выгодно“. Выслушав все это от меня, Дханамитра немедля, доверившись твоему авторитету, проделал все это. А я, получив от вполне доверившейся тебе Рагаманджари желаемые вещи, задобрив указанным тобою способом Мангалику кормилицу царевны Амбалики, и пользуясь ее посредничеством, завязала необычайную дружбу между Амбаликой и Рагаманджари, поднося ежедневно все новые и новые подарки и рассказывая разнообразные пленительные истории, вкралась в полное доверие царевны.

Однажды, когда она сидела на терассе, я поправила ей серьгу-лотос, надетую как следует, сказав „она соскользнула“ и уронила ее, как бы нечаянно, затем подняла с полу и бросила на голову начальника полиции Кантаки, входившего по какому—то делу в дворцовый двор близь гарема, сделав вид, будто хочу испугать парочку голубей, начавших соединение. Он же, возмнив о своем счастьи, взглянул на

верх и улыбнулся. Я же ловко подала ему знак, будто игривое выражение лица царевны, усмехнувшейся моему жесту, было вызвано вожделением к нему. Пораженный стрелой с отравленным наконечником бога Камы, натянувшего свой лук, и ошеломленный Кантака удалился с усилием. А вечером я отправилась к нему на дом, захватив с собою несомую девушкой и взятую яко бы для Рагаманджари тростниковую корзину, запечатанную перстнем царевны, заключавшую в себе духи, бетель, две тонких шелковых одежды и разные другие украшения. Он чрезвычайно обрадовался и, словно утопающий в море страсти, увидав меня, словно корабль, окончательно ошалел, глупец, когда я описала ему все стадии жестоких любовных страданий царевны. На другой день я принесла ему по его же просьбе от себя остатки бетеля, косметики, жертвенных цветов и грязное платье, говоря: „Все это прислано от твоей милой". Он же все это принял и потихоньку спрятал, думая, что это вещи царевны. Когда же в нем разгорелось таким образом пламя страсти, я заговорила с ним так с глазу на глаз: „Господин! Все признаки для тебя неоспоримы. Один мой сосед, гадатель, так предсказал: „Это царство попадет в руки Кантаке, таковы его приметы". В связи с этим царевна влюбилась в тебя. Царь, не имея других детей и узнав о твоей связи с нею, хоть и разгневается, но опасаясь смерти дочери, не казнит тебя, а еще сделает наследником-соправителем. И так, твое дело верное. Да и почему этому делу не удасться, достопочтенный? Если ты не находишь средства проникнуть в гарем, то ведь расстояние от стены тюрьмы до ограды увеселительного парка всего в три локтя. Если ты заставишь какого-нибудь ловкого вора проделать подземный ход соответствующей длины дабы проникнуть в парк, то о дальнейшем мы сами позаботимся. Ведь свита, преданная царевне, не выдаст тайны". Он отвечал: „Отлично ты, милая моя, придумала! Есть у меня один вор ловкий по части рытья, точно один из сыновей Сагары (67). Если мы заручимся им, то в один миг обделаем все дело". Я спросила: „Кто это? Отчего же не заручиться им?", он указал на тебя, сказав: „Вот, тот который украл чудесный кошелек у Дханамитры". Я отвечала: „Раз дело обстоит так, то иди, вступи с ним в заговор, дав клятву, что в случае удачи ты всяческими способами

выпустишь его на свободу. Когда же он сделает свое дело, ты закуешь его еще крепче в цепи и доложишь царю: „Я всячески ухаживал за этим вором, но он, эта воплощенная наглость, упорствует во вражде и не выдает чудесный кошелек“. А затем казнишь его самым ужасным образом. При таких условиях дело выгорит, а тайна не будет нарушена“. Он радостно согласился с этими моими словами и, поручив мне заручиться твоим согласием, сам остался у входа. Теперь обдумай дальнейшее“. Вполне удовлетворенный, я отвечал ей: „Мое слово пустяк. Здесь самое важное — твое искусное поведение. Приведи его“. Кантака вошел и мы взаимно поклялись: он—освободит меня, а я—не нарушать тайны. Освободившись от оков и насладившись пищей, питьем и массажем, я проделал кривой лопатой подземный ход, начав от всегда темного угла тюремной стены. Я думал так: „Если он собирается меня убить, дав клятву освободить, то я даже убив его не оскверню себя клятвопреступлением“. Когда я выходил оттуда, он бросился, чтобы связать меня, а я ударил его ногою в грудь, когда же он упал, отрезал ему голову его собственным ножем и обратился к Шригалике со словами: „Расскажи ка, милая моя, каков план помещения этого гарема, дабы весь мой труд не пропал даром. Я там что-нибудь украду и вернусь обратно“. Когда она объяснила мне план, я пробрался в гарем, и при свете горящих драгоценных светильников узрел среди свиты заснувшей от утомления после продолжительных игр, на ложе с подставками из слоновой кости в виде спящих львов, украшенных драгоценными камнями, на одеялах и подушках, набитых лебяжьим пухом и украшенных по краям цветами, беззаботно спавшую царевну, одним боком как бы совершенно погрузившись в необычайно белые покрывала, словно молния, покоящаяся на ложе осенней тучи, неподвижная от усталости после долгого сверкания, при чем нижняя часть пятки правой ноги касалась верхнего кончика левой, прелестные щиколодки были слегка ослаблены, икры, точно столбики, были крепко сжаты, оба нежных колена слегка согнуты, оба бедра несколько изогнуты, бутоноподобный кончик лианоподобной руки был небрежно опущен на ляшку, а ладонья-почка другой руки-лианы, прижатой к голове, была закинута вверх, нижняя одежда из китайского шелка плотно прильнула к ее, закруг-

ленным ляшкам, ее худенький живот не особенно выпячивался, бутоны ее крепких грудей начинали дрожать от усиленного дыхания, на выпуклости ее прелестной изогнутой шейки виднелось рубиновое ожерелье, нанизанное на нитку чистейшего золота, нижнее ушко, лишь на половину заметное, прикрывало серьгу, а на другом, обращенном вверх, драгоценная серьга озаряла снопом своих лучей ее распустившуюся, сдвинувшуюся и запутавшуюся косу, а промежуток между верхней и нижней губами нельзя било различить вследствии их красноты, ее пальцы-бутоны, сложенные подле щеки, как бы заменяли собою украшение в ушах, а на зеркальной поверхности верхней щеки отражался пестрый балдахин ложа, представлявщий всевозможные листообразные знаки, голубые же лотосы ее очей били сомкнуты, флаги бровей недвижимы, а нарисованный сандалом на лбу знак был уничтожен и смыт каплями пота, а локоны, как лианы, обвивали месяц ее лица.

Увидав ее, я почувствовал молниеносную вспышку мгновенной страсти, задрожал и, пренебрегая хищением, в то время как мое собственное сердце было похищено, недоумевал, что делать и простоял так с минуту. Я подумал: „Если я не овладею этой прекрасноокой, то Кама, друг весны, не даст мне жить. Если же я, не нсладившись ею заранее, прикоснусь к ней, то она столь юная закричит от испуга и конечно обратит в ничто мое намерение. А затем меня убьют. Поэтому вот как надо поступить“. Я снял с гвоздика висевшую на нем дощечку, натертую смолистой мазью и, взяв рисовальную кисть из драгоценной вазы, нарисовал царевну, лежавшую в этой позе, а себя у ее ног, с простертыми в мольбе руками, приписав следующую строфу:

Тебя вот этот раб с мольбой смиренной умоляет об одном:
„Поспи со мною, истомленная любовью, но не спи одна!“

Кроме того, взяв из золотой коробочки завернутые в благоухающий листик бетеля, арековый орех, кусок камфоры и сок кораллового дерева, я разжевав все это и выплевал красноватой слюной (68) на выбеленной стене парочку птичек чакравака, обменялся с царевною кольцами и удалился, сделав над собой усилие. Пробравшись подземным ходом снова в тюрьму, я сказал одному заключенному там хорошему человеку, по имени Сингхахоше, с которым я за это время

подружился: „Вот каким образом я убил злополучного Кантакус Разгласи эту тайну и получишь за это свободу“. С этими словами я удалился вместе со старухой Шригаликой. Столкнувшись на царской улице с полицейскими, я был ими задержан. Тогда мне пришло в голову: „Я смогу быстро убежать, так что меня не тронут, а эта несчастная может им попасться. Поэтому вот как надо поступить“ и бросился стремительно им навстречу, стиснув локти за спиной и откинув голову назад с криком: „Если я вор, хватайте меня, это ваша обязанность, а не этой старухи“. Она же, угадав тем временем мой замысел, подошла к ним с поклоном и проговорила: „Эй, вы, молодцы, это мой одержимый сын, долго лечившийся. Только вчера по милости судьбы он пришел в себя. После его освобождения из заключения, я, понадеявшись, вымыла его и умастила, одела в новешенькую одежду, отлично накормила и только сегодня выпустила погулять на свободу. Но в полночь им снова овладела нечистая сила и он выбежал с величайшей стремительностью на царскую улицу с криком: „убив начальника полиции Кантаку, я вкушу наслаждение любви с царской дочерью“.
Увидев сына в таком состоянии, я тотчас побежала за ним. Сжальтесь, свяжите его и передайте мне! „Пока она так голосила, я бегал и кричал:“ Старуха! Кому удавалось раньше связать бога Ветра? Как эти вороны могут удержать меня, пернатого Гаруду? Чур меня, чур!“ Полицейские пожалели старуху: „Ты сама, безумная, отпустила этого безумца, думая, что он не безумен, кто его теперь поймает?“ Под их брань она, рыдая, побежала за мной. Пробравшись в дом к Рагаманджари и утешив ее, изнемогавшую от тоски вследствие долгой разлуки со мной, я провел там остаток ночи. На рассвете я опять сошелся с благородным Дханамитрой, а затем отправился к преподобному Маричи, который уже оправился после злоключения с гетерой и в силу аскетических подвигов снова приобрел дар ясновидения. От него я узнал о предстоящем свидании с тобою, ныне осуществившемся. А Синхагхоша, раскрывши преступление Кантаки, был милостиво назначен царем на его место и еще более облегчил мне пользование подземным ходом из тюрьмы в гарем. И я сошелся с царевной, влюбившейся в меня, благодаря рассказам обо мне старухи. Как раз в эти дни Чандаварман, котором Синхаварману

отказал в руке своей дочери, разгневавшись выступил в поход и осадил столицу Чампу. Взбешенный царь Анга, пока неприятель еще подготовлял свой враждебный план, проделал сам брешь в стене и, не дожидаясь приближения союзников, сделал вылазку. Но сильнейший враг в большом сражении взял его в плен, разрубив ему панцырь. Отняв силою Амбалику, Чандаварма увел ее к себе, дабы насильно на ней жениться. Он уже перевязал себя брачною перевязью, решив, что свадьба будет на другой день утром. Я же надел на себя такую же брачную перевязь в доме Дханамитры для той же свадьбы, сказав ему: „Друг мой! Все цари, союзники Синхавармана, уже близко. Свяжи с ними тайно городских старейшин и приведи их сюда. Возвратившись ты узришь здесь обезглавленного врага.“ После его утвердительного ответа я, спрятав у себя нож, проник сквозь толпу жрецов в дом обреченного на гибель Чандавармана, где в праздничной суете устанавливались все необходимые для свадьбы предметы и толпились люди, входя и выходя. И вот, как, раз в тот миг, когда Чандаварман собирался взять нежную, как бутон, ручку Амбалики, врученную ему по обряду Атхарванов жрецом перед жертвенным огнем, я дернул его за протянутую, словно палицу, руку и поразил его ножем в грудь. И еще несколько других дрогнувших спровадил я в царство Ямы. Пройдя через дворец, где все трепетали после убийства, я узрел трепетавшую красавицу с большими глазами, и горя желанием вкусить блаженство ее объятий, взял ее и направился в опочивальню. Как раз в этот миг меня осчастливил звук твоего голоса, низкий словно гром из свежей тучи.“

Выслушав все это и улыбнувшись, царевич Раджавахана произнес: „Ведь ты превзошел суровостью самого Карнисуту.“ И взглянув на Упахараварманa, добавил: „Теперь рассказывай: очередь за тобой.“ Тот поклонился, улыбнувшись, и начал свой рассказ:

ПРИМЕЧАНИЯ.

44) Лата-ныне Барода на восточном побережьи, у Камбрейского залива.

45) Войско в полном составе состоит из четырех элементов: слоны, колесницы, конница и пехота. Это четверное деление отразилось и в

шахматной игре, зародившейся в Индии. Королева-ферязь соответствует индийскому главному министру, советнику царя-визирю.

46) В знак приветствия индусы складывают руки ладонями внутрь, приблизительно в форме шара и подносят их ко лбу.

47) Наиболее „излюбленные“ и „комильфотные“ способы самоубийства у индусов: самосожжение, падение с высоты, реже—повешение и потопление.

48) Вера в магические мази, втирания и притирания была в Индии очень сильна.

49) Южный весенний ветер, дующий с гор Малайя, поросших сандаловыми деревьями, считается помощником Камы. Растертый влажный сандал употребляется для охлаждения тела. Змеи, по мнению индусов, питаются воздухом.

50) Весенний праздник—своего рода индийский карнавал. Разгул веселья и любовных интриг, всякие торжественные процессии, поклонение Каме, перебрасывание цветами или лакомствами возбуждают и поддерживают экстатические и эротические настроения.

51) Чародеи, фокусники, заклинатели, так наз. „индийские факиры“ и в древности, и теперь у индусов любимейшее народное развлечение В своих представлениях они часто, как и в данном случае, разыгрывают эпизоды из разных воплощений Вишну.

52) *Сарасвати* — богиня красноречия, учености и поэзии, изображается держащей в руках лютню и книгу и едущей на лебедях.

53) Царство Анга — на правом берегу Ганги. Его столица Чампа или Ангапури была расположена недалеко от нынешнего Бхагальпура в Бангалии.

54) Гандхарвы-гении полубоги, небесные музыканты пленяют своими талантами и земных женщин, и богинь. Вместе с нимфами-Ап сарасами они услаждают богов музыкой, пением, плясками и театральными представлениями.

55) Видьядхары—особые гении, витающие в воздухе, составляют свиту Шивы и обитают на Гималайских высотах.

56) Пресловутые 64 искусства, с которыми должен быть знаком всякий „образованный“ человек, а следовательно и гетера, уже упоминались выше в „программе образования“ десяти юношей. Полный перечень их имеется в любовных руководствах (Kâma-sûtra), напр. у Ватсьяны. (Das Kâmasûtram des Vâtsyäyna aus dem sansrit überset und. herausgegeben von Richard Schmidt. Leipzig. Lofusverlag. (1897—1915,5 fufl) „его же“ Beiträge zur indischen Erotlk. idid 1907) сюда входят: пение, музыка (инструментальная), пляска, живопись и рисование, с разными добавочными видами декорирования, украшения и убранства при помощи цветов, драгоценных камней, одежа и проч., кулинарное искусство и разные рукоделия, разные виды физического и умственного спорта игры, литературные таланты и т. п. Там же, как бы в дополнение к изображению быта гетеры, находим интересное описание времяпрепровождения светского франта (I гл. 4):

„Запасшись знаниями и устроив себе дом на деньги, добытые подарками, победами, торговлей, платежами, либо полученными в наслед-

ство, или теми и другими путями вместе, надо начать жизнь светского человека (горожанина-нагарика). Он должен жить в столице, большом городе, городе или местечке, где есть отличные люди, соответственно роду своих занятий. Там, близь воды, пусть он построит себе дом с садом, обширным двором для работ и двумя опочивальнями. В наружной опочивальне должна стоять мягкая постель с подушками в обоих концах и вогнутая посредине, с белым покрывалом, а возле нее другое ложе. У изголовья — местечко для травяной подстилки и скамья для жертвоприношений: там должны лежать оставшиеся после ночи притирания и венки, корзиночка с вареным рисом, сосуд с ароматами, лимонная корка и бетель, а на полу плевательница. На гвоздике висит лютня стоит мольберт, ящик с красками, лежит какая-нибудь книжка, венки из желтого амаранта; неподалеку на полу ложе из сена, чтобы преклонить голову, доска для игры в кости. Снаружи клетка с ручными птицами, в особливости местечко для столярных и резных работ и других занятий. В саду, в тени, качели с мягкой подушкой, а на земле скамья усеянная цветами. Таково устройство его жилья". Затем перечисляются „занятия" этого светского льва. „После обеда и занятия своим туалетом веселые развлечения. Вечером музицирование, затем любовные свидания и т. д. Пирушки, посещение садов, в определенные дни собрания в храме богини красноречия (т. е. в „литературно-художественном" клубе), спектакли, собеседования в домах гетер или людей своего круга, причем происходит „обмен мыслей по части поэзии и искусства".

57) Основами ходячей морали в Индии издавна считались три принципа: *дхарма* — закон, заслуга, добродетель, *артха* — богатство, деньги, из выгода, и *кама* — любовь, удовольствие, при чем нарушение одного принципов резрешается, если при этом выгадываешь на двух других.

58) Эта „скандальная хроника" богов изложенная весьма обстоятельно „образованной" гетерой засвидетельствована в литературных памятниках, и, как это ни странно, уживалась у индусов с набожным поклонением этим же самым „согрешившим" богам.

59) Т. е. „весенний праздник", сравни прим. 50.

60) Секта *джаинистов*, основанная современником и соперником Будды Махавирой (он же Джина), признает подвижнический аскетизм, отрицаемый буддизмом.

Джаинисты или совсем не пркирываются одеждой, или одеваются в одно белое, при чем обе эти секты враждуют между собою. Кроме того, все джаинисты выщипывают себе на теле все волосы.

61) *Карнисута*-индийский „идеал" плута и мошенника. Сравни пр. 34.

62) Азартные игры, особливо игра в кости, были издавна распространены в Индии. В одном из гимнов Риг-Веды (X, 34) уже выводится игрок проигравшийся до тла в кости.

63) Тирада характерная для индуса по своей изворотливости и педантичности, построенная на антитезах, поражающих европейца, вполне уместная здесь для характеристики Дханамитры.

64) Любовь к родине, к своему месту, у индусов всегда была сильна

В „Рамаяне“ (VI, 87, 11-17) говорится:

„Пусть добродетелен чужой,
Недобродетелен пусть свой!
Свой все же лучше, чем чужой:
Чужим останется чужой“.

65) И в драмах, и в новеллах обычно буддийские монахини играют роль вестницы, передатчицы или попросту сводни.

66) *Маурья* — могущественная династия, основанная Чандрагуптой (сравни прим. 32), внук которого, знаменитый царь Ашока (272—232 до Р. Х.), сделался ревностным буддистом.

67) Миф о сыновьях царя Сáгары, связанный с мифом о сошествии Ганги с неба на землю, рассказан в Рамаяне (I, 38—44): некогда царь Сагара, из солнечной династии, царивший в Айодхии и имевший 60.000 сыновей, собрался совершить в сотый раз великий обряд жертвоприношения коня (Ашьвамедха); припасенного для жертвы коня похитил бог Индра, скрыв его в подземном царстве. Сáгара приказал сыновьям разыскать коня. Не найдя его нигде на земле, они стали рыть под землей и преисподней, и наткнувшись на стоявшего подле коня мудреца-аскета Капилу, погруженного в созерцание, потревожили его. Своим гневным взглядом он сжег всех Сагаридов. Много тысяч веков спустя один из потомков Сáгары царь Бхагиратха добился своими аскетическими подвигами от богов позволения небесной Ганге спуститься на землю, оросить и освятить своими волнами прах Сагаридов, которые тотчас воскресли и сразу попали на небо. Так как Ганга не могла сразу прикоснуться к земле, то Шива подставил ей свою голову, чем и возбудил гнев и ревность своей супруги Гаури-Парвати.

68) Жевание бетеля, вызывающее обильное выделение красноватой слюны очень распространено в Индии: смесь извести с водой намазывается на лист бетеля (от тамильского слова „веттилей“), в который заворачивается кусочек арекового ореха. Обычно носят при себе коробочку или мешочек с припасами для жвачки см. *А. М. Мерварт* Отдел Индии, краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии музея антропологии и географии. Ленинград 1927, ст. 26.

АВАНТЮРА ТРЕТЬЯ

Похождения Упахараврмана

Странствуя, я пришел однажды в страну Видеха и, не вступая в город Митхилу, отправился за город отдохнуть где-нибудь в обители. Там меня встретила старуха и подала воду для омовения ног; некоторое время я постоял на веранде. Поглядев на меня, она вдруг залилась неудержимым потоком слез. „Что это значит, мать моя? Открой мне причину слез!“, спросил я участливо. И она заговорила. „Достопочтенный! Разве ты не слыхал, что здесь в Митхиле был царем Прахараварман, а его величайшим другом был царь Раджаханса, повелитель Магадха, а их супруги Васумати и Приямвада были связаны беспримерной дружбой, как жены Балы и Шямбары (69). Приямвада вместе с супругом отправилась в Цветоград-Паталипутру, желая повидать дорогую подругу Васумати, обрадованную своей первой беременностью. Как раз в это время произошло великое сражение между царями Магадха и Малава и повелитель Магадха попал в беду, не поддающуюся описанию. Повелитель Митхилы, оставшись в живых лишь по милости царя Малава и возвращаясь к себе домой, услыхал, что его царство завоевано сыновьями старшего брата Синхавармана, Викатаварманом и другими. Желая получить помощь от сына своей сестры, повелителя царства Сухма (70), и углубившись в лесные дебри, он был дочиста ограблен разбойниками. Я же, оставшись одна с его меньшим сыном на руках, запуганная дождем стрел лесных бродяг, углубилась в лес. Там, когда я упала, раненная когтями тигра, мальчик попал в нутро валявшейся дохлой красной коровы. Когда же тигр потащил эту падаль, стрела пущенная кем-то из лука, лишила его жизни, а мальчика увели дети горцев, меня же, заснувшую от изнеможения, увел какой-то пастух и, приютив в своей хижине из сострадания, залечил мои раны. Когда же я, оправившись и желая разыскать

своего государя, недоумевала, что мне делать, вдруг пришла моя дочь с каким-то юношей. Она страшно рыдала и, выплакавшись, рассказала мне, как при гибели царского каравана царевич, бывший у ней на руках, попал в руки дикарей. А она сама, после того, как один лесной житель залечил ей раны и захотел на ней жениться, грубо отвергла это оскорбительное сожительство с низкорожденным. Тот, оскорбленный отказом, собирался отрезать ей голову в пустынном месте. А этот юноша, случайно повстречавшийся в лесу, убил злодея и женился на ней. Из дальнейших расспросов выяснилось, что он прибыл сюда со свитой царя Митхилы и почему-то задержался, а тепер следовал по пути за царем. Пробравшись вместе с ним к нашему царю, мы обожгли слух царицы Приямвады известием о судьбе ее сына. Сам же царь, по воле злосчастного рока лишенный царства своим племянником и не будучи в силах примириться с этим, долго воевал с ним, но попал в плен, а царица тоже была заточена. Я же, совсем измучившись и на старости лет не решаясь расстаться с жизнью, сделалась нищенствующей монахиней, а дочь моя, привлекаемая все-таки этой презренной жизнью, нашла себе убежище в качестве служанки у царицы Кальпасундари, супруги царя Викатавармана. Оба царевича, если бы подросли, достигли бы теперь твоего возраста, а если бы они были налицо, то родственники не решились бы посягнуть на царя“.

При этих словах она разрыдалась от гнева и скорби. Выслушав речь несчастной старухи, я сам залился слезами и потихоньку сказал: „Мать моя! Если это так, то успокойся! Разве ты не попросила некоего отшельника позаботиться о мальчике? Тот его взял и выростил. Но к чему повторять эту длинную историю? Я — этот мальчик и уж сумею как-нибудь добраться до этого Викатавармана и убить его. Ведь у него еще много меньших братьев, а с ними заодно и горожане, и поселяне. Меня же никто здесь не знает, как такового. Даже отец и мать ничего не знают, тем более все прочие, а потому я все это дело устрою при помощи хитрости“. Старуха, рыдая, обняла меня и несколько раз поцеловала в голову, источая молоко из грудей, и сказала, запинаясь: „Дитя мое! Будь долголетним! Благо да будет тебе! Хвала благодатной судьбе! Отныне царство

Видеха снова принадлежит Прахараварману, ибо ты стоишь здесь, протянув свою мощную длань, дабы переправить отца через безбрежный океан скорби. Велико и счастье царицы Приямвады! Охваченная радостью, она меня угостила омовением, пищей и т. д. Эту ночь я улегся в келье на травяной подстилке и стал соображать. „Это дело не удастся без обмана. А потому, выведав через эту старуху про разные дела в царском гареме, я таким путем сумею раскинуть сети“. Пока я так раздумывал, миновала ночь, как бы отогнанная горячим дыханием коней бога солнца, вынырнувших из великого океана; творец дня, яркое солнце появилось, медленно согревая, словно расслабленное своим пребыванием в океане. Встав и совершив церемонии, полагающиеся с наступлением дня, я сказал старухе: „Мать моя! Не знаешь, ли ты, что творится в гареме этого негодяя Викатавармана?“ Не успел я это произнесть, как предо мной предстала какая-то женщина. Увидав ее, моя кормилица со слезами в голосе сказала: „Дочь моя Пушкарика! Взгляни на сына нашего государя! Он, безжалостно покинутый мною в лесу, тепер возвратился“. Та от радости заплакала, долго причитала, потом успокоилась и начала сообщать на расспросы матери о том, что делается в гареме. Она сказала: „Царевич! Дочь царя Калингавармана, повелителя царства Камарупа (71), царица Кальпасундари, превзошедшая красотою и всеми искусствами Апсарас, живет со своим мужем Викатаварманом, презирая его. Но для него она любимица, хоть у него и много жен в гареме“. Я же сказал ей: „Постарайся задобрить ее, передав от меня духи и цветы, и разжигай в ней отвращение к мужу, порицая его беспримерные пороки! Возбуди в ней сожаление, изображая Васавадатту (72) и других жен, стяжавших себе достойных мужей. Постарайся еще усилить в ней ее гнев разоблачениями, выведав хорошенько про тщательно скрываемые забавы царя с другими женами в гареме“. И еще добавил кормилице: „Ты также, оставив все прочие дела, должна заняться этой царицей и ежедневно осведомлять меня обо всем, что там случилось. А твоя дочь должна, по моему указанию, неотступно, как тень, следовать за Кальпасундари, дабы наше дело удалось со сладостными для нас последствиями“. Обе они все это исполнили. Через несколько дней

моя мамка сказала мне: „Дитя мое! Я уже до того довела это дело, что она считает себя достойной сожаления, как жасминовую лиану, обвившуюся вокруг дикой яблони. Что еще нужно сделать?“ Я же, нарисовав свой собственный портрет, сказал ей: „Передай ей вот это! Взяв его и рассмотрев, она, конечно, скажет: „Неужели на свете действительно существует такой мужчина?“ А ты ей скажешь: „А если бы был, что тогда?“ И сообщищь мне, что она на это возразит“.

Старуха сказала: „Хорошо“, ушла опять в царский дворец и, возвратившись, сказала мне наедине: „Дитя мое! Я показала портрет царице, пришедшей как бы в опьянение. Разглядывая его со вниманием, она с восхищением говорила: „Теперь мир имеет своего властелина, ибо такой красоты нет даже у бога, изукрашенного цветоносным луком. Это дивная картина. Но я здесь никого не знаю, кто мог бы нарисовать такую. Кто ее нарисовал?“ Я отвечала, улыбаясь: „Государыня! Ты верно говоришь. Невозможно предположить, чтобы сам бог Кама был так прекрасен. Но ведь обширна эта опоясанная океаном земля, где - нибудь, по воле судьбы, может быть и найдется такая красота. А если найдется юноша знатного рода, отличающийся соответственной красотой, искусствами, силой, знанием, ученостью и ловкостью, что тогда?“ Она опять сказала: „Что ты говоришь, мать моя? Мое тело, сердце, жизнь — все это мало и ничтожно, а потому он ничего не может получить! Все же, если это не обман, окажи мне милость, чтобы мои взоры достигли своей цели, усладившись лицезрением этого мужчины“. Я добавила, дабы еще больше утвердить ее в этом намерении: „Есть некий царевич, живет он скрываясь. Однажды ты предстала пред его взорами, словно воплощенная Страсть, на весеннем празднике, забавляясь вместе с подругами в загородном парке. Превратившись в единственную мишень для стрел Камы, он обратился ко мне. Я же, побуждаемая вашим удивительным и взаимносоответствующим превосходством и не находимой у других красотой и проч., долго подносила тебе гирлянды, венки, притирания и проч., изготовленные им. Он же сам приготовил свой портрет и прислал его тебе, чтобы доказать силу своей привязанности. Если ты решилась на это дело, то нет ничего неосуществи-

мого для него, отличающегося нечеловеческой мощью, отвагой и мудростью. Я сегодня же покажу его тебе. Назначь ему свидание“. Немного подумав, она сказала: „Мать моя! Нечего теперь утаивать, а потому я расскажу тебе все. У моего отца была большая дружба с царем Прахараварманом, а у моей матери Манавати любимой подругой была царица Приямвада. Между ними был сделан такой уговор еще до рождения детей: та из нас, у которой будет дочь, отдаст ее в жены сыну той, у которой будет сын. Когда же я родилась, то отец мой, под тем предлогом, что потомство Приямвады погибло, отдал меня, по воле судьбы, посватавшемуся Викатаварману. Но этот грубиян, обманувший моего отца, вовсе не отличается блестящей наружностью, лишен всякой ловкости в любовных упражнениях, не знает толку в искусстве, поэзии, драме, самомнящий о своей доблести, страшный хвастун и лгун, источающий милость на недостойных: такой супруг мне совсем не по вкусу, особенно за последние дни. Недавно, вот здесь в парке, не обратив внимания на мою наперсницу Пушкарику, находившуюся по близости, он разукрасил цветами мою собственную танцовщицу Рамаянтику, дерзающую соперничать со мной и совсем потерявшую голову. И вдобавок сорвал эти цветы с моей любимой лианы чампака, выращенной мною, словно родное дитя. Он позабавился с нею на жемчужном ложе, находящемся на террасе внутри горы Забав (73), как раз после того, как я на ней полежала, а потом, ушла. И этот истукан еще смеет пренебрегать мной! стоило ли обращать на него внимание? Страдания в этом мире заставляют исчезнуть во мне боязнь перед другим миром. Ибо для женщины, чье сердце превратилось в колчан бога любви, невыносимо страдание, вызванное принудительным сожительством с нелюбимым человеком. А потому сведи меня с этим мужчиной в саду, в жасминовой беседке. Мое сердце уже пришло в чрезвычайный восторг, только услышав эти сведения о нем. Вот здесь груда сокровищ, с их помощью я поставлю *этого* на место *того* и буду его безгранично любить и ублажать“. Порешив с ней на этом, я вернулась сюда и теперь пусть царевич решает сам“.

Затем я разузнал от нее о расположении гарема, о местонахождении его стражи и о распланировке увеселительного

парка во всех его частях. Солнечный диск начал краснеть, словно окровавленный падением с высоты горы Заката, мрак, заволакивавший небо, распространился, словно масса дыма от пожара солнечного жара, погруженного в море западного океана. И предо мною, собиравшимся обольстить чужую жену, поднялся месяц, превращающий день в ночь, этот Сома, блуждающий с планетами и прославившийся обольщением жены своего учителя, как бы желая сделаться и моим учителем и в то же время, как бы изображая улыбающийся диск лотосоподобного лика царицы Кальпасундари, приблизившейся ради страстного желания лицезреть мое лицо, словно побуждая бога с цветоносным луком, выступить на покорение мира с воспламененной отвагой. Я улегся на подходящее для меня ложе и начал раздумывать: „Успех дела почти обеспечен. Правда, если здесь и происходит нарушение закона через обольщение чужой жены, то ведь это разрешается и священными книгами, если при этом есть выигрыш для выгоды или для удовольствия. Ведь я совершаю беззаконие, дабы высвободить из оков своих родителей: уничтожая таким образом это беззаконие, я еще увеличу свою долю в добродетели — законе. Впрочем, что скажут об этом царевич Раджавахана и друзья, если услышат об этом?" Призадумавшись, я уснул, а во сне увидел бога, имеющего лик слона (74). Он мне сказал: „Милый мой Упахараварман! Не поддавайся сомнениям, ибо ты являешься частицей меня самого. А та красавица есть воплощение божественной Ганги, привыкшей ласкать копну волос на челе бога Шивы. Однажды, не будучи в силах перенести мое постоянное заигрывание, она меня прокляла: „Родись смертным!", а я проклял ее: „Так как ты теперь вкушаема многими, то иди к смертным и будь там вкушаема многими!" Она взмолилась, и я тогда добавил: „После того, как тебя вкусит только один, я буду с тобой наслаждаться целую жизнь!" А потому это все дело хорошее и ты ни в чем не сомневайся!" Я проснулся, преисполненный радости и провел весь этот день, памятуя о предстоящем свидании с возлюбленной.

На другой день бестелесный бог, не занимаясь ничем другим, излил на меня целый дождь стрел. Светозарное море солнечного света высохло и наступил илоподобный мрак. Облекшись в плащ коричневого цвета, крепко подвя-

зав одежду, с мечом в руке и со всей необходимой справой, памятуя о всех указанных мне мамкою признаках, я подошел ко рву, наполненному водою, окружавшему царский дворец. Взяв бамбуковый шест, нарочно оставленный Пушкарикой у дверей дома мамки, и положив его через ров, я переправился, а потом, подставив шест, перелез через стену. Взлезши, я начал спускаться на землю по кирпичной лестнице, ведшей к воротам, а когда спустился, то пошел вдоль шпалеры из кустарников бакула и, пройдя немного по дорожке меж кустов чампака, услышал с северной стороны жалобный крик парочки птичек чакравака. Пройдя затем на расстоянии полета стрелы по дорожке между деревьями па̀тали до места, где можно было нащупать выступ штукатурки большого дворца, направился затем на восток по песчаной тропинке, обсаженной по бокам группами красного ашока и жасмина. Прошел немного назад и повернул опять к обращенной на юг манговой шпалере. И вот я увидел при помощи светильника, фитиль которого пропускал через отверстие немного света, беседку из жасминовых лиан, внутри которой стояло ложе из драгоценных камней. Проникнув туда, я вошел в находившийся сбоку будуар, окруженный стенами — шпалерами желтых цветов амаранта, и открыл дверь, состоявшую из ниспадавших до земли лиан красного ашоки и покрытую бутонами, словно слезами радости, красную от прекрасных ростков растений; внутри будуара стояло прекрасно устланное ложе из цветов, сосуд из сплетенных листьев лотоса, содержавший все принадлежности, необходимые для любовных утех, опахало из слоновой кости и золотой кубок, наполненный душистой влагой.

Войдя в середину, немного отдохнув, я ощутил необычайно благоуханный запах и услышал тихие - претихие шаги. Заслышав их, я вышел из комнаты свидания и стал, прислонившись своим стройным станом к стройному стволу красного ашоки. Между тем прекраснобровая царица, страстно вожделея, потихоньку прошла мимо. Не найдя меня, она страстно затрепетала и, словно похотливая самка фламинго, заголосила пленительным голосом, прерывавшимся от душевной тоски: „Очевидно, я обманута! Я не могу больше дышать! Увы, мое сердце! Зачем, сочтя это неисполнимое дело за исполнимое, теперь, когда оно не исполнилось, ты наполняешься

скорбью? О ты, священный бог, вооруженный пятью стрелами, какое преступление совершила я пред тобою, что ты меня опаляешь, но не испепеляешь?“ Тогда я показался и, раскрыв свет светильника, сказал: „О дивная! Разве ты не совершила преступления против мыслерожденного бога, превратив в ничто своею красою красу Страсти, которая ему дороже жизни, затмив упругую дугу его лука дугами своих бровей, его тетиву из вереницы пчел — блеском своих черных кудрей, поток его стрел — струйками расточаемых косых взоров, шафрановую ткань его знамени — блестящей сетью твоих лучистых губок, его лучшего друга — южный ветер — твоим дышащим благоуханием дыханием, воркование птичек кокила — твоим нежным лепетанием, его цветочный стяг — стволами твоих рук, пару наполненных водой кувшинов, выставляемых им перед выступлением в поход на покорение мира — парой твоих кувшиноподобных грудей, его пруд для забав — твоим прудоподобным лоном, его победную колесницу — округлостью твоих бедер, сводчатые ворота из драгоценных камней перед его дворцом — твоими ляшками, серьги в его ушах — блеском ступней твоих стоп. А посему тебя по справедливости угнетает бог, имеющий на своем знамени знак рыбы. Но то, что он угнетает меня, неповинного, это уж его вина! А потому, о красавица! осчастливь и оживи, словно живительным волшебным зельем, своими косыми взглядами меня, как бы ужаленного змеею любовной страсти“. При этих словах я обнял ее.

И я насладился любовным соединением с этой длинноокой, очаровательной в любовной страсти. Заметив после первого раза, как ее перекосившиеся глаза раскрылись, а щеки как бы измялись от проливавшихся струй пота, как она мило и непринужденно лепетала и начала ранить меня своими красными зубами и ногтями (75) и как она была словно измучена и расслаблена во всех сочленениях, я заставил ее сделаться еще более податливой душой и телом и мы вместе устремились к одной цели. Засим, разомкнув эти любовные об’ятья, мы пребывали в состоянии обычном после любовных утех, наслаждаясь мимолетным взаимным доверием, как старые друзья. Но, снова много и жарко воздыхая, я снова охватил ее, выглядевщую немного задумчиво и, стискивая ее не слишком сильно своими протяну-

тыми руками, осторожно целовал ее. Со слезами на глазах и сложив на голове руки, точно венок, она говорила: „О мой властелин! Если ты меня покинешь, то и жизнь меня покинет! Знай это! Возьми меня к себе! Если же нет, то твоей рабыне нечего и жить на свете“. Я отвечал: „Ах ты глупенькая! Какой человек в здравом уме не примет с радостью женщину, влюбленную в него? Если ты решилась бесповоротно, то исполни без промедления мое повеление. Покажи царю с глазу на глаз портрет с моим изображением и скажи: „Не правда ли, этот образ достиг предела человеческой красоты?“ Он, конечно, ответит: „Действительно, достиг“, а ты опять скажешь: „Если это так, то есть некая отшельница, приобревшая большую смелость, много постранствовав по свету: она мне словно мать. От нее я и получила этот портрет, по поводу которого она мне сказала: „Есть такое заклинание, в силу которого ты приобретешь сама этот образ, пропостившись в день перемены луны и свершивши в уединенном месте жертву огню, в котором жрецы уже совершили жертву, а потом оставили его, принесши ночью одна сто полен сандала, сто полен алоэ, много пригоршней камфоры и много шелковых одежд. Затем ты позвонишь в колокол и когда твой супруг, привлеченный звоном, обнимет тебя, рассказав предварительно все свои тайны и закрыв глаза, то этот образ перейдет на него, ты же сама примешь свой прежний образ. Если тебе и твоему супругу это дело улыбается, то не должно быть никаких искажений во всей этой процедуре“. Конечно, он на это пойдет. Тогда, после того, как домашний жрец совершит по обряду Атхарва-Веды жертвоприношение животного на перекрестке в увеселительном парке, и золотистый огонь будет им покинут, я, после исчезновения дыма, выйду и буду ждать в этой беседке из лиан. Ты же с наступлением ночных сумерек скажешь на ухо Викатаварману с насмешливой улыбкой: „Ты настолько коварен и неблагодарен, что, даже стяжав по моей милости такую красоту, приводящую в восхищение весь свет, будешь еще наслаждаться с моими соперницами. Я не хочу на свою же погибель вызывать оборотня“. И то, что ответит царь, выслушав это, ты мне сообщишь наедине, а я уже буду знать, как поступить дальше. Прикажи также Пушкарике стереть следы моих

ног в парке“. Она ответила „да“, восприняв почтительно мои слова, как священный текст писания, и ушла в гарем, ненасыщенная любовной страстью. А я ушел тем же путем, каким пришел, и вернулся в свое жилище.

И вот эта женщина, словно в состоянии опьянения, исполнила все это, а тот безумец поддался ее хитрости. Вдруг среди горожан пошли следующие диковинные разговоры: „Царь Викатаварман при помощи заклинаний царицы приобретет красоту, достойную богов.— Ну все это скверный обман и не особенно удачный.— Ну разве это не вздор! — В парке близ гарема его главная супруга произведет эту процедуру.— Даже его министры, разумом равные самому Брихаспати, это одобрили.— Ну, если это действительно так произойдет, то уж ничего не может быть диковинного, ведь неиз'яснима волшебная сила амулетов, заклинаний и зелий“. И вот, пока в народе ходили такие слухи, наступила перемена луны. Вечерней порою, с наступлением глубокой темноты из парка близ гарема поднялся столб дыма, темный как шея Шивы, и, следуя повсюду за ветром, распространился запах возлияний: молока, растительного масла, кислого молока, горчицы, жира, мяса и крови. Когда столб дыма вдруг исчез, я вошел в дворцовый сад, и ко мне вышла царица своей слоновьей походкой. Обняв меня, она сказала с усмешкой: „О хитрец! Твое желание уже исполнилось: скотина готова. Чтобы заманить его, я сказала, как ты мне велел: „Коварный! Я не предоставлю тебе этой красоты: сделавшись таким красавцем, ты станешь предметом вожделения даже для небесных Апсарас, не говоря уже о земных женщинах. Точно пчелка, постоянно порхающая от природы, ты, жестокий, постоянно порхаешь то там, то сям“. Он же, упав к моим ногам, проговорил: „О прекраснобедрая! Прости мне преступления, мною совершенные! Отныне я и в мыслях не помыслю о других женщинах. Поторопись с начатым делом!“ И вот я, в этом свадебном наряде, прибежала к тебе. Уже раньше я была вручена тебе самим богом любви, словно жрецом перед пылающим пламенем пылкой страсти, а теперь снова вручаю тебе мое сердце здесь, перед этим пылающим огнем“. И, опершись кончиками своих ножек на носки моих ступней и вытянув пятки, она обняла мою шею лианами своих рук, пальцы которых

перевились, как листья, наклонила, заигрывая, мое лицо к себе и, приподняв свое лотосоподобное личико, целовала меня часто, вращая своими большими глазами. Я же сказал ей: „Побудь здесь в этой беседке желтого амаранта, пока я не вернусь, исполнив все, что надлежит исполнить“. Отпустив ее и отправившись к жертвенному огню, я позвонил в колокол, висевший на ветке ашоки, прозвучавший словно вестник смерти, призывавший этого человека. Я начал совершать жертвоприношения из алоэ, сандала и проч., а царь пришел к условленному месту. Когда он остановился, словно охваченный сомнением и несколько изумленный, я сказал ему: „Скажи мне правду, призвав снова в свидетели этот светозарный священный огонь! Если ты, приняв этот образ, не станешь услаждать моих соперниц, то я переведу на тебя эту красоту“. Тогда он подумал: „Это подлинно царица, это не обман“. И, почувствовав, очевидно, доверие, начал клясться. Я же, усмехаясь, снова сказал ему: „К чему тут клятвы? Какая земная женщина может меня превзойти? Если же ты сойдешься с Апсарасами, то сходись сколько угодно! Расскажи, какие у тебя есть тайны, когда окончишь их перечень, то твой теперешний образ исчезнет“. Он начал рассказывать: „В оковах пребывает Прахараварман, меньшой брат моего отца. Я его умерщвлю отравленной пищей и распущу слух, будто он умер от холерины. Так я порешил со своими министрами. Своему меньшому брату Вишялаварману я поручу предводительство в походе против страны Пундхра. Городской старейшина Панчалика и карawановладелец Паритрата подали мне тайный совет: „У некоего Яваны, по имени Кханати можно получить за дешевую цену алмаз драгоценный, как вся земля“. Мой доверенный начальник двора, магнат Шятахали, которому я сказал: „Я хочу, чтобы этот коварный, высокомерный, злокозненный предводитель Анантасира был убит, как будто при народном возмущении“, обещал, по моему поручению, побудить главного военачальника удалиться. Вот вкратце втайне начатые дела“. Выслушав это, я нанес ему удар со словами: „Твой час настал: ступай по пути, предначертанному твоими делами!“ И, разрубив его пополам мечом и изрубив в кусочки его тело, принес его в жертву в огонь, запылавший от обильного жира. Он превратился в пепел. Засим я

успокоил милую моему сердцу, несколько перепугавшуюся по своей женской природе, взял ее за нежную ручку, отвел домой, созвал с ее же согласия весь гарем и воздал ей должную хвалу. Пробыв некоторое время в кругу этих изумленных красавиц, я отпустил гарем, а сам, крепко прижав к себе прекраснобедрую и обвив руками, обнял ее на ложе и провел эту ночь, как один миг. Из ее уст я узнал обо всех дворцовых делах.

Омывшись на заре и совершив все обряды, я сошелся с министрами и сказал: „О благородные! Вместе с внешностью изменилась и моя внутренняя природа. Брат моего отца, которого я собирался отравить, будет освобожден и снова получит свое царство. Мы проявим перед ним покорность, как пред родным отцом, ибо нет большего греха, чем отцеубийство“. А призвав своего брата, Вишялавармана, я сказал ему: „В стране Пундхра теперь голод. Народ там словно обезумел от страданий и, не дорожа своей жизнью, может опустошить наше царство, а потому ты можешь выступить в поход только тогда, когда можно будет чем-нибудь у них поживиться и снять свежий урожай и свежие плоды. Теперь же поход неуместен“. Обоим городским старейшинам я также сказал: „Ради соблюдения закона нам не подобает приобретать драгоценный алмаз по низкой цене, а потому надо купить его по настоящей“. Призвав также маститого богача Шятахали, я ему сказал: „Этот Анантасира, сторонник Апахаравармана, который был осужден на погибель, теперь, раз мой дядя восстановлен, не должен погибнуть. Не предпринимай ничего против него!“ Они, приняв все эти указания за доказательство моей подлинности, с изумлением восхваляли меня и, главное, царицу, разгласили о чудесной силе заклинаний, освободили из тюрьмы моих родителей и восстановили их на царстве. Я же, тайно сообщив через свою мамку родителям обо всем мною содеянном, возвел их на вершину счастья, припав к их ногам, и был возведен ими в сан наследника-соправителя. Услаждая свою душу наслаждениями, не столь сладостными, вследствие скорьби от разлуки со стопами моего государя, я вдруг узнал, через послание от друга моего отца Синхавармана, о нападении Чандавармана на Чампу и подумал: „Истреблять врагов и охранять друзей — надо соблюдать и то, и дру-

тое“. И выступил с нелегким, но легко выдержавшим поход отрядом войск. И вот я сделался вместилищем радости: лицезрею воочию блеск твоих царственных стоп“.

Выслушав это, царевич Раджавахана сказал, улыбаясь: „Посмотрите, даже связанное с обманом посягательство на чужое ложе повлекло за собою освобождение его родителей от ужасных уз и сделалось средством для истребления злостного врага и достижения престола, стяжав еще больше выгод и заслуг. Ибо мудрому все идет на пользу“. И, направив свой ласковый взгляд на Артхапалу, царевич произнес: „Расскажи нам о своих приключениях“! И тот простерши руки, начал.

ПРИМЕЧАНИЯ

69) *Бала* и *Шямбара* — два демона — асуры, жены которых считались примером дружбы.

70) Царство Сухма со столицей Тамралипта или Дамалипта, ныне Тамлук в Юго-Западной Бенгалии.

71) Царство Камарупа со столицей Праґджьотишя, ныне Камруп в Северном Ассаме.

72) *Васавадатта* — дочь царя Прадьоты — Чандамахасены в Удджаини, была похищена легендарным властелином царства Ватса, Удаяной (его столица Каушямби лежала миль на 30 к северо-востоку от Аллахабада). Легенда об их приключениях дала богатый материал поэтам и составила основную рамку для так наз. „Индийского Декамерона“, сборника Катха-Сарит-Сагара (океан потоков сказок), кашмирского поэта Сомадевы (XI в. по Р. Х.). В сравнительно недавно открытой драме Бхасы, предшественника Калидасы, под названием „Сон-Васавадаты“ (есть французский перевод ее Le thèatre indien avant Kalidasa, par A. Baston. Paris. 1914) изображается дальнейший эпизод: брак Удаяны со второй главной женой Падмавати, дочерью царя Магадха. Васавадатта тоже является идеалом верной и преданной, несмотря на тяжкие испытания, жены.

73) Своего рода „спортивная площадка“ в парке. Впрочем, больше всего приспособленная для любовного спорта.

74) *Ганеша* — бог мудрости и устранитель всяких препятствий. Имеет голову слона с огромным брюхом и едет верхом на крысе, как на животном всюду проникающем, несмотря ни на какие препятствия.

75) Царапины и укусы обязательно входят в индийский любовный спорт. Знатоки умели выцарапывать даже особые узоры (полумесяц, тигровый коготь, павлинья лапка, заячий прыжок, лепестки лотоса и т. п.). Любопытны по своей серьозности и педантичности „философские“ рассуждения авторов и комментаторов в Кама-Сутрах. Напр., „когда любовники-специалисты пользуются ногтями, это составляет поистине квинт-эссенцию бога любви“.

АВАНТЮРА ЧЕТВЕРТАЯ

Похождения Артхапалы

„Государь! И я, преследуя вместе с друзьями одну и ту же цель и странствуя по земному кругу, окруженному увенчанным волнами океаном, подошел как-то к городу Каши-Бенаресу, что лежит меж рек Варана и Аси. Омывшись в прозрачной, как алмаз, воде озера Маникарна и совершив обхождение направо перед изображением владыки Шивы, священного победителя демона Андхакары, я увидел перед собой огромного человека, подвязывавшего одежду руками, толстыми и крепкими, как железо, с покрасневшими и распухшими от постоянных слез глазами. Я подумал: „Ведь это человек крепкий, а его глаза с потускневшими зрачками как бы изливают дождь жалости, его поступки намекают на насильственные действия: пожалуй, почувствовав равнодушие к жизни, он предпримет нечто ужасное, вызванное несчастьем близких ему людей. Поэтому расспрошу его, может быть, я смогу оказать ему помощь". И я спросил, подойдя к нему: „Милейший! Эти приготовления намекают на насильственные действия. Если это не тайна, я желал бы услышать о причинах твоего горя" Поглядев на меня с большим почтением и сказав: „Ну что же, послушай", он уселся возле меня у подножья олеандрового дерева и рассказал следующее.

„Достопочтенный! Я — сын сельского старшины, зовусь Пурнабхадра, бродяжничал среди восточных народов. Хоть и выросший заботливым отцом, но по воле судьбы я отдался воровской профессии. Совершив крупную кражу здесь, в этом городе Каши, в доме одного зажиточного купца, я был пойман с поличным, закован в цепи и приговорен к смертной казни; бешенный слон, по прозванию „Победитель смерти", находящий наслаждение в убийстве, уже устремился на меня по приказанию верховного министра Камапалы, глядевшего, взобравшись на вершину дворцовых

ворот. Слон вытянул свой стволоподобный хобот, а звон его колокольчиков как бы удваивался от крика, исторгавшегося из горл людей. Но я бесстрашно набросился на него и стал дразнить в то время, как он наклонился. Я бил его по лбу своими палицеподобными руками, продетыми в отверстия колодки. Испуганный слон обратился вспять, но снова был возвращен обратно разгневанным корнаком сильными ударами крючка. Я же набросился на него с удвоенным раздражением, бил его и дразнил. Он снова повернулся вспять и побежал. Корнак, преследуемый и раздражаемый мною, кричал: „Ты погиб! Посмешище, а не слон!“ и, продолжая все время бить слона крючком по углу глаза, все-таки кое-как направил его против меня. Тогда я закричал: „Пусть уберут этого червяка, а не слона! Пусть приведут другого какого-нибудь царя слонов, дабы я мог с ним на минуту позабавиться, а потом пойти по предначертанному мне пути“. Увидав, как я, разгневанный, разбушевался, слон, несмотря на суровые приказания корнака, обратился в бегство.

Тогда министр велел призвать меня к себе и сказал: „Молодец! Ведь этот „Победитель смерти“, забавлявшийся истреблением, как бы воплощал собою смерть, и все же ты довел его до такого состояния. Оставив свое грязное ремесло и прибегнув ко мне, ты можешь жить, как честный человек“. „Как прикажешь“, отвечал я покорно, и он обошелся со мною по-дружески.

Однажды, когда между нами установилось доверие, в ответ на мои расспросы министр рассказал свои приключения*). „У победоносного царя Раджахансы в Цветограде был министр по имени Дхармапала, славившийся мудростью, ученый и святой. У него был сын — Сумитра, равный отцу по мудрости и добродетели. Я — его меньшой брат, родившийся от другой матери. Я веселился среди гетер, он же сиял добродетелью, предостерегая меня. Не поддавшись его увещанию, я убежал и, блуждая по разным странам, случайно здесь в Бенаресе влюбился в дочь здешнего царя Чандасинхи, по имени Кантимати, игравшую в мяч с подругами в увеселительном парке, для умилостивления Шивы

*) Рассказ Камапалы „врамлен“ в рассказ Пурнабхадры.

испепелившего Каму. Кое-как мне удалось с нею сойтись и она забеременела от меня, наслаждавшегося с нею тайно в гареме, и родила мне сына. Под предлогом, будто он мертворожденный, челядь, опасаясь раскрытия тайны, вынесла его на гору Забав, а одна дикарка отнесла его на кладбище. Когда она возвращалась по царской улице ночью, ее задержала стража. Из страха перед грозным наказанием она выдала тайну полностью и по повелению царя указала ночью на меня, беспечно спавшего в гроте на горе Забав. Связанный веревкой, я был отведен на кладбище, где палач чандала должен был разрубить меня мечом. Разорвав оковы, по воле судьбы, и выхватив меч, я сразил этого низкорожденного и еще нескольких других и убежал. Однажды, блуждая бесприютный в лесной чаще, я встретил некую деву небесной красоты, проливавшую слезы и подошедшую ко мне со свитой. Она поклонилась своей главой, увенчанной сложенными лотосами рук и дрожавшими вокруг лица кудрями, и уселась рядом со мною у подножья священной смоковницы, под ее прохладной сенью. Я спросил с любопытством: „Кто ты, дева, откуда ты явилась, по какой причине благоволишь ко мне?“ И она окропила меня медом своей речи*).

„О благородный, я дочь повелителя Якшей Манибхадры (76) и зовусь Таравали. Однажды, возвращаясь с горы Малайя, после поклонения супруге Агастьи (77), Лопамудре, я увидела на кладбище в Бенаресе плачущего мальчика. Я взяла его, ощутив сильную привязанность, и отнесла к своим родителям, а мой отец доставил его в дворцовую залу к богу Кувере, повелителю Алаки. Призвав меня, друг Шивы соблаговолил обратиться ко мне так: „Дитя мое! Какое чувство испытываешь ты к этому дитяти?“ „Привязанность, точно к родному сыну“, отвечала я. „Бедняжка сказала правду“, подтвердил он и рассказал большую связанную с этим историю. Вот что я тогда узнала: „Ты, Шяунака, Шюдрака и Камапала — одно лицо. Бандхупати, Винаявати и Кантимати — одно лицо. Ведимати, Арьядаси и Сомадеви — одно лицо. Хансавати, Шюрасена и Сулочана — одно и то же лицо. Нандини, Рангапатака и Индрасена — тожде-

---

*) Рассказ Таравали „врамлен“ в рассказ Камапалы.

ственны. Та дочь пастуха, которую ты в своем воплощении как Шяюнака сделал своей женой пред лицом жертвенного огня, сделалась затем Арьядаси, а ныне я — Таравали. А когда ты был Шюдрякой, я была — Арьявати и родила тебе мальчика. Воспитала же его Винаявати, вследствие воспоминания о любви в прежнем воплощении. Теперь он родился от нее же в ее воплощении, как Кантимати. Его, неоднократно вырванного из пасти смерти, я по воле рока обрела и по указанию Куверы вручила царице Васумати, супруге подвизавшегося в лесу царя Раджахансы, дабы мальчик послужил царевичу Раджавахане, будущему победителю вселенной. А я, с разрешения своих родителей, явилась поклониться лотосам твоих ног после того, как ты спасся по воле рока от роковой смерти".

Я *), вняв ей, моей бывшей возлюбленной в нескольких воплощениях, не раз обнял ее, обливаясь слезами радости и, повторяя ласковые слова, денно и нощно вкушал недоступное на земле блаженство в большом чертоге, появившемся в силу ее чар. Прошло два - три дня и я так обратился к красавице, пребывавшей словно в оп'янении: „О милая! Мне хочется испытать наслаждение мести, воздав возмездие Чандахансе, покусившемуся на мою жизнь". Она отвечала, смеясь. „Ступай, милый! я поведу тебя поглядеть на Кантимати". В полночь она привела меня в царскую опочивальню. Взяв меч, стоявший у изголовья, и разбудив дрожавшего царя, я сказал: „Я, твой зять, сошедшийся без твоего разрешения с твоей дочерью, явился, чтобы смыть этот проступок покорностью". Он очень испугался и, преклонившись предо мною, отвечал: „Я, глупец, совершил преступление тем, что, перейдя предел, словно одержимый, велел казнить тебя, оказавшего мне милость, сойдясь с моей дочерью, а посему отныне и Кантимати, и это царство, и жизнь моя — все принадлежит тебе". Так он сказал. На другой же день, созвав сонм своих министров, он велел совершить обряд моего бракосочетания с дочерью по закону. Таравали рассказала Кантимати историю сына, а также другим женам Сомадеви, Сулочане и Индрасене историю их прежних воплощений. Вот почему я в звании министра,

*) Продолжение рассказа министра Камапалы.

а в сущности на правах наследника-соправителя, наслаждаюсь прелестной возлюбленной".

И этот человек*), приветливо обошедшийся даже с такой тварью, как я, относившийся ко всем существам, точно родной отец, после того, как его тесть переселился на небеса, вследствие болезни вздутие живота, а старший шурин Чандагхоша по имени, вследствие чрезмерного увлечения женщинами, погиб еще раньше от истощения, помазал на царство пятилетнего царевича Синхагхошу, воспитав его, как подобает доброму человеку. А тот в юношеским упоении окружил себя несколькими клеветниками-министрами, доверившись им, и вот что они ему внушили: „Этот интриган насильно овладел твоей сестрой, затем грозил убить спящего царя, замахнувшись мечом, а тот, проснувшись в этот миг, из страха согласился отдать ему дочь. Умертвив ядом твоего старшего брата Чандагхошу, он теперь пренебрегает тобою, считая тебя ничтожным малолетним и полагаясь на доверие народа. Вскоре этот неблагодарный погубит и тебя: ты уже постарайся сам переправить его в обитель смерти". Так подстрекаемый ими на злое, он все же не мог предпринять против него ничего дурного из страха перед чародейкой Таравали. И вот как раз на этих днях, заметив что-то необычное во внешности Кантимати, главная супруга юного царя Сулякшана спросила ее: „Царица! Меня нельзя провести: скажи правду, отчего эти дни на лотосах твоего лица заметно нечто необычное?" Та отвечала: „Дорогая! Разве ты можешь припомнить, чтобы я когда-нибудь сказала неправду? Моя подруга и супруга моего супруга была названа моим супругом наедине моим именем и в каком-то затмении чувств, пренебрегши привязанностью, удалилась, хотя мы оба, и он, и я, преклонившись пред нею просили прощения. Наш супруг теперь в отчаянии, вот отчего и я в унынии". Сулякшана передала об этом в общих чертах своему супругу, и тот теперь беспрепятственно при помощи людей, с которыми заранее условился, схватил и заковал в цепи этого человека, который всем своим телом, побледневшим вследствие разлуки с милой**), с гла-

*) Этот человек, т.-е. Камапала. Тут возобновляется рассказ Пурнабхадры.

**) Т.-е. покинувшей его в сердцах Таравали.

зами, затемненными от слез непролитых вследствие его стойкости, и своим не слишком нежным голосом, как бы засохшим и загрубевшим от жарких воздыханий, обнаруживал печать разлуки и лишь с усилием исполнял свои обязанности во дворце. Повсюду через глашатаев было оповещено о его преступлении и было об'явлено: „У него будут вырваны глаза, а затем последует смерть“. Я же, дав теперь волю слезам в уединении и желая расстаться с жизнью раньше, чем этот добродетельный, делаю должные приготовления“.

Услыхав о несчастьи моего отца *), я сказал: „Друг мой! К чему скрывать от тебя? Я тот самый сын, рожденный ему дочерью Якши и врученный ею царице Васумати, дабы служить стопам царевича Раджаваханы. И я буду в силах сразить даже тысячи воинов, замахнувшихся оружием, и освободить отца. Но если кто-нибудь в схватке поразит его кинжалом, то все мои усилия будут тщетны, словно жертвенное возлияние, вылитое на золу“. Не успел я договорить, как из стенной щели подняла голову большая ядовитая змея; овладев ею при помощи заклинаний и чар, я сказал Пурнабхадре: „Друг! Наше намерение уже осуществлено. Незаметно в толпе я брошу как бы нечаянно эту змею на отца и заставлю укусить его, а затем обезврежу яд, так что он будет лежать, словно мертвый. Ты же, отбросив страх, должен так оповестить мою мать: „Твой сын, врученный дочерью Якши царице Васумати в лесу, теперь явился и, узнав от меня о положении отца, вот что предпринимает благодаря своему уму. Ты же, отбросив испуг, должна передать царю: „Таков закон у кшатриев: „злодей, будь он родной или неродной, безразлично, должен быть наказан“, но и для жен закон гласит: „муж хорош или не хорош, а жена должна последовать за ним“, а потому и я взойду вместе с ним на костер. Ты мне должен разрешить этот последний обряд, подобающий женскому полу“. Узнав об этом, царь, конечно, даст согласие. Засим, перенеся тело супруга в свой покой и положив в уединенном обвешанном занавесами месте, на ложе из травы дарбха, пребывай там, принарядившись для самосожжения. А я, пройдя через

*) Продолжение рассказа Артхапалы.

наружный двор, буду впущен тобой. Оживив затем отца, мы поступим так, как он найдет нужным". Тот радостно ответил „да" и поспешно удалился.

Близ того места, где оглашался приговор, я взлез на дерево чинчя с большими и густыми ветвями и спрятался там. Народ также начал взбираться на более высокие места. Начались тихие и громкие разговоры. И вот палач-чандала, приведя моего отца, точно вора со связанными назади руками, в сопровождении огромной толпы с криком и гиком, поставил его вблизи меня и трижды провозгласил: „Сей министр Камапала, посягнув на царский престол, тайно отравил своего повелителя Чандасинху и его наследника Чандагхошу. Сообразив затем, что молодой царь Синхагхоша уже возмужал, он замыслил покушение и на него, и, пригласив на тайное свидание министров Шиванагу, Стхуну и Ангараваршу, подговаривал их убить царя. Они же из преданности своему государю выдали тайну. Теперь по приговору судьи этот брахман, покусившийся на царский престол, осужден погрузиться во мрак и приведен сюда, дабы у него были вырваны глаза. И впредь, если найдется другой столь же преступный, то царь поразит и его достойным наказанием". Когда толпа, услыхав это, загудела, я бросил на тело моего отца змею со сверкающей головой, спрыгнул с дерева, точно перепуганный, и, укрываясь в толпе, приостановил действие яда, применив к отцу, укушенному раздраженной змеей, целебные средства. Я твердил: „Истинная правда: сама судьба карает покусившегося на царя. Царь хотел только лишить его зрения, а судьба лишила его и жизни". Одни одобряли, другие порицали мои слова, а змея, укусив также палача, убежала среди толпы, быстро расступившейся от страха. Моя мать, оповещенная Пурнабхадрой и не растерявшаяся даже в такой беде, пришла бодрой поступью в сопровождении многочисленной свиты и, положив голову моего отца к себе на грудь, велела сообщить царю: „Преступен ли мой супруг перед тобою, это решит судьба: мне раздумывать об этом бесцельно. Но если я не последую за супругом, некогда взявшим меня за руку, то опозорю весь свой род. А потому соблаговоли разрешить мне взойти на костер вместе с супругом". Узнав об этом, царь с радостью ответил: „Да свершится приличествую-

щий нашему роду обряд. Супруг моей сестры да вкусит последнюю торжественную церемонию". Так как палач умер, ибо я парализавал все усилия заклинателей, то царь подумал: „Камапала также укушен смертельным жалом". И, дабы выявить свое великодушие, разрешил перенести покойника домой.

Моего отца перенесли и оставили, положив в уединенном месте на ложе из травы дарбха. Моя мать, облекшись в предсмертный убор и трогательно распростившись с подругами и преклонившись не раз перед фамильными божествами, с трудом сдерживая вопли своей свиты, вошла одна туда, где лежал мой отец, и там увидела, как я, впущенный заранее Пурнабхадрой, оживил ее отравленного супруга, словно настоящий Гаруда. В порыве радости она бросилась, проливая слезы, к ногам супруга, обняла меня неоднократно, источая молоко из грудей, и говорила прерывистым от слез голосом: „Сын мой ты, который, едва родившись, был покинут мною, отчего так жалостлив ты теперь ко мне, безжалостной? Впрочем, твой родитель не виновен, и справедливо извлечь его из пасти смерти. А все же жестока Таравали, которая, узнав всю правду от Куверы, вручила тебя не мне, а Васумати. Впрочем, она поступила правильно: ибо без такого накопления счастья, приобретенного благочестием, существо, столь бедное заслугами, как я, не могло бы удостоиться счастья впивать ушами нектар твоих чудных речей. Прийди и обними меня". И она снова целовала меня в голову и прижимала к груди, попрекала Таравали, опять обнимала и проливала слезы, трепеща всем своим стройным телом, словно преобразившись в один миг. Мой родитель также, выбравшись словно из ада в рай, из бездны несчастий на вершину счастья, узнав обо всем происшедшем от Пурнабхадры, счел себя еще более счастливым, чем богатый щедротами щедрый Индра. Сообщив кое-что и о своих делах, я обратился к своим радостно изумленным родителям: „Приказывайте, к чему теперь приступить". Отец сказал: „Дитя мое! Наш дом окружен огромной стеной и заключает в себе неистощимый запас оружия. Это — неприступная крепость. Многие вассалы облагодетельствованы мною, а большинство подданных не радуется моему несчастью. Есть у нас также несколько тысяч хороших

воинов со своими друзьями, сыновьями и женами. Поэтому мы перебудем здесь несколько дней, подстрекая внутреннее и внешнее возмущение, и затем сокрушим этого неистового, привлекши возмутившихся на свою сторону, подзадорив прирожденных и подняв его наследственных врагов". „Это не повредит, пусть так и будет", так согласился и я с мнением отца. Пока мы принимали такие меры сопротивления, царь, тоже оповещенный о событиях и раздосадованный, предпринимал всякие меры к нападению, но они ежедневно нами уничтожались.

Узнав тем временем через Пурнабхадру о местонахождении царской опочивальни, я проделал по направлению к ней, начиная от угловой стены нашего дома, кривой лопатой подземный ход, который привел меня к помещению, наполненному множеством девушек, похожему на земною рай. Эти женщины, увидев меня, затрепетали. Среди них была одна, рассеивавшая, словно лунный серп, своею красотою мрак преисподней, точно воплощенная богиня земли или супруга Шивы, воплотившаяся, чтобы сразить демонов, или же спустившаяся в преисподнюю супруга благодатного бога Камы, украшенного цветоносным луком, или богиня Лякшми, воплощение царского величия, скрывшаяся в земной расщелине, дабы не лицезреть таких дурных царей, неописуемая красавица, словно отлитая из золота куколка. Увидев меня, она задрожала, словно сандаловая лиана, колеблемая южным ветром. Пока все это женское сборище пребывало в таком состоянии, какая-то седовласая старуха, подобная белеющей цветами траве кашя, бросилась к моим ногам и жалобно заголосила, трепеща: „О, подари дар безопасности этим беззащитным женщинам! Кто ты? Не небесный ли царевич, сошедший в преисподнюю, дабы сразиться с потомками Дану? Поведай, кто ты. По какой причине пришел?" Я отвечал: „О вы, прекраснозубые! Вам нечего бояться. Я родился от мощного брахмана Камапалы и царевны Кантимати и зовусь Артхапалой. В данном случае, проделав подземный ход от собственного дома к царской опочивальне, я случайно столкнулся с вами. Расскажите, кто вы такие, как вы здесь живете". Так я сказал. Она же заговорила, воздев руки: „Царевич! Счастливы мы, что узрели тебя невредимым вот этими нашими очами. Послу-

шай. От твоего деда с материнской стороны и от царицы Лилавати родилось двое детей: Чандагхоша и Кантимати. Наследник-соправитель Чандагхоша, вследствие чрезмерного увлечения женщинами, отправился на тот свет от царской болезни, а его царица Ачаравати осталась беременной. От нее и родилась эта девица по имени Маникарника. Ачаравати умерла от родов и последовала за супругом. Тогда царь Чандасинха позвал меня и отдал тайный приказ: „Риддхимати! Эта девица носит на теле все признаки счастья, и я хочу, воспитав ее достойным образом, отдать ее царевичу Дарпасаре, сыну повелителя Малава. После случая с Кантимати я боюсь выставлять девушку напоказ. А потому она должна быть воспитана тобою в этом огромном подземном покое, сооруженном на случай опасности со стороны врагов, в искусственно сооруженной горе снабженной гротами и залами для представлений. При чем тебе в распоряжение будет предоставлена большая свита. Все необходимое имеется здесь в неистощимых запасах хоть на сто лет“. Сказав это, он открыл широкую под'емную дверь в этот покой. И вот прошло уже двенадцать лет с тех пор, как мы здесь обитаем. Эта девочка уже превратилась в девушку, а царь о нас и не вспоминает. Правда, твой дед предназначал ее Дарпасаре, но, когда она находилась еще в утробе матери, твоя мать Кантимати выиграла ее для тебя, побившись об заклад. Теперь, царевич, решай сам, как надлежит поступить“. Я отвечал: „Сейчас, закончив одно дело в царском дворце, я вернусь к вам и тогда устрою все, как надо“. Пройдя через этот освещенный светильниками подземный ход, в полночь я открыл под'емную дверь, проник в царскую опочивальню, захватил живьем беспечно спавшего Синхагхошу и, словно Гаруда змею, протащил его, извивавшегося, тем же путем через отверстие в стене и привел к этим женщинам, а потом, приведя к себе домой, показал наедине его своим родителям, со скованными железом ногами, с опущенным и испачканным лицом и раскрасневшимися от крупных слез глазами, и рассказал всю историю о подземельи. Мои родители очень обрадовались, увидав в оковах этого столь низко мыслящего человека, и посадили его в тюрьму, а меня уполномочили совершить обряд законного брака с этой царевной. Царство, оставшись

без главы, перешло в наши руки. Но из боязни народного возмущения Синхагхоша не был выпущен на волю, хотя моя мать и хотела его освободить.

При таких обстоятельствах мы узнали, что Синхаварман, повелитель Анга, преданный твоим стопам, государь, исполнил свой долг. И поспешили к нему, застигнутому врагами. И я был осчастливлен прахом твоих лотосоподобных ног. Пусть же теперь этот неблагородный Синхагхоша поклонится твоим стопам, очищающим от всяких преступлений". При этих словах Артхапала поклонился, простерши руки, а царевич Раджавахана произнес: „Много отваги проявил ты, много мудрости выказал. Твой тесть, освобожденный от оков, может лицезреть меня". Затем, взглянув на Прамати и приветливо улыбаясь, он повелел ему: „Теперь ты расскажи свои приключения".

ПРИМЕЧАНИЯ

76) *Манибхадра* — брат бога богатств Куверы.

77) *Агастья* — один из „патриархов" индийской мифологии. Однажды, по просьбе богов, он выпил весь океан, чтобы обнаружить скрывшихся на дне его демонов, а потом естественным способом „отлил" его из себя. Его супруга Лопамудра, созданная им же самим, тоже почиталась, как святая.

АВАНТЮРА ПЯТАЯ

Похождения Прамати

Он поклонился и начал повествовать: „Государь! Блуждая по разным странам в поисках за тобою, однажды под сенью высокого величественного дерева, выросшего на склоне Виндхийских гор, когда заходящее солнце уже увенчало главу красавицы — Горы Заката, словно венком из юных красных побегов, я, выполоскав себе рот водою из пруда и совершив вечернюю молитву, когда мрак уже сравнял вершины и низины и я уже не был в силах итти дальше, приготовил себе на земле ложе из молодых ветвей и, собравшись улечься спать, произнес, прикоснувшись к голове сложенными руками: „Божество, обитающее в этом царственном дереве, да будет мне защитой и покровом, мне, одиноко спящему в этом дремучем лесу, столь страшном, ибо в нем блуждают полчища нечистых сил, а его густая и глубокая чаща как будто еще больше сгущается от потока темной, как шея Шивы, тьмы". И, положив под голову левую руку, я уснул (78). Через мгновение мои члены испытали блаженство недоступного на земле прикосновения. Мои чувства освежились, душа ощутила влечение, а волосики на теле вз'ершились и правая рука задрожала (79). „Что это значит?" — подумал я. И, тихо - тихо раскрыв глаза, увидел над собою шатер из светлого шелка, походивший как бы на кусок ткани из лунных лучей. Обратив свой взор на небо, я увидел близ стенки группу женщин, преспокойно спавших, улегшись на роскошных покрывалах. Обратив взоры направо, я узрел некую юную деву: с ее груди соскользнула ткань, она лежала на ложе белевшем, как пена нектара, напоминая землю, висящую на клыках исконного вепря и неподвижную от страха, а ее верхняя одежда, соскользнувшая с плеч, напоминала молочный океан. Ее дыханьем, как бы заставлявшим дрожать ее лучистые, пунцовые, подобные молодым почкам губы и приносившим

благоухание ее лица - лотоса, как бы оживлялся сам бог любви, испепеленный огненным взором до последней искры, но разгоравшийся теперь пламенем из пепла. Ее лицо со своими закрывшимися голубыми лотосами - глазами походило на уснувшую водяную лилию, внутри которой уснули пчелы. Или она походила на драгоценную лиану, сорванную с волшебного дерева слоном Айравата в бешенстве и брошенную среди небесной рощи Нандана. Я подумал: „Куда девался дремучий лес? Откуда появился этот чертог, доходящий до неба, сей скорлупы мирового яйца, высокий, как древко копья на зубцах дворца бога, имеющего своей эмблемой копье? Где мое ложе из ветвей, постланное на земле? Откуда это ложе из лебяжьего пуха и тонкой ткани, искрящееся и переливающееся, как лучи месяца? Что это за сонм беззаботно спящих красавиц, словно сонм Апсарас, упавших с качелей, висящих на лунных лучах, и словно оглушенных падением? И кто эта богоподобная, лотосорукая, лежащая на ложе с верхним покрывалом из тончайшей ткани, такой же белоснежной, как диск осеннего месяца? Но это не богиня: она вздрагивает, как цветок лотоса, тихо - тихо ласкаемый лучами месяца. Поверхность ее щеки, окрашенная брызгами сока раздавленных на ложе стеблей, со струйками выступившего пота напоминает созревающий, но еще белеющий плод манго. На округлостях ее грудей, охваченных сильным пламенем пожара юной страсти, растворяются краски притираний, а ее одежда, как и подобает при употреблении ее, обнаруживает на себе пыль. Значит, это земная женщина. По счастью, еще никто не вкушал ее юности, оставив другим лишь остатки. Ибо все ее члены хотя и очень нежны, но плотны. Цвет ее кожи хоть и блестит слегка, но все же несколько бледен. Еще не испытав укусов от зубов, не потускнела краска на лице, а нижняя губа походит на коралл. Не слишком полны, только красноваты, как бутоны чампака, ее плотные щеки; свободная от страха перед ударом стрелы бога любви, она спит беззаботно сладко. А кончики ее грудей еще не были использованы для беспощадного сдавливания. Мое чувство, еще никогда не переступавшее границ дозволенного, ощущает влечение к ней. Если я обниму ее, согласно своему влечению, она, конечно, закричит от испуга и проснется. Но я не

смогу и лежать, если не обниму ее. Будь что будет! Попытаю счастья". С этими словами я прикоснулся к ней, охваченный страстью и страхом, притворившись спящим.

Она начала медленно двигать своими прекрасными членами, при чем на ее левой вздрагивавшей стороне, испытывавшей удовольствие, волосики вз'ершились, затем слегка моргнула глазами с дрожащими кончиками ресниц и медлительными, неподвижными зрачками, с несравненно прекрасными углышками, покрасневшими от преждевременного пробуждения. Чудодейственный бог любви побуждал ее проявить различные стадии стыдливости, куда привходили: испуг, изумление, радость, страсть, боязнь, вожделение и смущение. Она же, едва сдержав крик, уже собиравшийся разбудить свиту, сдержала и свое сердце, охваченное порывом любви, и члены, на которых выступили капельки пота от изнурительной истомы. И, взглянув на мои члены, своими сладостно утомленными и тихо двигавшимися вожделеющими глазами, она продолжала лежать на том же ложе, хоть и приподняв слегка верхнюю часть тела. Хотя мои чувства и были охвачены страстью, но мною овладел сон. Затем я снова проснулся, ощутив в теле боль от прикосновения к чему-то неприятному. Когда я пробудился, то вновь оказались предо мною и тот же дремучий лес, и то же подножье дерева, и то же ложе из ветвей. Звездная ночь миновала. Я спрашивал себя мысленно: „Был ли это сон или навождение? Божественный или демонический призрак? Будь что будет, а я не встану с этого ложа на земле, пока не разузнаю все по правде. Хоть всю жизнь пролежу близ обитающей здесь богини". Так утвердился я в своем решении. Тогда предстала некая женщина со станом истомленным, словно стебель лотоса опоясанный солнечными лучами, в изношенной верхней одежде, при чем из непокрытых лаком, но покрытых иссохшей краской уст ее, утративших свой блеск, она как бы извергала пламя разлуки, словно почернев от темного дыма. Ее глаза были кроваво-красные, словно после беспрерывного потока пролитых слез в них осталась лишь кровь; ее единственная коса, в которую были заплетены ее пышные волосы, казалась теми путами, которыми опутывают благородное поведение. Она шествовала с темными запястьями на руках, словно стяг верных супругу

супруг. И хотя была очень худа, но благодаря ее божественному обаянию было невозможно не оценить ее красоту. Я бросился к ее ногам, но она приподняла меня своими дрожащими от радости лианами - руками, обняла, как сына, поцеловала в голову, как бы источая свою нежность в виде молока из грудей, и заговорила голосом, прерывавшимся от прохладных слез радости, запинаясь от любви: „Дитя мое! Если тебе рассказала Васумати, главная супруга царя Магадха, о том, как дочь Манибхадры вручила ей мальчика Артхапалу, рассказав ей всю историю про тебя, про мужа, сына и своих подруг, сообщенную ей Куверой, и затем исчезнув, то знай: это была я — твоя мать (80). Когда я с душою, омраченной беспричинным гневом, покинула твоего отца Камапалу, сына Дхармапалы и младшего брата Сумитры, тогда мне, терзаемой раскаянием, предстал во сне некто подобный Ракшасу и проклял меня: „Я проживу целый год в тебе, гневливой, для усиления горести разлуки". Я тотчас проснулась, одержимая им. Этот год протянулся, словно тысяча лет. Прошлую ночь, когда я отправилась в путь к Шравасти (81) на празднество трехокого владыки богов Шивы, дабы, повидавшись там с собравшимися отовсюду родными и очистившись от проклятия, снова вернуться к супругу, ты пришел сюда и лег спать со словами: „Божество, обитающее в этом царственном дереве, да будет мне защитой и покровом". Подавленная проклятием, я тогда не признала тебя, как следует, но, сообразив, что было бы нехорошо уйти, оставив в дремучем, наполненном ужасами лесу одинокого, ищущего защиты, взяла с собою тебя, погруженного в сон. Уже приближаясь к храму Шивы я начала раздумывать: „Как я смогу вместе с этим юношей проникнуть в собрание?" Но, увидав случайно Навамалику, дочь повелителя Шравасти, законно носящего имя Блюстителя закона, Дхармавардхана, возлежавшую на плоской крыше гарема, приятной в жаркое время, и уснувшую на широком мягком ложе, я подумала: „Как хорошо, что она спит и ее свита погружена в глубокий сон! Пусть здесь временно поспит и молодой брахман, пока я не вернусь, исполнив все, что надлежит". Я уложила тебя там и отправилась в храм. Затем я полюбовалась пышным празднеством, вкусила счастье свидания с близкими, преклонилась

перед владыкой трех миров, удрученная тоскою вследствие раскаяния в своем поступке; но, когда я почтительно преклонялась перед дивной матерью, супругой Шивы, чье сердце благоволит ко мне в силу моей преданности, богиня, дочь горного владыки, милостиво улыбаясь, сказала мне: „Хорошая моя, не бойся! Будь теперь спутницей своего супруга, твое проклятье миновало". И я тотчас вернулась в прежнее состояние, возвратилась назад и, увидав тебя, сообразила: „Так это мое дитя Прамати, друг и радость моего сына Артхапалы! А я, злая, по неведению проявила к нему равнодушие. Теперь же его чувства устремились к этой деве, а она полюбила этого юношу. Оба притворяются спящими и из стыдливости и робости не открываются друг другу. Но я должна уйти. Эта дева, вкусив от лобзания Камы, ничего не сказала ни подругам, ни свите, чтобы не выдать тайну. Покамест я возьму юношу с собой, а затем он сам при случае доведет должным образом дело до конца". И, усыпив тебя своею властью, я отнесла тебя обратно на лиственное ложе. Вот как все произошло. Теперь же я снова припаду к стопам твоего родителя". При этих словах она несколько раз обняла меня, склонившегося перед нею с простертыми руками, поласкала голову, поцеловала в щеки и удалилась, обуреваемая любовью. Я же, пораженный стрелою бога любви, направился в Шравасти.

По пути в одном большом торговом посаде я услышал громкий крик тамошних жителей во время петушиного боя (82). Присутствуя при нем, я усмехнулся. Сидевший близ меня брахман, старый кутила, спросил меня потихоньку о причине усмешки. Я сказал: „Как могут люди, находящиеся в западной партии, необдуманно выпускать петуха Красный-Гребешок из журавлиной породы против петуха кокосовой породы, превосходящего его размерами и силой, выставленного восточной партией?" Он же, зная толк, сказал: „Какое тебе дело до этих прирожденных дураков? Сиди и молчи!" И, вынув из коробочки бетель с камфорой, угостил меня, рассказывая интересные истории, и немного обождал. Оба петуха дрались неистово, при чем каждый раз соответствующая партия разражалась львиным ревом. И петух западной партии остался побежденным. Этот кутила-брахман, обрадованный победой петуха своей партии, подружился

со мною, несмотря на различие возраста и, угостив меня в тот же день в своем доме омовением, едой и проч., проводил меня на другой же день по направлению к Шравасти. Потом повернул обратно домой, распростившись, как с другом, и сказал: „Вспомни обо мне, если тебе будет в этом надобность“. Прийдя в Шравасти, утомленный дорогой, я улегся спать в загородном парке, в беседке из лиан. Разбуженный криками фламинго, я встал и увидал быстро приближавшуюся ко мне молодую женщину со звенящими на ногах браслетами. Она же, подойдя ко мне и посматривая поочередно то на меня, то на мужчину, изображенного на портрете, бывшем у нее в руке, простояла некоторое время, сомневаясь, изумляясь и радуясь. Когда я увидел на этом портрете свое изображение, то сообразил, что ее взгляды и жесты не случайны, и сказал ей: „Неправда ли эта чудная местность, покрытая дивными садами, составляет источник наслаждения для всех? Зачем ты утомляешь себя долгим стоянием? Садись“. Улыбаясь, она отвечала: „Ты милостив ко мне“. И уселась.

Тогда между нами зашла беседа о новейших местных событиях и, разговорившись, она сказала: „Ты здесь чужестранец. Видно, что все твое тело утомлено дорогой. Если тебе не неприятно, то окажи мне милость, отдохнув у меня в доме“. Я воскликнул: „Ах, ты глупенькая! какая ж тут неприятность, напротив, это приятность“. И, последовав за нею, пришел к ней в дом, где меня по-царски угостили омовением, едой и проч., а когда я покойно уселся, она спросила меня по секрету: „Достопочтенный! Странствуя по разным странам, не видал ли ты чего-нибудь чудесного? Я тотчас же сообразил: „Это подает большие надежды: ведь эта девица, конечно, подруга той царевны, которую я видел окруженною сонмом ее свиты. На этой картине имеется также изображение террасы на крыше дворца с раскинутым на ней белым шатром, а также стоящее там широкое ложе, белое, как куча осенних облаков, и на нем лежит мой двойник с закрытыми во сне глазами. Очевидно, царевна была доведена Камой до такого состояния, что, терзаемая невыносимым любовным жаром и как бы обезумев, она, нарисовав эту картину, дала подходящий ответ своим подругам, настойчиво расспрашивавшим ее о причине

такой перемены. Эта дева расспрашивает меня вследствие сомнения в тождественности образа. Но я рассею сомнения, изобразив все, что испытал“. Так порешив, я начал: „Милая моя, дай мне картину“. Она вручила ее мне. Я взял ее и нарисовал там свою возлюбленную, притворившуюся спящей и не владевшую собой от прорывавшейся любовной страсти, и начал так болтать: „Точь в точь такую же девицу, лежащую возле такого же мужчины, я видел, заснув в дремучем лесу. Конечно, это только сон“. Когда же она, обрадовавшись, начала меня подробно расспрашивать, я рассказал ей всю историю; а она сообщила мне все переживания, вызванные мною в ее подруге. Услыхав это, я отвечал: „Если твоя подруга хочет осчастливить меня, пусть обождет несколько дней. Придумав какое-нибудь средство, чтобы жить безопасно в гареме, я возвращусь сюда“. Кое-как склонив ее к согласию, я опять пошел в этот посад и пришел к старому кутиле. Он поспешно предложил мне отдохнуть, угостил омовением, едою и проч., а потом наедине спросил: „Благородный! По какой причине ты возвратился так скоро?“ Я отвечал: „Твой вопрос уместен, о благородный! Слушай. Есть город, именуемый Шравасти. Его царь Дхармавардхана, словно второй сын Дхармы-закона, и его дочь Навамалика своей красотой может устыдить богиню красоты, составляя как бы жизнь самого бога любви и своей нежностью превосходя жасмин-малику. Я случайно увидал ее, и она гирляндами своих косых взоров поразила меня в уязвимом месте, словно стрелою бога любви. Вынуть острие этих стрел не может никакой врач, будь то сам Дханвантари, кроме тебя одного. Вот с какою мыслью я вернулся сюда. Соблаговоли применить такое средство. Переменив свое платье на женское, я назовусь твоей дочерью; захватив меня, ты войдешь в тронный зал к царю Дхармавардхане и скажешь: „Это — моя единственная дочь, мать ее умерла тотчас же после родов. Я вырастил ее, заменив ей мать и отца. Один юный брахман из родственной нам семьи отправился в город Аванти-Удджаини, дабы приобрести там знания, как достойный выкуп за нее. Она обещана ему и не может быть отдана другому. Теперь она созрела, а он задерживается. Я приведу его, отдам ему руку дочери и, переложив на него свое бремя, сделаюсь

странствующим отшельником. А так как трудно уберечь дочерей, вышедших из детства, особливо же не имеющих матери, то я прибегаю к тебе, государь, как к отцу и матери и прибежищу несчастных. Если государь, стоящий впереди всех царей, считает достойным милости меня, старого брахмана, беспомощного и чужого здесь, то пусть дочь моя пробудет здесь под сенью твоей мощной длани, доколе я не доставлю сюда ее жениха". После такой речи он несомненно разрешит мне жить близ его дочери. Ты же, удалившись, в следующем месяце Пхальгуна (83), когда месяц будет стоять в созвездии Уттара - Пхальгуни, во время праздничной процессии царского гарема к месту священных омовений, в восточном направлении от места купания, неподалеку от храма бога войны, находящегося среди тростниковых зарослей, будешь ожидать меня, держа в руках пару светлых одежд. Я же, насладившись столько времени в полной безопасности с царевной, буду затем забавляться на этом празднике в водах Ганги и в то время, как все женщины будут предаваться своим забавам, нырну, проплыву и вынырну только близ тебя. Затем облекшись в обе принесенные тобой одежды, сбросив женское платье и сделавшись якобы твоим зятем, последую за тобой. Царевна же, поискав меня там и сям и не найдя, скажет: „Без нее я не буду забавляться" и с плачем вернется в гарем.

Когда же вледствие всего этого поднимется большая суматоха, челядь начнет кричать, подруги плакать, горожане горевать, а царь с министрами будут в смущении недоумевать, что делать, ты представишь меня, явившись в тронный зал и скажешь: „Государь, вот это мой зять, достойный милости от твоей царской длани. Он начитан в четырех священных писаниях Вед, усвоил шесть вспомогательных наук, очень силен в логике и искусен в практическом применении традиционных учений о шестидесяти четырех искусствах, особенно осведомлен в науке о слонах, конях и колесницах, неподражаем в умении владеть луком, метать копье и сражаться палицей, знает в совершенстве былины - Пураны и легенды - Итихасы, сочиняет поэмы, драмы и романы, знаток учебников, трактующих о практической морали—польза, закон и удовольствие — вместе с сокровенными Упанишадами, не завидует чужим преимуществам, полон

доверия к друзьям, доблестный щедрый, с отличной памятью и чуждый гордости. Я нахожу в нем все добрые свойства и ни одного дурного. Такой родственник, конечно, недостижим для нашего брата брахмана. Все же, вручив ему свою дочь, я вступлю в последную приличествующую старику стадию жизни, если государь это разрешит“.

Услыхав это, царь побледнеет в лице и в большом смущении начнет вместе с министрами поучать тебя насчет превратности судьбы и т. п., чтобы успокоить тебя. Ты же, не слушая их, должен рыдать во-всю и со слезами в горле, набрать поленьев, зажечь огонь и делать вид, будто бы ты собираешься взойти на костер у ворот царского дворца. Тогда царь с министрами, бросившись к твоим ногам, предложит тебе богатые сокровища, а мне свою дочь и, пленившись моими доблестями, отдаст мне и все царство. Вот какое средство надо применить, если это тебе угодно“.

Хитрый мастер среди всех пройдох, этот Панчалашярман, проделавший и раньше много хитроумных штук, приступил к делу, как я его научил, и еще перехитрил меня. Все мои планы увенчались полным успехом и я вкусил юную Навамалику, как пчела жасмин-малику с его влажно-свежими цветами. Имея в виду две цели — оказать здесь помощь царю Синхаварману и прибыть к месту свидания с друзьями, я прибыл со всем своим войском в Чампу и здесь, по воле судьбы, вкушаю счастье лицезреть своего государя“.

Выслушав об этих приключениях Прамати, царевич молвил, при чем его глаза от усмешки словно превратились в бутоны: „Все, что ты свершил, большею частью очень забавно, замечательно и в общем мягкосердечно. Таков путь мудрых“. И, взглянув на Митрагупту, он добавил: „Теперь твоя очередь“.

ПРИМЕЧАНИЯ

78) Эта „вечерная молитва“ заставляет вспомнить один из поэтичных гимнов Риг-Веди (X. 146) к богине-лесовичке (*Араньяни* от *аранья* — лес, чаща), отражающий настроение „ночных голосов“, которым внимает заблудившийся путник.

„Краса лесов, краса лесов!
Среди лесов укрылась ты.
К селенью путь не узнаешь?
Тебя не побеждает страх?

Когда на крик сверчка в лесу
Стрекозы громко залились,
Как будто лютни нежный звон,
Прославил здесь красу лесов.

Коровы будто здесь паслись...
И вот виднеется уж дом,
И под вечер краса лесов
Повозки вызывает шум.
И будто здесь коров зовут,
И кто-то дерево срубил,
И кто-то под вечер в лесу
Зовет на помощь, мнится мне.

Не повредит краса лесов,
Никто другой не нападет,
Вкусивши сладких здесь плодов,
Как хочешь, можешь отдохнуть.
Душисто-ароматную,
Кормящую нас без труда,
Для всех детей родную мать,
Красу лесов прославил я.

79) Дрожь и подергивание в правой стороне (нога, рука, глаз) у мужчин, а левой у женщин предвещает счастье, особенно удачу в любви, а в противоположной стороне у каждого — обратное.

80) *Таравали* в первой главе пролога являлась, как мать Артхапалы и жена Камапалы, о которых говорится в четвертой авантюре романа. В прологе Прамати называется сыном министра Сумати. Очевидно, Дандин сам немного запутался в сложном родстве, вычисляемом вдобавок не по одному, а по нескольким воплощениям.

81) *Шравасти* ныне Сахет-Махет к северу от Айодхьи (Удх).

82) Петушиные бои и теперь очень популярны в Индии, особенно на юге и дальше на Малайских островах. Всякий образованный индус должен быть знатоком этого спорта, сопровождаемого азартными пари.

83) *Пхальгуна* соответствует второй половине февраля и первой марта т.-е. марту старого стиля.

АВАНТЮРА ШЕСТАЯ

Похождения Митрагупты

Он начал рассказывать: „Государь! Побуждаемый к странствованию тою же причиной, что и друзья, однажды в стране Сухма я увидел близ города Дамалипта в загородном парке большое праздничное сборище. Там в беседке из лиан я узрел тоскующего юношу, развлекавшегося игрою на вине. Я спросил его: „Милый человек! Что это за праздник? По какому поводу он возник? Почему ты, не обращая внимания на это празднество, уединился, тоскуя наедине с лютней?“ Он ответил: „Друг мой! Повелитель Сухма, по имени Тунгадханван, будучи бездетным, вымолил себе двух детей у ног богини Парвати, обитающей в этом храме и позабывшей о своей горной обители. Она сообщила ему, возлежавшему во сне: „У тебя появится сын и родится дочь. Но он должен будет подчиниться тому, кто женится на ней. Она же, начиная с седьмого года и вплоть до брака, должна ежемесячно, когда месяц находится в созвездии Плеяд, ублажать меня игрою в мяч, дабы стяжать себе доблестного супруга. Кого она пожелает, тому и должна быть отдана. Праздник этот и называется праздником игры в мяч (84). Вскоре после этого любимая царица царя, Медини по имени, родила ему сына. А потом появилась и дочь. И вот сегодня эта царевна, по имени Кандукавати, будет ублажать игрою в мяч богиню, увенчанную месяцем. Ее подруга и молочная сестра Чандрасена была моею возлюбленною. Но в эти дни царевич Бхимадханван начал добиваться ее насильно. Вот почему я, тоскуя, с сердцем, удрученным болью от стрел бога любви, немного утешая себя нежными звуками вины, пребываю в уединении“.

Как раз в этот миг раздался звон ножных запястий и появилась какая-то женщина. При виде ее этот юноша встал и, широко раскрыв глаза, и заключив ее в об’ятия, снова уселся, говоря: „Она — моя вторая жизнь. Разлука с нею

сжигает меня, как огонь. И ныне, когда царевич похитил у меня эту мою жизнь, я словно коченею от смерти. Все же я не могу замыслить против него ничего дурного, памятуя, что он — царевич. А потому я дам ей еще наглядеться на меня, а потом покину эту безысходную жизнь". Она же с заплаканным лицом возразила: „О мой супруг! Не совершай из-за меня насильственного деяния! Ты, рожденный достойным каравановладельцем Артхадасой (слуга выгоды), получив от родителя имя Кошядасы (слуга сокровищ), за свою чрезмерную страсть ко мне был прозван врагами Вешьядаса (слуга гетер). Если теперь ты себя погубишь, а я останусь в живых, то заслужу среди людей прозвище „жестокой гетеры". Поэтому уведи меня скорее в какую хочешь страну".

Он обратился ко мне: „Милый друг! Из виденных тобою царств какое богато, обильно урожаем и населено хорошими людьди?" Я же, слегка посмеиваясь, отвечал: „Милый друг! Обширна эта морем опоясанная земля. Но если я и не в силах изобрести вам средство для благополучного пребывания здесь, то я сделаюсь вашим путеводителем".

В это время снова раздался звон ножных запястий и эта женщина встрепенулась, сказав: „Это пришла царевна Кандукавати, дабы ублажать игрою в мяч богиню, обитающую в Виндхийских горах. Во время этого празднества можно на нее глядеть беспрепятственно. Да заглядятся ваши взоры! Идите и смотрите. Я буду близ нее". Она ушла и мы оба последовали за нею.

Прежде всего я узрел царевну с пунцовыми губами, стоявшую на большой эстраде, украшенной драгоценными камнями. Но, в сущности, она стояла на моем сердце. Ни я, ни кто-либо другой не могли ее увидеть в промежутке. Предавшись изумлению, я подумал: „Быть может, это сама Лакшми? Нет, нет! У той лотос находится в руке, а у этой сама рука лотос. Ее также не вкушали ни праисконный муж, ни древние цари, а ее юность безукоризненна и неприкосновенна".

Пока я так раздумывал, эта безукоризненная во всех своих членах, прикасаясь к полу кончиками рук, подобных юным побегам, с дрожавшими темными кудрявыми волосами, очаровательно преклонившись перед благодатной богиней,

схватила красный мяч, словно Каму с раскрасневшимся от избытка счастья глазом, и играя бросила его слегка об земь. Когда он медленно поднялся вверх, она, ударив его подобною нежному побегу ладонью с изогнутым слегка большим пальцем и вытянутыми нежными пальчиками, подбросила его оборотной стороной руки, как бы остановив на нем свой неподвижный взор, подобный гирлянде летящих пчел, и, подхватив мяч в воздухе, опять пустила его.

Она кидала его в среднем, медленном и быстром темпе, ударяя то легко, то резко, изобразив на миг фигуру „пыльного вихря“. Едва лишь дав ему отдохнуть, она безжалостными ударами снова приводила его в движение, потом для перемены опять давала отдохнуть. Когда он отбивался в сторону, то ударяла его попеременно то левой, то правой рукой и гнала его вверх, как птицу. Когда же он, взлетев высоко, улетал в сторону, она возвращала его назад, напевая по пути. Бросая его по всем направлениям, она снова возвращала его назад.

Так играя многоразлично-пленительным образом, она ежеминутно внимала хвалебным возгласам зрителей, в восторге толпившихся перед эстрадой. Я же с возрастающим волнением, опершись на плечо Кошядасы, со вз'ерошившимися на щеках волосиками и широко раскрытыми глазами, стоял и глядел на нее. Она же устремляла на меня косые взгляды, впервые ощутив проникшую в нее любовь, искривляя свои лианы-брови так, что они вслед за мячом сверкали и плясали; своим порывистым дыханием, колебавшим лучистую сеть ее уст, она, словно молодыми нежными побегами, как бы отгоняла пчел, жадно стремившихся к душистому лотосу ее лица; стыдясь моего взора, когда мяч вращался вокруг нее необычайно быстро, она как бы пряталась в красной цветочной клетке; двигаясь, она как бы стряхивала с себя от страха капли с пяти стрел бога, украшенного пятью стрелами, как бы метавшего их в нее; она как бы изображала своими движениями зигзаги молнии-лианы, содрагаясь от страшного напряжения; движения ее ног шли в такт с бряцаньем украшений; алые губки как бы отливали блеском непреднамеренных улыбок; она снова приводила в порядок копну своих пышных волос, соскользнувших с плеч; драгоценные каменья на ее поясе звенели ударяясь;

пышно окутывала ее одежда, свисавшая с пышных бедер; округлив локоть и слегка согнув вытянутую руку, она ударяла красивый мяч. Потом она пригнула к себе локти; ее распустившиеся волосы развевались, ниспадая до спины, а украшавшие ее ушки золотые листики, соскользнувшие было, она поправила так проворно, что даже не прервала игры. Мяч словно блуждал быстро между ее ногами и воздетыми руками. Она то наклонялась, то выпрямлялась, и ее стройный стан то исчезал, то вновь появлялся: ее жемчужное ожерелье не оставалось на месте, то взлетая вверх, то опускаясь вниз. Веточка, украшавшая ее ухо, своим ветерком как бы осушала узоры, нарисованные душистыми красками на ее щеках, краса которых разрушалась выступавшими капельками пота; ее подобная почке рука была всегда готова удержать покрывало, соскользнувшее с берегов ее грудей и раскрывавшее море ее красоты. То приседая, то подпрыгивая, то открывая, то закрывая глаза, то стоя, то двигаясь, дивно играла царевна. Бросая мяч то наземь, то в воздух, играя одним мячом, она, казалось, играла множеством их, изображая всевозможные виды игры. Позабавившись вместе с Чандрасеной и другими милыми подругами, а в заключение восславив богиню, она вместе с подругами направилась в гарем, сопровождаемая моим полным страсти сердцем, как бы своим спутником, направляя на меня порой взгляд, словно белый лотос из стрелы бога любви; поворачивая постоянно под тем или иным предлогом свое лунноподобное лицо назад, она как бы высматривала, возвратится ли к ней ее сердце, устремившееся ко мне.

Я не владел более собою от любви и, прийдя с Кошядасой в его дом, был тщательно и почтительно угощен омовением, пищей и проч. Вечером прибежала тайком Чандрасена, бросилась к моим ногам и потом встала, когда ее супруг нежно коснулся плечом ее плеча. Радостно воскликнул Кошядаса: „О длииноокая! Я желаю на всю жизнь быть вместилищем твоего благоволения“. Я же усмехаясь спросил: „Друг! Зачем тут желать? Есть такая мазь: натерев ею глаза, она покажется обезьяной приблизившемуся к ней царевичу — он сделается равнодушным к ней и оставит ее в покое“. Она, тоже усмехаясь, возразила мне: „Благородный господин мой оказал мне, своей покорной слуге, чрезвычай-

ную милость: он хочет еще в этой жизни, лишив меня человеческого образа, придать мне обезьяний. Оставим это! Наше намерение можно осуществить и иначе. Как раз сегодня, на празднике игры в мяч, царевна почувствовала влечение к тебе, превзошедшему красотою Каму, и начала испытывать чрезвычайные мучения от разгневанного бога, возбудившего гнев Шивы. Я, хорошо зная толк в душевных состояниях, сообщила об этом своей матери, она — матери царевны, а царица — самому царю. Узнав, в чем дело, царь сам пожелает отдать тебе руку своей дочери, а тогда и царевич будет вынужден подчиниться тебе. Ибо так было предсказано богиней. А раз царство в твоих руках, то и Бхимадханван не сможет пойти против тебя и завладеть мною. Поэтому нужно мне обождать еще три-четыре дня". Откланявшись мне и обняв возлюбленного, она удалилась.

Кое-как мы с Кошядасой провели ночь, беседуя о сказанном и выражая свои сомнения. Под утро, совершив все полагающиеся обряды, я отправился в те места парка, которые мне были так дороги, ибо там я узрел свою возлюбленную. Туда же прибыл и царевич и побыл там недолго, запросто беседуя со мною и выказывая свою милость. Потом он отвел меня в свой чертог и там угостил, точно самого себя, омовением, постелью и проч. чудными вещами. Когда же я, лежа в постели, блаженствовал, обнимая в сновидении образ своей возлюбленной, он велел заковать мне ноги в крепкие железные цепи, в то время как два очень сильных человека держали меня своими толстыми палицеподобными руками. Когда я вдруг проснулся, он набросился на меня: „Ах ты глупец! Болтовню этой проклятой Чандрасены подслушала через оконную щель одна горбунья, приставленная следить за нею. По тебе вожделеет эта негодная Кандукавати, а я должен подчиниться тебе, не смею тебя ослушаться и должен уступить Чандрасену Кошядасе!"

Проговорив все это, он сказал стоявшему близ него мужчине: „Брось его в море!" А тот, обрадовавшись, словно получив царство, и сказав: „Как прикажет государь", исполнил приказанное. Я же, не имея в море никакой опоры, барахтаясь руками туда и сюда, схватил ниспосланое мне судьбою бревно и, прижав его к груди, плавал, пока не миновал вечер и вся ночь. Под утро показался какой-то

корабль, на нем были Яваны. Подобрав меня, они отвели к хозяину корабля по имени Рамешу, сказав: „Мы нашли в воде какого-то человека с закованными в железо ногами. Он один мог бы теперь полить водою хоть тысячу виноградников“. Как раз в эту минуту налетел на нас военный корабль, окруженный несколькими меньшими судами. Яваны страшно перепугались. Тем временем быстрые малые суда окружили наш корабль, точно собаки зверя. Завязалось сражение, Яваны были побеждены. Ободряя их беспомощных и отчаявшихся, я сказал: „Снимите с меня оковы. Я сам сокрушу ваших противников“. Они это исполнили. И я своим метавшим стрелы и страшно трещавшим луком превратил всех врагов в груду искромсанных тел. Затем, спрыгнув, я напал на начальника корабля, у которого были убиты или перебиты все бойцы: его корабль был прицеплен к нашему, все его спутники погибли, и я взял его в плен живьем. Оказалось, что это был Бхимадханван. Опознав его пристыженного, я сказал: „Любезный! Ты узнал теперь шутки судьбы?“ Корабельщики заковали его крепко моею же цепью, а меня почтили громкими криками радости.

Но корабль неудержимо несся, гонимый противным ветром, все дальше и был прибит к одному острову. Желая запастись там пресной водою, дровами, плодами и овощами, мы сошли на берег к гряде высоких и крутых скал. Пред нами показалась высокая гора. Я сказал: „Как пленительны эти горные скалы, как привлекательна эта богатая серою равнина у подножья, как прохладна эта вода горных озер, покрытая душистой росою белых и розовых лотосов, точно глазками павлина, как восхитительна эта полоса лесов, покрытая разноцветными купами цветов!“ Так говорил я, не мог наглядеться досыта, озираясь кругом, взлез незаметно на вершину горы и нашел там озерцо, алевшее от отраженного блеска рубинов на горных уступах и усеянное пыльцей лотосов. Когда я, искупавшись, отведал сладких, как нектар, стеблей лотоса, на меня набросился ужасный на вид брахмаракшас — демон, на плечах которого еще висели белые лотосы — и схватил меня, зарычав: „Кто ты и откуда?“ Я отвечал ему бесстрашно: „Друг мой! Я — дважды рожденный. Из рук врага я попал в море, из моря на корабль к Яванам, с их корабля на эту дивную вершину среди

самоцветных камней. Случайно отдыхал я близ этого озера. Благо тебе!“ Он сказал: „Если ты мне не дашь ответа на три вопроса, я тебя с'ем“. Я сказал: „Задавай вопросы. Пусть будет так“. И мы перекинулись такими стихами:

Где злоба?—„В нежном сердце“.

Что на радость мужу?—„Добрая жена“.

Что есть любовь?—„Решимость“.

Чем преграды одолеть?—„Умом“.

„А подтверждением этому служат Дхумини, Гомини, Нимбавати и Нитамбавати“. Вняв моему поучению, ракшас спросил: „Кто это такие?“

И я начал рассказывать: „Есть страна, называемая Тригарта (85). Там жили-были три домохозяина, счастливые и зажиточные, родные братья, по имени Дханака, Дхааньяка и Дханьяка. При их жизни тысячеокий Индра в течение двенадцати лет не посылал дождя. Урожаи совсем прекратились, растения стали бесплодными, деревья не давали плодов, облака, точно евнухи, не оплодотворяли, иссякли речные потоки, в прудах остался лишь ил, ручьи больше не бежали, корнеплоды и ягоды стали очень редки, прекратились беседы, исчезли прекрасные веселые празднества, участилось воровство, люди пожирали друг друга, человеческие черепа, белые как аисты, валялись повсюду, бродили стаи иссохших ворон, опустели города, селенья, посады, деревушки и проч. Эти три домохозяина, с'ев постепенно все запасы серн, коз, овец, буйволов, весь рогатый скот, рабов, рабынь, детей, жену старшего и среднего братьев поочереди, решили, что на следующий день должна быть с'едена жена младшего брата, Дхумини. Тогда меньшой брат Дханьяка, не будучи способен с'есть свою жену, убежал вместе с нею в ту же ночь.

Неся на руках жену, истомленную дорогой, он вошел в лес. Утоляя ее голод и жажду своим собственным мясом и кровью, он носил ее и увидел как-то мужчину с отрезанными руками, ногами и носом, валявшегося на земле. Из жалости он поднял его на плечо и долго жил в лесу, в местности, богатой корнеплодами и дичью, соорудив с трудом хижину из листвы. Залечив ему раны растительным маслом и проч., он кормил его мясом и овощами, как самого себя.

Так как у калеки при хорошем питании все физические отправления были нормальны, то однажды, когда Дханьяка отправился на охоту, Дхумини приступила к нему вожделея. Хоть он и бранил ее, все же она заставила калеку насладиться с нею. Когда муж, возвратившись, стал требовать воды, она ответила: „Набери себе из колодца и напейся. У меня голова так болит, что может лопнуть“. И бросила ему ведро с веревкой. Когда же он тащил воду из колодца, она подошла сзади и столкнула его вниз. Взяв калеку себе на плечи и странствуя с места на место, она стяжала себе славу верной жены и большой почет. А по милости царя в Аванти обзавелась там домом и достатком.

Когда же Дхумини увидела раз среди авантийцев своего супруга, вытащенного из колодца караванщиком, пожелавшим набрать оттуда воды, бродившего прося милостыню, она указала на него царю: „Это, мол, тот злодей, который искалечил моего мужа“. И царь осудил этого хорошего человека на жестокую казнь.

Когда же Дханьяку со связанными за спиной руками привели на место казни, но срок его жизни еще не истек, он сказал спокойно чиновнику: „Если тот нищий, которого я будто бы искалечил, подтвердит мое злодеяние, то мое наказание справедливо“. „Что за беда в этом“ ответил тот. Дханьяка был приведен и показан калеке, а тот благородный, проливая слезы, пал к его ногам и рассказал о благодеяниях этого добродетельного и злодеяниях той порочной. Разгневанный царь приказал изуродовать лицо этой злодейки и сделал ее кухаркой для собак, а Дханьяку осыпал милостями. Посему я и говорю: „Злоба — в нежном сердце“.

На второй вопрос я рассказал историю про Гомини. „В стране Дравидов есть город по имени Каньчи (86). Там жил купеческий сын, богатый многими миллионами, по имени Шяктикумара. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он начал раздумывать так: „Для неженатых и для неимеющих хорошую жену нет счастья. Поэтому как бы мне найти себе добрую жену“. И вот, не полагаясь на счастье с женщинами, которых берут, доверившись другим людям, он сам, якобы сделавшись предсказателем и зашив в одежду пучек необмолоченных рисовых колосьев, пустился странствовать по земле. „Он знает все приметы“, говорили о нем все, а име-

вшие дочерей показывали их ему. Когда он видел девушку из своей касты, отмеченную всеми приметами, то говорил ей: „Милая! Не можешь ли ты приготовить мне хорошее кушанье из этого пучка рису?“ Со смехом отвергаемый всюду, он бродил, переходя из дома в дом.

Однажды в стране Шиби на правом берегу реки Кавери в каком-то городе он познакомился через ее кормилицу с одной скромно одетой девушкой, все богатсто которой погибло вместе с ее родителями, а прекрасный дом был разорен. Пристально вглядевшись в нее, он начал думать так: „Все части тела этой девицы не слишком толсты и не слишком тонки, не слишком коротки и не слишком длинны, нормальны и чисты. Обе руки с красными кончиками пальцев отмечены разными счастливыми линиями, изображающими ячменный колос, рыбу, лотос, горшок и т. п.; ее ступни с гладкими щиколотками мясисты и не слишком жилисты; ее бедра хорошо закруглены; ее колена едва заметны, как бы охваченные полными ляшками; ее ягодицы точно сразу выточены и закруглены, как колесо; тонок и слегка опущен, но глубок кружок ее пупка; живот украшен тремя складками; обе груди, заполняющие весь ее стан, с выдающимися сосочками, щеголяют своим широким основанием; ее обе руки-лианы отмечены в верхней части линиями, предвещающими изобилие золота, зерна и сыновей; снабжены они нежными, слегка вздернутыми подобными драгоценным камням ногтями, прямыми и правильно закругленными пальцами, прикреплены к пышно округленным плечам, очень нежны, с углублением в запястьи; ее шея тонка, кругла и прелестна, как раковина; ее губы округлены в середине и достаточно красны; ее прелестный подбородок не стянут, а щеки крепки и полны; изогнутые черные и гладкие лианы-брови не срослись; ее нос подобен не слишком пышно распустившемуся цветку горчицы; во всех своих трех частях, черные, белые и красные, бегают ее медлительные и удлиненные глаза; ее чело прекрасно, как кусок месяца; ее привлекательные кудри смуглы, как сапфиры; ее прелестные ушки свисают очаровательно на ее голове, словно два свернувшихся увядших лотоса; таков ее лотосоподобный лик. Не слишком волнисты, пышны, даже на кончиках не краснеют, длинны и равномерно черны ее волосы, каждый

в отдельности и все вместе. Женщина с такой наружностью ни в чем не погрешит. Итак мое сердце уже отдано ей. Испытав ее, я женюсь на ней. Ибо на поступающаго неосмотрительно обрушиваются одно за другим ощущения раскаяния".

Ласково поглядев на нее, он сказал: „Милая! Не обладаеш ли ты умением приготовить мне полный обед из этого пучка рисовых колосьев?" При этих словах она бросила многозначительный взгляд на свою старою служанку и, приняв пучок риса из его рук, усадила его на чисто убранном и вымытом местечке веранды, омыв ему ноги. Подсушив умеренно на солнце рис и переворачивая его постепенно на ровном полу, она затем осторожно покатала его качалкой, отделила зерна от шелухи и сказала кормилице: „Мать моя! Эта шелуха нужна золотых дел мастерам, чтобы чистить драгоценности. Продай ее им, а на вырученные деньги купи крепких, не слишком сырых и не слишком сухих дров, небольшой горшок и два плоских глиняных блюда. Когда та исполнила это, девушка истолкла эти рисовые зерна в ступке из дерева Какубха с не слишком глубокой, широкой и плоской впадиной при помощи длинного и тяжелого пестика из дерева Кхадира, снабженного на кончике тонким железным колечком, равномерного и тонкого в середине; при этом ее руки двигались ловко и миловидно вверх и вниз, когда она часто перебирала и выбирала зерна, потом она счистила остья с зерен, вымыла рис и бросила его в кипящую воду, количеством превышавшую зерно в пять раз, предварительно сделав приношение печке. Когда же рисовые зерна, уже очень размягчившись, начали закипать и могли уже слишком развариться, они убавила огонь и, прикрыв горшок крышкой, дала сбежать накипи. Помешав ложкой и слегка взболтав, она поставила горшок, слегка наклонив отверстие, так как рисовые зерна уже сварились равномерно. Затем она полила водой дрова, твердые части которых сохранились, затушила огонь, превратив их в уголья, и послала служанку продать их тем, кому они нужны, сказав: „На вырученные деньги купи овощей, масла, кислого молока, оливкового масла и тамариндовых плодов, сколько сможешь". Когда служанка все это исполнила, она приготовила еще двух сортов закуску, остудила рис, поставив его в одном из глиняных блюд на

сырой песок и, осторожно обвеяв его веером, присолила его и придала аромат тем, что сожгла на угольях благовония, приготовила плоды, тонко измельчив их, и через свою кормилицу предложила Шяктикумаре искупаться. Та сначала вымылась сама, затем умастила ему волосы, а тогда и он выкупался сам. Искупавшись и усевшись на скамейке посреди вымытой и вычищенной площадки, он придвинул к себе оба плоских глиняных блюда, поставленных на бледнозеленый лист банана, вырезанный узором. Сначала она подала вареный рис. Напившись, он весело сидел, отдохнув от утомления в пути и освежившись во всем теле. Потом она подала ему две ложки рисового отвара, прибавив немного растительного масла, юшки и приправы. А потом угостила кушаньем из риса, прибавив в него кислого молока, подсыпав три специи (корица, кордамон и мускатный орех) и добавив свежего душистого масла. Затем он насытился свежей зеленью, а потом попросил напиться. Тогда она налила в новую кружку свежей воды, надушенной бегонией и ароматом лотоса, обвивавшего кружку, наливая ее через тростинку. И он пил, приставив ко рту блюдечко, полными глотками прозрачную воду, а его ресницы высоко подымались над холодными, как снег, каплями, напоминая утреннюю зарю; слух его услаждался звуком падающей струи, щеки покрывались от наслаждения вз'ершившимися волосиками, ноздри расширялись от потока благоухания и широко раскрывались, а его вкус услаждался необычайной сладостью. Кивком головы он дал девушке знак остановиться; тогда она подала ему в другой кружке воду для полосканья рта.

Старухе было приказано убрать остатки, прибрать и посыпать свежим коровьим пометом площадку; тогда он подостлал свой плащ и немного соснул. Затем с радостью, по обряду, посватался и женился на этой девушке. Взяв ее в жены, он не обращал на нее внимания, взял к себе в дом еще и сестру. Но та обращалась с ней, как с милой подругой, а мужу служила, как божеству, неукоснительно занималась домашним хозяйством и своей образцовой приветливостью расположила к себе всю челядь. Покоренный ее добродетелями, супруг поручил и подчинил ей весь дом и, отдавшись ей душой и телом, наслаждался, соблюдая одновременно

все три основы морали: закон, пользу и удовольствие. А потому я и говорю: „На радость мужу — добрая жена“.

На третий вопрос я рассказал историю о Нимбавати. „Есть в стране Саураштра (87) город, называемый Валабхй. Там у одного судовладельца, богатого, как владыка якшей, именовавшегося Грхагупта, была дочь по имени Ратнавати. На ней женился прибывший из города Мадхумати сын одного карвановладельца, по имени Балабхадра. Но, получив наедине отпор от молодой жены и стремясь страстно к любовному соединению, он вдруг ощутил к ней немалую ненависть и больше не захотел на нее и глядеть. Не обращая внимания на сотни речей своих родственников, он из стыда избегал даже ее дом. И свои, и чужие оскорбляли ее, злополучную, говоря: „Это не Ратнавати — богатая сокровищами, а Нимбавати - богатая горечью плодов Нимба“.

Через некоторое время, раскаявшись и раздумывая, что предпринять, она отправилась к старой буздистской монахине, заменявшей ей мать, и поднесла ей цветы, оставшиеся после приношения богам. С глазу на глаз с нею она жалобно зарыдала. Старуха со слезами всячески пыталась ее утешить, потом спросила о причине огорчения; хоть и стыдясь, но в виду важности дела она кое - как проговорила: „Мать моя! Что мне сказать? Быть нелюбимой мужем значит для женщины умереть заживо, особенно для благородной. Я являюсь тому примером. Вся родня, с матерью во главе, смотрит на меня с презрением. Сделай так, чтобы муж ко мне благоволил. Иначе я сегодня же расстанусь с бесцельной жизнью и до самой смерти никто не узнает моей тайны“. С этими словами она упала к ногам старухи. Та подняла ее и сказала со слезами: „Дочь моя! Не решайся на насильственное действие. Я здесь, чтобы помочь тебе советом. Пока я могу быть полезной тебе, я не послужу никому другому. Если ты испытываешь отвращение к этому миру, то предайся подвижничеству с моей помощью, дабы стяжать благо в другом мире. Ведь это последствие прегрешений в прежнем воплощении, что ты, обладающая такою красотою, характером, родовитостью, вдруг нежданно сделалась ненавистной мужу. Если есть какое - нибудь средство исправить враждебность твоего супруга, укажи его мне: у тебя ведь очень острый ум“.

Она же, потупив голову и призадумавшись на некоторое время, долго и тяжко вздыхая, заговорила: „Преподобная! Супруг — единственное божество для жены, особенно для благородной, а потому нужно изобрести какое-нибудь средство, дабы я могла проявить ему свою покорность. Есть у нас сосед, купец, превосходящий всех сограждан родовитостью, богатством и близостью к царскому двору. Его дочь по имени Канакавати, совсем похожая на меня лицом и наружностью, моя любимая подруга. С нею вместе, принарядившись вдвое больше, чем она, я буду разгуливать на плоской крыше ее дома. Ты же должна как-нибудь заманить его к дому, рассказывая, как ее мать будто бы жалостно зовет его. Когда вы будете близко от нас, я, словно увлеченная игрою, уроню мяч. Ты возьмешь его и отдашь ему, сказав: „Сын мой! Вот подруга твоей жены, дочь Нидхипатидатты, первейшего среди всех купцов, по имени Канакавати. Из за Ратнавати она очень порицает тебя, как неустойчивого и безжалостного. Поэтому ты должен возвратить ей мяч, как неприятельский дар“. После таких слов он, конечно, подымет голову и, приняв меня за эту милую подругу, подстрекаемый тобою и почувствовав вожделение, возвратит мяч мне, просящей с простертыми руками. Ты должна использовать это, как брешь в крепости, и, разжигая в нем страсть, довести его до того, чтобы он назначил мне свидание и, похитив меня, отправился в другую страну“.

Отшельница с радостью проделала все это. Обманутый ею Балабхадра, вполне убежденный, что это Канакавати, захватив с нею все драгоценности, вещи и украшения, ночью в густом мраке уехал с нею. Отшельница же распространила такой слух: „Балабхадра рассказал мне давеча следующее: „Я, глупый, беспричинно пренебрегал своей женою Ратнавати, оскорбил ее родителей и разошелся с друзьями; а потому стыжусь теперь жить здесь вместе с нею“. Поэтому он ее похитил и все это вскоре обнаружится“. Услыхав это, они ослабили свое усердие в розыске ее. Ратнавати же, захватив с собою в дорогу одну прислужницу, чтобы она несла провизию и все пожитки, вместе с нею прибыла в город Кхатакапура. Там Блабхадра, ловкий делец, с небольшим запасом денег нажил большое состояние и стал считаться одним из первейших граждан.

Так как он разбогател, то прибавилось и челяди. Раз как-то он грубо набросился на первую прислужницу с криком: „Ты дела не знаешь! Явно воруешь и говоришь мне дерзости!“ И сильно избил ее. Прислужница же, рассердившись, выдала отчасти его таинственную историю, которую он как-то ей сообщил в минуту доверчивости. Когда корыстолюбивый начальник полиции узнал об этом, то начал в собрании городских старейшин жестоко поносить Балабхадру: „Он, мол, похитив обманом дочь Нидхипатидатты Канакавати, поселился теперь в нашем городе. Вы не должны мне препятствовать в отобрании всего его имущества“. Тогда Ратнавати сказала испугавшемуся Балабхадре: „Не бойся! Скажи: это вовсе не Канакавати, дочь Нидхапатидатты: это Ратнавати, дочь Грихагупты, из города Валабхи, отданная мне в жены законным образом. Если вы не верите, пошлите верного человека за справками к ее родным“. После того, как Балабхадра об'явил это, он оставался на поруках у своего цеха, пока Грихагупта, извещенный письмом, не прибыл в Кхатакапуру и не увез с собою обратно дочь и зятя. Балабхадра, убедившись теперь, что мнимая Канакавати была в действительности Ратнавати, продолжал ее очень любить. Поэтому я и говорю: „Любовь — это решимость“.

Ракшас тотчас спросил у меня историю Нитамбавати. Я начал: „Есть в стране Шюрасена город, называемый Матхура (88). Там жил один сын из родовитой семьи, слишком предававшийся искусствам и гетерам; ради друзей он не раз лично улаживал разные раздоры, а потому злые люди и прозвали его „Жалом против раздоров“ — Калаха-Кантхака. Однажды он увидел в руках одного приезжего живописца картину. Там была изображена молодая женщина, которая одним своим видом преисполнила муками любви серце Калаха-Кантхаки. Он сказал живописцу: „Друг мой! Здесь, мне кажется, есть противоречие. Трудно встретить такую красоту в женщине неблагородного происхождения; между тем наклоненная голова указывает на родовитость, цвет лица бледен, ее стройный стан еще никого не усладил, а взгляд полон гордости. Она не похожа и на разлученную супругу, ибо не видать признаков такой разлуки, косы и проч. Есть здесь также с правой стороны и след ногтей. Поэтому она должна быть женою какого-нибудь

старого, не особенно способного к супружеской жизни купца, и страдает, ибо не получает должного удовлетворения. Ты очевидно, нарисовал ее, благодаря твоему удивительному искусству, такою, как ты видел".

Живописец, похвалив его, отвечал: „Да, это правда. Это жена карвановладельца Анантакирти из города Уджаини в стране Аванти; зовут ее по справедливости прекраснобедрой — Нитамбавати. Восхитившись ее красотою, я так и нарисовал ее".

Калаха-Кантхака немедленно, точно обезумев, отправился в Уджаини, чтобы увидеть ее. Он притворился звездочетом, проник в ее дом, якобы прося подачки, и увидел ее. Его страсть разгорелась еще сильнее. И, выйдя оттуда, он выпросил себе у городских старейшин место сторожа на кладбище и получил его. Найденными там покрывалами для покойников и проч. он расположил к себе, поднося все это, одну монахиню по имени Архантику. Через нее он передал тайно приглашение Нитамбавати. Та выбранила ее и отказала. Узнав из уст отшельницы о том, как трудно совратить с пути истинного эту благородную женщину, он тайно так подучил свою посредницу: „Отправься еще один раз к жене каравановладельца и скажи ей по секрету: „Это совершенно немыслимо, чтобы такой человек, как я, предавался религиозному созерцанию, познав тщету вихря бытия, посягая на честность благородной женщины. Я только хотела испытать тебя, желая узнать, не затронула ли изменчивость, свойственная другим женщинам, также и тебя, одаренную огромным богатством, неземною красотой и свежей юностью. Я удовлетворена твоею неиспорченностью. Теперь я желала бы увидеть у тебя потомство; но твой супруг, точно одержимый каким-то бесом, постоянно болеет желтухой и слаб в деле любви. Не устранив это препятствие, невозможно получить потомство. Сделай милость! Прийди одна в садовую рощу и там потихоньку положи свою ногу в руку приведенного мною заклинателя; потом этой заговоренной ногою ты ударишь своего мужа в грудь, притворившись, будто ты охвачена любовным гневом. Он же приобретет таким образом необходимую силу для произведения потомства и будет тебе повиноваться, как богине. Здесь уже не в чем сомневаться". Таким образом она, конечно,

подчинится тебе. Ты приведешь меня нагого в сад, а потом приведешь и ее. Вот о какой милости я прошу тебя".

И она добилась того, что та на все согласилась. Он же чрезвычайно обрадованный в ту же ночь вошел в сад и под предлогом, будто прикасается к ноге Нитамбавати, приведенной туда стараниями отшельницы, сорвал у нее с ноги золотое запястье, оцарапал ей слегка ножом ляшку и поспешно убежал. Она же, испугавшись и браня собственную неосторожность, чуть не убила отшельницу, омыла рану в водоеме близ дома, положила перевязку и провела лежа в постели уединившись три-четыре дня под предлогом болезни, удалив и другое запястье.

Но хитрец пришел с тем запястьем к Анантакирти и сказал: „Я хочу его продать". Увидав его, тот сказал: „Это ножное запястье моей жены. Как ты его раздобыл?" Так как тот молчал, то он снова спросил. Тот стоял на своем: „Я расскажу все в купеческом цехе". Купец передал жене: „Пришли оба ножных запястья". Со стыдом и тревогой она прислала одно с такими словами: „Сегодня ночью, когда я вышла в сад отдохнуть, у меня потерялось одно запястье с непрочной застежкой. Я его искала, но не могла нигде найти. Вот его пара". С такою вестью купец и хитрец отправились в собрание купеческого цеха. На вопросы хитрец отвечал учтиво: „Вам известно, как я, с вашего разрешения, охраняю место успокоения предков и этим добываю себе пропитание. Я даже ночью ложусь спать на кладбище, опасаясь, чтобы скаредные люди, опасаясь меня, не жгли трупов по ночам. Давеча я увидел, как черная на вид женщина неистово тащила с костра полуобгоревший труп. Из жадности я подавил страх и схватил женщину. Случайно я оцарапал ей ляшку ножом и сорвал с ноги это запястье. Она же поспешно убежала. Вот как я раздобыл это запястье. Теперь пусть будет ваша воля".

По зрелом обсуждении старейшины единогласно признали, что она вампир-шякини. Муж отверг ее и она, проплакав на этом самом кладбище и сделав из веревки петлю, собиралась уже умереть, как вдруг ночью этот плут схватил ее и начал утешать: „Красавица! Обезумев от твоей красоты, я при помощи отшельницы прибегал к разным приемам, чтобы овладеть тобою, но так как они все были

безуспешны, то я применил это средство, чтобы насладиться любовью с тобою, моим единственным сокровищем, доколе я буду жив. Прости же своего раба, не имеющего иного прибежища". При этом он бросился к ее ногам, овладел ею, не имевшею другого выхода. А потому и говорят: „Чем преграды одолеть? — Умом".

Выслушав и это, брахмаракшас преклонился передо мною. Но в тот же миг сверху из воздуха попадали жемчужины, крупные, как большие бутоны, вместе с каплями воды. Когда же я подумав: „что это значит?" взглянул, направив взоры кверху, то увидел, как какой-то ракшас тащил женщину, отбивавшуюся всем телом. „Как эта скверная нечисть смеет похищать женщину против ее воли?" подумал я, но, не будучи способен летать по воздуху и безоружный, я мог только страдать. В это время мой собеседник брахмаракшас, обругав того: „Стой, стой злодей! Куда же ты ее уносишь?" взлетел на воздух и схватился с ним. Тот, разгневавшись, безжалостно бросил женщину вниз, словно цветущую лиану с небесного дерева, а я, подняв голову, подхватил ее, вытянув обе руки, и схватил ее дрожавшую; от радости соприкосновения с моим телом у нее вз'ершились волосики на всем теле, а я держал ее, не опуская на землю. Между тем оба ракшаса бились, уничтожая друг друга обломками горных скал, вырванными с корнем деревьями, ударами рук и ног.

Когда я уложил девицу на мягком, образовавшемся из наносного ила и укрытом цветами берегу озера, то, страстно глядя на нее, увидел, что это моя единственная возлюбленная, царевна Кандукавати. В ответ на мои утешения она искоса взглянула на меня, узнав, жалостно заплакала и заговорила: „О мой повелитель! Увидев тебя во время праздника игры в мяч, я была охвачена любовной страстью, но моя подруга Чандрасена утешила меня рассказами о тебе. Услыхав, что мой злой брат Бхимадханван приказал бросить тебя в воду, я, обманув своих подруг и свою челядь, побежала одна в парк, чтобы там покончить с собою. Там почувствовал ко мне любовь этот ракшас, могущий менять свой вид по желанию. Когда я отвергла его притязания, он схватил меня отбивавшуюся, улетел и здесь нашел свой конец. Я же по воле судьбы попала как раз в руки к тебе, властелину моей жизни. Будь счастлив!"

Выслушав это, я поднялся вместе с нею на гору, а потом сел на корабль. Гонимый ветром теперь в другую сторону, корабль прибыл прямо в Дамалипту и мы без труда сошли на землю. Там мы услышали жалобный крик плакавших подданных: „Утратив сына и дочь и не имея больше потомства, Тунгадхаван, повелитель Сухма, вместе со своей супругой собирается здесь на берегу святой Ганги, воздерживаясь от пищи, достигнуть успокоения. Вместе с ним хотят умереть и все преданные ему старейшины и граждане, не желая иметь другого повелителя. Тогда я рассказал все царю и передал ему обоих его детей. Обрадованный повелитель Дамалипты сделал меня своим зятем, а сын его должен был мне подчиниться. По моему приказу он должен был отказаться от Чандрасены, словно от своей второй жизни, а ее получил Кошьядаса. Засим я прибыл сюда на помощь Синхаварману и усладился ныне лицезрением своего государя“.

Выслушав, царевич Раджавахана сказал: „Поразительна такая судьба! Велика бывает подчас изворотливость людская“. И с разлившейся на устах улыбкой он бросил взгляд на Мантрагупту, чей взор широко расцвел от радости. И он начал рассказ о своих похождениях, слегка прикрыв свое лицо-лотос рукою и избегая губных звуков, ибо его губа, подобная жемчужине, сильно пострадала от укуса зубами неистово придавившей ее прелестной возлюбленной.

ПРИМЕЧАНИЯ

84) Игра в мяч, тоже излюбленный спорт, описана здесь подробно, но восстановить ее детально все-же трудно.
85) *Тригарта* — страна в пустынной части Раджпутаны.
86) *Каньчи* — ныне Канджеверам к юго-зап. от Мадроса,
87) *Саураштра* — ныне Сурат на полуострове Катьявар.
88) *Матхура* — ныне Муттра на р. Джумне к сев.-зап. от Агры, в стране Шюрасена, считается местом рождения Кришны.

АВАНТЮРА СЕДЬМАЯ

Похождения Мантрагупты (89)

„О сын царя царей! Когда ты ушел в змеиную пропасть, я, желая разузнать твой путь, отправился в страну Калинга (90). Неподалеку от их города Калинга - нагара, вблизи места сжигания трупов, я расположился на земле, усеянной свежими почками, под сенью дерева, и заснул, ибо сон смежил мне очи. Когда же весь мир омрачился, потемнев, точно волосы ночи смерти, когда ночами бродят злые духи, спустился туман и все люди без исключения укрылись в своих жилищах и в полночь похолодало, вдруг, точно отголосок среди густых древесных ветвей, разгоняя сон, смеживший мои веки, до моего слуха долетел жалобно стенящий отзвук разговора между двумя демонами, мужчиной и женщиной: „Как возможно, чтобы мы как раз во время наших любовных наслаждений терпели такое утеснение от этого гадкого, проклятого колдуна, отдающего нам приказания именно в тот миг, когда нас мучит страсть! Кто - нибудь всемогущий да положит конец чарам этого подлого колдуна“!

Услыхав это и подумав: „Что это за колдун, что за чары и что делает этот демон?“ я ощутил в сердце желание увидеть это и, пройдя немного по пути, пройденному демоном, я увидел кого - то, чье тело было разукрашено украшениями, сделанными из кусочков сверкающих человеческих костей, и вымазано золой угольев, оставшихся от дров после сожжения трупов, в головном уборе, подобном лианам молний. Этот некто бросал неправою рукою постоянно хрустевшие зерна горчицы и проч. в огонь, сверкавший словно призрак во тьме среди окружающего леса, при чем пламя взбрасывалось вверх, проглатывая снова и снова подбрасываемые дрова. Перед ним с мольбой склонился демон, говоривший: „Что я должен сделать? Приказывай“. И этот подлый отдал такое приказание: „Ступай и приведи сюда из гарема

царевну Канакалекху, дочь царя Карданы, повелителя Калингов". И тот это исполнил.

Пока колдун приготовлялся отрезать ей голову мечом, остро обточенным об камень, схватив ее за копну волос с лопнувшей повязкой, с растерзанными и измятыми гирляндами, она закричала голосом, полным сердечной тоски, и сдавленным от слез и сильного испуга: „Увы, отец! Увы, мать"! Выхватив тотчас же меч из его рук и отрубив им же его же голову с ее густыми волосами, я спрятал ее в дупле росшего вблизи дерева. Увидев это, демон очень обрадовался и безбоязненно сказал: „Повелитель! У меня, несчастного, очи никогда не смыкались от терзаний. Он всегда заставлял нас дрожать и трепетать, давал злокозненные приказания. Ты отлично поступил, о вместилище всех доблестей, отправив этого злодея в обитель смерти, где он узнает вкус адских пыток. Я исполню все твои приказания, о бесконечно блистательный сосуд милосердия! Впрочем, к чему тратить время? Повелевай"! И он склонился передо мною.

И я отдал повеление: „Друг мой! Это путь, по которому шествуют хорошие люди, когда по малейшему поводу высказывают величайшую признательность и уважение. Если это не противоречит твоему желанию, то пусть эта прекрасногрудая, хотя совсем не заслужившая мучений, но все же сильно измученная этим злодеем, будет препровождена с твоею помощью домой. Нет ничего иного, что могло бы так порадовать мое сердце".

Едва услышав это, она задвигала своими глазами, напоминавшими голубой лотос, свисавший с ушей, при чем зрачок беспокойно скосился, и заставила играть свои закругленные, подобно луку бога любви, брови, как бы плясавшие игриво на эстраде ее чела, а на красных полосах ее ланит вз'ершились волосики; словно колеблясь между страстным вожделением и стыдливостью, она царапала землю кончиком своей ноги, озаренной лунообразным блеском ее изогнутых ногтей, при чем поворачивала в сторону свой лотосоподобный лик; необычайно нежное дыхание, исходившее из ее уст, как бы поражало ее губы, подобные юным почкам, и осушало влажный сандал, покрывавший ее грудь, обрызганную капельками ее радостных слез, несясь так же быстро, как стрелы Камы, и как бы заставляя колыхаться,

словно волны, луноподобное сверкание ее зубов. Она произнесла следующие слова, тихо и нежно, как птичка кокила: „О благородный повелитель! За что, выхватив меня, несчастную, из об'ятий смерти, ты тотчас снова ввергаешь меня в океан любви, где бушуют волны раздутой вихрем страсти? Я — словно прах у лотосов твоих ног. Если у тебя есть жалость ко мне, то пусть на меня не будет возложено ничего иного, как только служение твоим стопам. Если же ты опасаешься беды от нарушения тайны о твоем пребывании в гареме, то это напрасно: у нас там очень верные и преданные подруги и служанки. Никто об этом не узнает“.

Я же, безжалостно пораженный в сердце стрелою бога любви, притянувшего тетиву до своих ушей, и крепко скованный железными путами ее косых взглядов, обратился к демону, воздев взоры: „Если не поступить так, как говорит эта круглобедрая, то Кама ввергнет меня мгновенно в неподдающееся определению состояние. Препроводи же меня вместе с этой серноокой девой в гарем“. И я был препровожден этим блуждающим в ночной темноте демоном в девичьи хоромы, прекрасные, как влажные осенние тучи. Там я подождал немного в уединенном покое наверху по совету сей лунноликой, при виде которой я терял свою твердость. Она же легким прикосновением ладони рассеяла сон нескольких спокойно спавших подруг и сообщила им все. Те подошли ко мне и, прикоснувшись головами к моим ногам, со взорами, искаженными от льющихся слез, тихо промолвили нежными голосами, похожими скорее на жужжание пчел, сидевших на цветах их гирлянд: „Благородный повелитель! Так как эта дева попалась на глаза тебе, затмевающему блеском солнце, то она и не была похищена смертью. За это Кама отдает ее тебе в супруги, как старший над старшими, призвав в свидетели огонь пламенеющей страсти. Пусть же твое сердце, о лотосоокий, твердое, как скала алмазной горы, украсится этой чудной жемчужиной, горящей от страсти; а ее грудь, достигнув желанной цели, да сольется с об'ятиями вполне достойного ее любовника“. И я, охваченный еще сильнее страстью после искусной речи подруг, насладился соединением с прекрасногрудою.

Однажды в то время года, когда тоскуют сердца разлученных супругов, когда цветы кесара от прикосновения

жадных пчел вянут, когда цветы тилака служат украшением чела для сверкающих лесных деревьев, когда золотой зонт распустившегося карникара как бы присваивается царственным красавцем Камой, когда южный ветер, этот огненный возничий, уносит с собою трепещущие бутоны манго, когда изощряется оружие для сражения с врагом прекрасных красногубых распаленных страстью от пленительно пламенного пения черных пернатых, когда слабеет стыд вследствие страсти, одолевающей сердца даже стыдливых дев, когда кончики различных лиан плещут и играют, словно подученные южным ветром, охладившимся от прикосновения к сандаловым деревьям, покрывающим горные склоны Дардура (91) в это весеннее время года царь Калингов со всею своею свитой, с дочерью и горожанами собрался провести тринадцать дней на морском берегу в лесу, неприступном для солнечных лучей, где песчаный откос ласкают верхушки отпрысков лиан, согбенных под бременем жужжащих пчел, и прохладном от обильного дождя брызгов дрожащих волн, и там дал простор своему влечению к наслаждению играми и забавами.

И вот в то время, как этот царь всецело предавался жажде наслаждений, увлекаясь необузданным соперничеством в бесчисленных любовных утехах женщин, собиравшихся и постоянно предававшихся музыке и пению, он был схвачен при полной своей беззащитности вместе со всем своим гаремом царем Андхра Джаясеной, неожиданно прибывшим, доставив на кораблях многочисленное войско. Уведена была и юная Канакалекха с трепетавшими от страха очами вместе с подругами. А я, утратив даже какую бы то ни было мысль о пище вследствие жара, возбужденного пламенем любви, и утратив соприкосновение с красотой ее тела, так рассуждал, размышлял о ней: „Дочь царя Калингов вместе с отцом и матерью попала в руки врага, а этот разнузданный деспот захочет сам завладеть ею. Моя верная возлюбленная не сможет перенести это и наверно покончит с собою при помощи яда. Если такая беда приключится с нею, то и для меня жизнь будет невозможна. Что предпринять?“

Тем временем я встретил одного брахмана, пришедшего из города Андхра, который рассказал мне следующую исто-

рию: „Царь Кардана, приговоренный было к смерти царем Джаясеной вследствие трений, причиненных различными оскорблениями, был помилован им вследствие любви, зажженной в Джаясене лицезрением царевны. Эта девица, одержимая неким якшей, не появляется в присутствии других мужчин. Царь пытается изгнать якшу, собирая разных колдунов, но нет ему удачи".

Получив благодаря ему некоторую надежду, я вытащил головной убор с косами аскета, снятый с убитого мною колдуна из дупла старого дерева, росшего вблизи кладбища, этого места плясок Шивы, отправился под смоковницу, покрыл все тело множеством тряпок и набрал себе несколько учеников, ублаготворив их щедрой раздачей платья, пищи и проч., добытых у людей, обманутых различными ловкими их фокусами. Через несколько дней я отправился в город Андхра и поселился там в лесу на берегу мореподобного озера, увенчанного аистами и покрытого цветами и разноцветными лепестками лотосов, расклеванных клювами фламинго.

И всюду люди прославляли меня, который искусно обманывал всех горожан рассказами моих учеников о моих разнообразных фокусах. Они говорили: „Этот аскет, живущий на берегу озера в старом лесу, спящий на голой земле, знает все Веды с Упанишадами, как свои пять пальцев. Если кто не знает какой-нибудь науки, то от него узнает ее содержание. Его уста никогда не оскверняются ложью. Это настоящее море милосердия. По его милости всякий торжественный обряд достигает желаемой цели. От нескольких пылинок праха от его ног, посыпанного кому-либо на голову, проходит какая-угодно болезнь, долгое время не излечимая для врачей. От окропления водой, омывшей его ноги, очищаются от грехов головы людей и пропадает дурное влияние планет. Невозможно познать меру его могущества. И при всем том нет в нем ни капли корыстолюбия".

Этот рассказ, переходивший из уст в уста среди многих людей, достиг и до ушей царя, устремившего все свои мысли на изгнание служителя Куверы, вселившегося в Канакалекху. И вот царь стал приходить ежедневно, с большой почтительностью ублажая и подкупая большими деньгами моих учеников, а с наступлением удобной минуты начал тихо умолять меня о достижении желанной цели.

Я же с рассудительной находчивостью, пользуясь наличностью своих знаний, прозрев удобный момент, взглянул на него и отвечал, подумав: „Отец! Здесь старания будут излишни. Ведь обладание этой жемчужиной — девицей, снабженной всеми счастливыми признаками — является средством получить в супруги землю, украшенную млечным поясом океана и изукрашенную тысячами жемчужных гирлянд — Ганги и прочих рек. Этот якша, овладевший ею, не допускает, чтобы какой-либо владыка народов глядел на нее, чьи голубые лотосы-глаза очаровательно поглядывают искоса. Поэтому подожди три дня, тем временем я позабочусь о достижении этой цели“.

Повелитель народов, восприняв мое наставление, ушел ликуя, я же каждую ночь, когда исчезали лучи месяца и весь кругозор поглощался массой густой тьмы и очи всех людей смежались сном, выходил и, при помощи некоего приспособления для рытья, выдолбил с трудом неподалеку от места купания, внутри берега, пустое пространство, куда мог нырнуть находящийся на поверхности воды. Плотно прикрыв отверстие камнями и кирпичами, убедившись, что это место берега не возбуждаег у людей подозрения, и омыв свое тело на заре, я, воздев красные лотосы своих рук, приветствовал солнце, эту жемчужину, увенчивающую жемчужную гирлянду всех созвездий, этого льва, готового, растерзать неистового слона — мрак ночи, этого плясуна, исполняющего свою пляску на эстраде-вершине золотой горы восхода, этого единственного в своем роде крокодила, переплывающего сквозь массу волн-облаков небесного океана, этого свидетеля всего, что следует и что не следует делать, этого тысячелучистого, чьи волосы-лучи окрашены румянцем женщин-стран света тысячеокого Индры. Затем я возвратился домой.

По истечении трех дней, когда взошел царь дня, затмевая своим светом блеск поверхности золотой горы восхода и вершины горы заката, и разукрасившись еще более от красоты умащенных сандалом сосудов-грудей жены-зари, сошедшейся с воздухом-Шивой вследствие гнева дочери гор-Парвати, тогда царь людей пришел ко мне и простер с мольбой руки, при чем блеск его венца затмился

от лучей излучавшихся ногтями моих ног, стоявших на земле. И я поведал ему: „По воле судьбы я прозрел исполнение твоего желания. Ведь здесь на земле не может быть счастья для неимеющих желания, а все блага заключены в руках стремящихся. Дабы ты сегодня же стяжал желаемое, этот пруд должным образом освящен мною, которого ты пленил своею добротой, праведностью, безупречностью и усердием в оказании мне почтения. Посему сегодня же, лишь только минует полночь, ты должен в нем искупаться и как только нырнешь, то, задержав возможно дольше дыхание, должен лечь на дне под водою. Засим раздастся плеск воды, напоминающий жалобный крик, который долетит до слуха людей, которые воспримут эти жалобно-сладостные звуки, как крики фламинго, тела которых поранены острыми шипами стеблей колыхающейся массы лотосов, скрытых в воде и прикрепленных к берегу. Когда шум в воде затихнет, ты вынырнешь снова с обновленным телом, покрытый водяными каплями с покрасневшими глазами. Увидев этот образ, услаждающий взоры всех людей, якша не сможет устоять перед ним. А сердце возлюбленной, скованное узами любви скованными еще теснее, не сможет потерпеть лишения твоего лицезрения даже на единый миг. И, без сомнения, все пространство супруги-земли попадет в твои руки после удаления дерзких врагов. Если ты желаешь достигнуть этого, то, созвав предварительно надежных людей, сметливых и рассудительных благодаря знанию многих наук, а также призвав еще других преданных людей и набрав сотню рыбаков, вели произвести осмотр внутри озера через сотню добровольно вошедших в него людей, при чем воины должны тщательно сторожить кругом на тридцать локтей от берега. Кто может поручиться, что затеет враг при удобном случае?“

Его сердце пришло в восторг. Когда же уполномоченные им люди совершили осмотр, не смогли открыть отверстия и убедились, что желание царя, возбужденного страстью к царевне, непоколебимо, то дело не встретило дальнейших препятствий. При таком положении дела, укрепившись еще больше в надежде приобрести ее, он услышал от меня следующее: „Царь! Я ведь долго пробыл здесь, в твоей стране, а нам не дозволено оставаться долго на одном месте. Посему

ты больше меня не увидишь после того, как свершится предписанное. Так как в твоем царстве я вкусил пищу и прочее, то, уйдя отсюда и не совершив ничего для тебя, я подвергся бы порицанию со стороны хороших людей. Вот причина моего здешнего долгого пребывания. Теперь дело сделано, иди домой. Омывшись в подходящей душистой воде, увенчавшись белым венком, умастив тело и ублажив по возможности подарками брахманов, этих земных богов, разогнав ночной мрак тысячью огненных языков на факелах, концы которых смочены маслом, явись и гряди навстречу успеху".

Он же, выказывая свою благодарность, говорил: „Это и успех не в успех, когда благородные люди удаляются. Даже когда удаляют неповинного врага, то такое пренебрежение дурно. Но слова преподобного не допускают возражений".

И он отправился домой, дабы свершить омовение, а я ночью, при полном безлюдии, спрятался в яме на берегу озера и стал прислушиваться через маленькое отверстие. Когда ж настала полночь и царь, совершив все предписанные церемонии, расставив по местам стражу и с помощью приведенных рыболовов устранив шипы сомнения насчет сомнительности озера, вошел в воду, погрузился в нее и с распущенными волосами, заткнув нос и уши, улегся на дне, я нырнул, как дельфин, схватил улегшегося за одежду около шеи, безжалостно истерзал, нанесши удары руками и ногами, усиленные тяжким прикосновением перста смерти, и лишил его сознания. Затем я оттащил его тело в яму, спрятал там, а сам вынырнул из воды.

Всех присутствовавших воинов поразило такое приобретение нового облика. Я сел на слона, украсившись белым зонтом и прочими знаками царского величия, и проехал по царской улице, которую освободил народ, испуганный ударами усердных палочников. Но в эту ночь я не вкусил прелестей сна, ибо мои взоры вкушали другие прелести. Когда же на горизонте показался солнечный диск, подобный умащенной лаком пота голове слона вселенной и служащей алмазным зеркалом для жены - восточной стороны, этой супруги Индры, я, совершив все должные обряды и усевшись на царском троне, украшенном множеством

драгоценных камней и жемчуга, обратился к министрам, державшим себя соответственно обстоятельствам, усевшимся поблизости с лицами, обуреваемыми сомнениями, с такого рода речью: „Познайте же силу мировых мудрецов! Вот мною в силу незапятнанной святости этого святого аскета, неуязвимого по части чувств и восприятий, затмившего своею несравненной лучезарностью блеск лепестков лотосов на берегу озера, где жужжат пчелы над грядами лотосов, достигнуто ныне приобретение нового облика. Теперь да склонят головы посрамленные неверующие! Да украсятся храмы трех великих богов, увенчанного месяцем Шивы, сокрушившего демона Нараку Вишну и восседающего на лотосе Брахмы, а также всех прочих, и пусть начнутся священные пляски и песни! И целые караваны нищих да получат из этого дворца деньги, утешающие в горести!“

Воскликнув с радостным и преисполненным удивления взором: „Владыка! Повелевай нами и со славою владей всеми десятью сторонами света, затмевая своею славою земного царя Ману“! министры прославили меня и исполнили предписанные мною дела. Затем я заговорил наедине с наилучшей подругой моей возлюбленной, с юной Шяшянкасеной, пришедшей ко мне по какому-то делу: „Не знавала ли ты где-нибудь раньше мою особу?“ Она же, ощутив в сердце избыток радости, игриво сверкнув линией блестящих зубов и прикрыв свои почки-губы ветвями дрожавших изогнутых лотосов рук, с глазами, на которых краска сошла от радостных слез, промолвила, сложив руки: „Как не знать, если только это не наваждение этого колдуна! Но расскажи, в чем дело?“ Так тихо лепетала она с искренней преданностью. Я рассказал ей все подробно, передал через нее эту весть своей возлюбленной к величайшей ее радости, а затем соединился с нею, отданной мне по закону ее отцом, царем Калингов, которого я освободил и весьма почтил. Как повелитель царств Андхра и Калинга, я отправился с большим войском на помощь царю Анга, которого хотел одолеть враждебный ему царь, и испытал в душе неизмеримое счастие, увидав неожиданно тебя, мой государь, вместе с друзьями“.

Царевич Раджавахана вместе с друзьями похвалил его ловкость, при чем губы царевича озарились светлой улыбкой,

и молвил: „Удивительны похождения этого великого святого! Здесь поистине тяжкий аскетизм получил свою награду. Но оставим шутки: здесь наглядно проявилась вся сущность ума и силы, ведущих к наслаждению и к победе“. Бросив взор, подобный распустившемуся лотосу, на многоумного Вишьруту, он добавил: „Теперь продолжай ты“.

ПРИМЕЧАНИЯ

89) Передать по-русски все „фокусные штучки“ санскритского текста, где нет ни одного губного звука, немыслимо. Можно только прибегать к более вычурным и иносказательным оборотам.

90) Страна *Калинга* со столицей Калинга-нагара лежит к югу от Ориссы до устьев р. Годавери, на восточном побережьи Индостана.

91) *Дардура* — гора в хребте Малая, откуда дует южный весенний ветер.

АВАНТЮРА ВОСЬМАЯ

Похождения Вишьруты

Вишьрута начал свой рассказ: „Государь! Я также, блуждая по Виндхийским горам, увидел какого-то мальчика лет восьми, терзаемого незаслуженно голодом и жаждой, сидевшего близ колодца. Запинаясь от испуга, он сказал: „О достойнейший! Окажи помощь мне, несчастному, о благородный! Один старик, моя единственння опора, собираясь зачерпнуть воды, дабы утолить жажду, лишавшую меня жизни, упал в колодец, а я не в состоянии вытащить его оттуда“ Я подошел, с помощью лианы вытащил старика и, возбудив снова в мальчике деятельность дыхания посредством воды, введенной ему в рот через бамбуковую тростинку, и нескольких плодов, которые я сбил камнем с высокого близ стоявшего дерева, и усевшись у его подножья, так обратился к старику: „Отец! Кто этот мальчик и как приключилось это злоключение?“ Он отвечал голосом, прерывавшимся от слез:

„Слушай, достопочтенный! Есть страна, называемая Ви дарбха (92). Там жил царь Пуньяварман, краса династии Бходжа, словно частичное воплощение Закона, весьма энергичный, правдивейший, щедрый, благовоспитанный воспитатель своих подданных, любимец слуг, прославленный, выдающийся по уму и красоте, деятельный по характеру, строго исполнявший предписания священных книг, предпринимавший, как подобает, лишь должное и возможное, почитатель мудрых и умевший выбирать себе почитателей, возвышавший друзей и сокрушавший врагов, никогда не внимавший вздорным наветам, никогда не перестававший жаждать добродетели, наискуснейший в искусствах, знаток кодексов о пользе и добродетели, воздававший усердно добром за малейшее добро, заботившийся о казне и путях передвижения, тщательно проверявший своих соглядатаев, поощрявший соответствующими дарами всех, кто для него трудился, всегда помогавший в несчастиях, исходящих от

богов или от людей, мастер в применении шести основ иностранной политики, вождь четырех каст в соблюдении законов Ману, славившийся чистейшей славой. Прожив целый человеческий век, он за свои благие деяния перешел к бессмертным не на благо своих подданных.

После него вступил на престол Анантаварман, хотя и обладавший всеми качествами, но не особенно усердный в искусстве управления. Однажды к нему зашел тайно старый министр по имени Васуракшита, высоко почитавшийся его отцом, и обратился к нему со смелой речью: „Милый мой! В тебе налицо без ущерба все личные качества, начиная с благородного происхождения; и твой ум, изощренный по природе и еще более изощрившийся в искусствах, пляске, пении и т. п., в живописи и в поэзии в всем ее об'еме, выделяется среди всех других. Но все же, не усвоив себе учения о пользе, твой ум, словно неочищенное огнем золото, не блещет так ярко. А властелин без разума, хотя бы и высоко вознесенный, не может заметить, если на него покушаются враги, и не способен к действию, не умея отделить средство от цели. Действуя не так, как следует, он терпит неудачи и порицается своими и чужими; повеления же того, кто лишен уважения, не могут пойти на приобретение, сохранение и усиление блага подданых. И подданные, преступая его повеления, смешивают все законы, говоря не то, что следует, поступая кое-как, и, преступая всякие границы, лишают своего владыку блаженства и в этом, и в том мире. Ибо, только шествуя по пути, озаренному светом священного предания, шествуют люди ко благу, а священные книги ведут беспрепятственным путем, словно божественное око, прозревающее прошедшее, настоящее и будущее, близкое, далекое и все прочие области. Необладающий им, хотя бы и обладал двумя длинными и широкими глазами, будет подобен слепцу, вследствие неспособности различить пользу. Посему, отступив от усердия в прочих науках, приступив к науке управления государством, наследственной в твоей династии, поставив себе целью пользу и обеспечив таким образом успех власти, повелевай надолго и беспрекословно над опоясанною морем землею“.

Царь выслушал это и сказав: „Мой наставник наставил меня, как следует. Пусть будет так!“ удалился в гарем. Всю эту

историю, рассказанную при случае царем в присутствии жен, услыхал находившийся там же приближенный к нему с детства Вихарабхадра, умевший подлаживаться к другим, живший царскими милостями, не чуждый искусства пляски, пения, музыки и проч., весьма близкий к чужим женам, остряк, невоздержный на язык, мастер выискивать чужие слабости, насмешник, искусник в злословии, ловкий клеветник, доступный подкупу даже со стороны челяди, учитель беспутства и кормчий в любовной науке. Улыбаясь, он заговорил почтительно: „Государь! Если, по милости судьбы, кто-нибудь сделался вместилищем счастья, то плуты начинают ни за что, ни про что терзать его всякими соблазнами и стараются извлечь пользу для себя. Так, например, возбудив в нем упование на всякие блага после ухода из этого мира, обрив ему голову, обвив повязками травы дарбха, покрыв козьей шкурой, вымазав свежим маслом и заставляя его ложиться спать натощак, они присваивают себе все его богатство. А бывают еще злостные еретики, заставляющие его покинуть жен, детей, тело и жизнь. Если же он сам посмышленнее и не хочет променять на этот мираж то, что имеет наличным в руках, находятся такие приближенные, что говорят: „Мы обратим мелкие ракушки в кучи золота, победим всех врагов без оружия, сделаем властелином такого человека, который ничем не владеет, кроме своего тела: надо только итти по указанному нами пути“. Если же он спросит: „Что это за путь?“ они опять начнут: „Разве не существуют четыре царских науки: триада Вед, история, логика и учение об управлении? Из них триада Вед, история и логика об'емисты, но дают мало плодов, а потому оставим их покое. Приступи немедленно к науке об управлении! Ведь она тепер разюмирована ученым Вишнугуптой в шести тысячах стихов для царя династии Маурья. Изучив ее и поступая в соответствии с нею, он будет пригоден к делу“. Тот соглашается учиться, слушает и достигает старости. Но ведь эта наука связана с другими науками, и он не может понять ее сущности, не изучив всех словесных произведений. Но пусть даже в короткий или долгий срок он все изучит, тогда, изучив все науки, он не сможет довериться ни сыну, ни жене, а для своего желудка должен точно определять количество риса

и рисовых зерен и сколько требуется дров, чтобы сварить столько-то рису, все должен выдавать по мере и весу. Когда царь встает утром, он второпях прополаскивает себе рот, проглотит горсть или полторы чего-нибудь и должен потом первую восьмую часть дня выслушивать статьи приходов и расходов. А пока он их выслушивает, его обкрадывают вдвойне плуты-чиновники, собственной мудростью умножившие до тысячи указанные Чанакьей сорок средств для приумножения своих средств. Вторую восьмушку дня он тоже проводит ужасно: его слух терзают и обжигают крики тяжущихся между собою подданных. И здесь судьи, распределяя по своему усмотрению выигрыш и проигрыш тяжбы, обременяют властелина грехом и позором, а свои карманы деньгами. В течение третьей восьмушки он омывается и вкушает пищу, но, поевши, не перестает бояться отравления, пока не кончится пищеварение. В течение четвертой он, не вставая, протягивает руку для получения золота. В течение пятой он тоже испытывает большое напряжение во время совещания с министрами. А там министры, притворившись беспристрастными, но тайно столковавшись заранее между собою, ведут дело на пользу своим друзьям или друзьям врагов, извращая по своему усмотрению добро и зло, сообщения вестников и соглядатаев, возможность и невозможность, место, время, факты и обстоятельства. Тайно возбуждая внешние и внутренние возмущения и якобы подавляя их явно, они делают своего повелителя безвольным. В течение шестой восьмушки он может либо свободно развлекаться, либо заниматься совещаниями. Но что это за срок для развлечения, который определяется всего в девяносто минут! В течение седьмой он должен изнурять себя смотром войска в его четырех составных частях, а в течение восьмой должен терзаться, обсуждая вместе с главнокомандующим геройские подвиги. Но это еще не все. Вечером, совершив молитвы, в первую восьмушку ночи он должен принять тайных шпионов: через их посредство он осуществляет жестокие и коварные меры при помощи оружия, поджогов и отравлений. В течение второй, тотчас после еды, он начинает чтение Вед, точно ученый брахман. Улегшись спать под звуки барабанов в течение третьей, он может спать в течение четвертой и пятой. Но разве может

вкусить счастье сна этот несчастный с душою, истомленной постоянными напряженными заботами и мыслями! В течение шестой восьмушки он начинает предаваться заботам о делах и поучениях Писания, а в течение седьмой происходят совещания и отправка курьеров. А курьеры, получив от обеих сторон деньги за сообщенные приятные известия и умножая их путем беспошлинной торговли, безостановочно странствуют, раздувая из малейшей искорки фиктивные дела. В течение восьмой появляется придворный духовник-пурохита со всей своей компанией и об'являет: „Сегодня ночью мы видели дурной сон. Планеты предвещают недоброе. Неблагоприятен и полет птиц. Надо совершить очистительные обряды. Вся жертвенная утварь должна быть из чистого золота: только при таком условии обряд будет успешен. Ведь эти брахманы словно сам Брахма: что они совершат, то будет на благо и пойдет впрок. А между тем эти доблестные жрецы, страшно бедные деньгами и богатые детьми, до сих пор не получили вознаграждения. Все, что отдается им, приносит счастье на небесах и на земле и устраняет несчастие“. Так побудив его этими немногими словами премного одарить себя, они этими же устами все это и пожирают вместе со своими присными. Такой знаток науки об управлении, чтобы он ни делал, трудясь и изводясь денно и нощно и лишая себя хоть искорки радости, только затрудняет себе управление собственными владениями, не говоря уже о мировом владычестве. Если такой прославленный знаток науки об управлении что-нибудь дарит, оказывает почет, говорит приятное, то все это возбуждает лишь сомнение и подозрение в обмане. А недоверие есть корень несчастия.

Когда же мир идет своим чередом без этой науки, то успех обеспечен. Поэтому наука об управлении ненужна: ведь грудной ребенок сам находит средство кормиться материнской грудью. Поэтому отбрось чрезмерные усилия и вкушай вволю чувственные наслаждения. И эти самые цапли-министры поучающие: „Вот как надо обуздывать чувства, вот как надо избавляться от совокупности шести (93) врагов, вот как надо неустанно применять совокупность приемов, как-то: добрые слова и проч. против своих и чужих, проводить все время в размышлениях о войне и

мире и не отдавать ни одного мгновения на свои удовольствия!“ — они-то как раз и проживают в публичных домах добро, наворованное у вас же. Но что эти ничтожные плутишки! Такие столпы совета и основатели систем, как Шюкра, Ангираса, Вичалакха, Бахудантипутра, Парашяра (94) и проч., разве они сами одолели совокупность шести врагов и следовали своим же системам? В их же собственных трудах наблюдается и успех. Сколь многих ученых водят за нос неученые! Разве тебе, государь, все это не выпало на долю: рождение, прославленное во всем мире, неизжитая юность, прекрасная наружность, несметное богатство! Не обращай все это в ничто, предавшись изучению научной системы, приводящей лишь ко всеобщему недоверию, препятствующей вкушению наслаждений и доводящей до вечного сомнения во всех делах, вследствие размышлений о множестве способов достижения. Ведь у тебя десять тысяч слонов, триста тысяч коней и несметное количество пехоты, а казна наполнена золотом и драгоценностями. Если бы весь мир кормился всем этим в течение тысячи веков, он все же не истощил бы твоей казны! Что за бессмыслица надрываться, чтобы приобресть что-либо для других: ведь жизнь рожденных продолжается, в сущности, каких-нибудь четыре-пять дней! А из этих только крохотная доля — юность — годится для наслаждений. Глупцы все приобретают, а сами погибают и даже не стараются хоть чуточку использовать приобретенное. Впрочем, без лишних слов! Передав бремя правления царством своим приближенным, преданным, достойным доверия и способным нести это бремя, наслаждайся сам с женами, подобными апсарасам, устраивая в своем гареме, сообразно временам года, пение, музыку, пиры, сборища и извлекай пользу из собственного тела!“

Закончив свою речь, Вихарабхадра прикоснулся всеми пятью частями тела к земле, а сложенными ладонями к своей макушке и так долго пролежал перед царем. Все женщины в гареме расхохотались, при чем глаза их расцвели от радости. Покровитель народов сказал ему улыбаясь: „Вставай! Благодаря твоему благому совету, разве ты не сделался моим учителем? Зачем же делать то, что не соответствует сану учителя?“ Царь поднял его и сам всецело предался наслаждениям. Как раз в эти же дни старый министр

Васуракшита, снова и снова возобновляя свои разговоры, возбуждал царя; тот на словах соглашался, а про себя думал, что старик не знает толку в человеческих сердцах.

Тогда министр начал так раздумывать: „Увы! Как ребячески глупо поступил я в ослеплении! Побуждая его к неприятному для него делу, я стал для него посмешищем, точно надоедливый нищий. Это очевидно, ибо его отношение ко мне не такое, как прежде. Дело вот в чем: он не глядит на меня ласково, говорит со мною не улыбаясь, не открывает мне своих тайн, не берет меня за руку, не выражает сочувствия в несчастьях, не проявляет ко мне благоволения на празднествах, не посылает мне ничего, чтобы заманить меня, ни во что не ставит мои хорошие дела, не расспрашивает о моих домашних делах, не считается с моими сторонниками, не посвящает меня в тайну начатых дел и не допускает в свой гарем. Взамен этого он возлагает на меня недостойные поручения, допускает, чтобы другие садились на мое место, выказывает доверие к моим врагам, не отвечает на сказанное мною, порицает меня за мои присущие всем людям недостатки, насмехается над моими промахами, отказывается даже от своего мнения, если только оно подсказано мною, не принимает посланных мною даже очень ценных вещей и разрешает глупцам в моем присутствии трубить об ошибках государственных людей. Правду сказал Чанакья: „Тот, кто приходится по сердцу, бывает люб, даже если и вредит, а хорошие люди, если они не по сердцу, становятся ненавистными“. Таким образом, где же найти выход? Хоть он и беспутный, но я, наследовавший свой сан от отца и деда, не должен его покидать. Я его не покину, но какую пользу могли бы ему принести мои речи, которым он не внимает! Ведь это царство уже целиком попало в руки к мудрому в управлении повелителю Ашьмака (95) царю Васантабхану. Хоть бы грядущие бедствия заставили его опять вразумиться! Быть может, при неудачах, когда легко может приключиться беда, чье-нибудь вражеское выступление может пойти ему на пользу. А беда прийдет наверное! Обуздав кое-как языки клеветников, я сохраню свой пост“.

И вот пока министр находился в таком положении, а царь предавался любовным утехам, Чандрапалита, сын

Индрапалиты, министра царя Ашьмака, якобы изгнанный отцом за развратное поведение, вдруг появился со множеством бродячих актеров, ловких куртизанов, переодетых слуг и шпионов и, при помощи всяких забав, склонил на свою сторону Вихарабхадру. А пользуясь им, как ступенью, он занял затем прочное место и возле самого царя. Заметив в нем слабое место, он так начинал расписывать соответствующий порок: „Государь! Ничего не может быть полезнее охоты. Здесь приобретается, благодаря усиленным телесным упражнениям, быстрота ног, столь полезная в несчастных случаях, и приходится совершать длинные переходы: вследствие сокращения слизи разгорается жар пищеварения, единственная основа здоровья; вследствие убавления жира члены становятся крепкими, плотными и гибкими; привыкаешь переносить холод, жар, ветер, дождь, голод и жажду, узнаещь сердцебиение у живых существ в различных положениях; противодействуешь опустошению посевов, убивая серн, диких буйволов, быков и проч.; благодаря истреблению волков, тигров и проч. дороги в стране становятся безопасными; при этом приходится видеть гористые и лесистые местности, соответственно разным видам деятельности; возбуждаешь доверие со стороны лесных обитателей; воспламеняешь напряженную энергию, наводишь страх на вражеское войско. Вот каково высокоценное преимущество охоты. При игре также развивается необыкновенное благородство души вследствие того, что приходится великодушно уступать другому груды денег, как былинку; вследствие переменчивости выигрыша и проигрыша приобретается независимость от радостей и горестей; возрастает нетерпение, единственная причина человеческой активности, ум изощряется бесконечно, благодаря наблюдениям над игральными костями, рукой, полем игры и проч. и соответственными передержками, обнаруживаемыми с бесконечными усилиями; сосредоточиваясь на одном предмете, дух приобретает удивительную сосредоточенность; испытываешь необычайное удовлетворение от насильнических действий, связанных с решительностью; благодаря сношениям с очень грубыми людьми приобретаешь свойство не позволять никому оскорблять тебя; вызывается гордое самосознание и безжалостное закаливание тела. Наслаждение с прекрасней-

шими женщинами также имеет последствием созревание плодов пользы и добродетели, замечательное мужское самосознание, мастерство в знании душевных состояний, незапятнанное корыстью поведение, виртуозность во всех искусствах, изощренность ума и речи, вследствие непрестанного применения средств достичь еще не достигнутое, сохранить достигнутое, насладиться сохраненным, уделить внимание источнику наслаждения, успокоить разгневанных и т. п.; благодаря замечательному уходу за телом и прекрасным одеяниям приобретаешь почет у людей, становишься любимцем друзей, огромным авторитетом для челяди, приучаешься говорить улыбаясь, усваиваешь чрезмерную отважность, изысканную любезность, а воспроизведением потомства обеспечиваешь себе благо в обоих мирах. Употребление вина обеспечивает сохранение столь желанного юного возраста тем, что преусердно предаешься спиртным напиткам, способствующим искоренению различных болезней; вследствие повышения самосознания все неприятное устраняется, вследствие разжигания любовного жара усиливается способность наслаждаться женщинами; вследствие этого все проступки как бы стираются; душа избавляется от уязвляющих ее шипов, усиливается доверчивость, благодаря безудержной болтовне, раскрывающей все тайны; вследствие отсутствия соперничества можно отдаваться всецело восторгу, наслаждаться звуками и прочими об'ектами восприятия; благодаря щедрости можно приобрести массу друзей; тело становится несравненно очаровательным, веселые игры неподражаемыми, а, избавившись от мучений страха, становишься отважным бойцом. Ведь грубость в речах, страшная мстительность, покушение на чужую собственность подчас бывают полезны. Ибо царь, подобный отшельнику и находящий блаженство в душевном успокоении, неспособен выступить против врагов и задержать ход мировых событий“.

Так говорил Чандрапалита, а царь Анантаварман последовал его советам с величайшей почтительностью, словно наставлениям учителя. И все подданные, подражая его поведению, необузданно предались порокам. Так так грех стал всеобщим, то никто и не старался выискивать чужие слабости; а раз царь и подданные в этом сравнялись, то и правительственные чиновники стали пожирать плоды своих

же деяний, а врата царских доходов постепенно рухнули. Зато зияющие пропасти расходов расширялись со дня на день, ибо царь всецело был в зависимости от развратников. Главные из вассалов, городских и сельских жителей, вместе со своими женами приглашались царем, возымевшим к ним доверие вследствие сходства характеров, на его пирушки и там преступали обычные пределы приличия. Царь под разными предлогами развращал их жен, они же безбоязненно наслаждались с распутными женами его гарема. Все женщины из родовитых семейств услаждались двусмысленными разговорами распутников, сбрасывали с себя принуждение честного поведения, ставили ни во что своих мужей и внимали словам своих любовников. На этой почве начались распри между ревнивыми, сильные угнетали слабых, воры и т. п. грабили имущество богатых. Пути стыда освободились от стыда и границ. Подданные, у которых были убиты родственники и ограблено имущество, измученные увечьями и оковами, жаловались во весь голос, хотя их горла и были забиты слезами. Карающий жезл, разивший несправедливо, возбуждал страх и возмущение. Корыстолюбие прочно укоренилось в недостаточных семействах. Достойные уважения люди, подвергшись оскорблениям, терзались от гордости. И при всех этих преступлениях возникали взаимные раздоры.

Тогда подосланные правителем царства Ашьмака отравители и т. п. люди истребили главных героев в войске Анантавармана и совершенно развалили его разными способами. Переодевшись охотниками, они заманивали воинов своими рассказами об изобилии дичи в горные трущобы, заросшие сухой травой и бамбуком и лишенные выхода, а затем устраивали пожар у входа; подзадаривали их к охоте на тигров и других зверей, и они попадали в их же сети; возбуждая в них жажду отыскать колодцы, уводили их чрезвычайно далеко и только усиливали в них голод и жажду, лишавшие их жизни; заставляли их бежать по непроходимым дорогам, так что они проваливались в горные провалья, для виду прикрытые травою и кустарниками; вынимали у них из ног занозы ножами с отравленными лезвиями; тех, которые оставались в одиночестве, так как их спутники оказались при передвижении отрезанными, они избивали

вволю; пускали в них свои стрелы под предлогом, будто они промахнулись в дичь; заставив их побиться об заклад, принуждали взбираться на неприступные вершины, а там невидимо ни для кого низвергали их в пропасть; переодевшись лесными разбойниками, ловили в дебрях целые отряды воинов; насильно приканчивали их при свалках во время игры в кости, петушиных боев, праздничных процессий и т. д.; побуждая их причинять зло другим, тайно сами причиняли им вред; явно напрашиваясь на оскорбления, затем ссылались на свидетелей и отделывались от них насильственно, истребляя их под предлогом возмездия за обиды; заставляли других по дружбе делаться любовниками их жен, затем умерщвляли супругов ночью и сваливали преступление на тех; через подходящих женщин заманивали их на свидания, сами же, спрятавшись неподалеку, потом набрасывались и позорно их уничтожали; завлекали их в пещеры для разыскивания кладов или для магических обрядов, а потом убивали их под тем предлогом, будто бы они хотят устранить какие-то препятствия; подстрекали их сесть на бешеного слона и препятствовали их возвращению; раздразнивали злобного слона, выпускали его против отборных воинов, намеченных целью, и обращали их в бегство; тех, которые вели тяжбу из-за наследства или по другому поводу, они убивали исподтишка, а потом сваливали вину на противную сторону; на тех вассалов по городам и селеньям, которые вели дурной образ жизни, они нападали втихомолку, а потом выдавали за убийц их врагов; побуждали их денно и нощно наслаждаться подходящими женщинами и таким образом наживать себе сухотку; искусно подсылали им яд под видом платьев, украшений, венков, притираний и проч., под видом врачевання только усиливали их болезни и еще пользовались разными другими средствами.

И вот Васантабхану, царь Ашьмака, подстрекнув Бханувармана, повелителя Ванаваси, побудил его начать войну против Анантавармана. Когда он переступил границы его царства, тот выслал против него войско. Из всех вассалов пришел на помощь Анантаварману один только повелитель Ашьмака, снискавший этим его расположение. Собрались затем и другие вассалы, выступили походом и расположились на берегах Нармады. При таких обстоятельствах

Анантаварман пригласил собственную танцовщицу великого вассала повелителя Кунтала, Авантидевы, по имени Кшматалорваши, к себе, так как Чандрапалита и другие восхваляли ее необычайное искусство, и любовался ее пляской. Страстно влюбившись в нее, он наслаждался ею, опьяненною вином страсти. Тогда повелитель Ашьмака сказал наедине повелителю Кунтала: „Этот распутный царь обольщает наших женщин! Разве можно снести такое оскорбление? У меня сто слонов, у тебя пятьсот. Давай соединимся и подговорим перейти на нашу сторону Вирасену повелителя Мурала, Экавиру, повелителя Ричика, Кумарагупту, повелителя Конка, и Нагапалу, повелителя Сасикхья. Возмущенные его поведением, они, конечно, присоединятся к нашему мнению. А этот повелитель Ванаваси мой добрый приятель. Пока тот, беспутный, с ним связан, мы нападем на него с тылу и разобьем. Захватим казну и колесницы и поделим их между собою!“ Тот с радостью согласился, а он подарил этим вассалам двадцать роскошных одежд и пятьдесят шитых золотом одеял и, уговорившись с ними, верным путем вовлек их в свой план.

На другой же день Анантаварман, благодаря своей ненависти к науке об управлении, сделался добычей этих вассалов и повелителя Ванаваси. Тогда Васантабхану, забравший в свои руки все разбросанные сокровища и колесницы, сказал этим вассалам, притворно высказывая всем им свое расположение: „Соответственно вашим силам и усилиям делите и берите! Если позволите, я буду довольствоваться какой-угодно долей“. Втравив их такой приманкой в распрю, он уничтожил всех вассалов, а все взятое ими взял себе. Из милости он все же уделил долю повелителю Ванаваси, возвратился домой и присвоил себе все царство Анантавармана.

Тем временем престарелый министр Васуракшита, соединившись с некоторыми издавна преданными сановниками и взяв этого мальчика Бхаскаравармана, его старшую тринадцатилетнюю сестру Маньджувадини и их мать, главную царицу Васудхару, выступил с ними в путь, но, сгорая от горя по всем происшедшем, расстался со своим телом. Я с прочими друзьями отвел царицу в город Махишмати и представил ее вместе с детьми сводному брату ее мужа

Митраварману. Но этот неблагородный возымел дурное намерение против этой благородной и, отвергнутый ею, подумал: „Как достойная жена, она сумеет сделать сына достойным царского престола“, а потому из жестокосердия покушался убить мальчика. Царица, заметив это, приказала мне: „Отец мой Налиджангха! Пока этой мальчик жив, живи с ним где-нибудь, скрыв его. Если я останусь жива, то как-нибудь последую за ним. Дай мне весть о себе, когда будешь в безопасности“. И вот я вывел его кое-как из царских покоев, ставших местом беспокойства, и проник в чащу Виндхийских лесов. Дав ему отдохнуть несколько дней в пастушеской хижине, ибо его ноги истомились от ходьбы, я поспешил пройти еще дальше вперед, так как опасался встретить здесь царских людей. Желая достать воды для мальчика, мучимого жестокой жаждой, я поскользнулся и упал в колодец, откуда ты меня великодушно вытащил. Будь же отныне защитником этого беззащитного царевича!“ И он с мольбою прикоснулся ко лбу сложенными руками.

„Из какого рода происходит его мать“? спросил я, и он ответил: „Мать этого мальчика родилась от дочери купца из Паталипутры, по имени Сагарадатты, и царя страны Кошяла Кусумадханвана“.—„Если это так, значит, у его матери и у моего отца общий дед по матери“— сказал я и любовно обнял его. Старик сказал: „Который из двух сыновей Синхадатты твой отец?“ Когда я ответил: „Сушьрута“, он страшно обрадовался. Я же дал ему обещание: „При помощи науки об управлении я уничтожу этого царя Ашьмака, знатока этой науки, и восстановлю этого мальчика на отцовском престоле“. А потом подумал: „Как мне утолить его голод?“ Как раз в это мгновение выскочили две газели, еще не пораженные тремя стрелами охотника, а за ними и сам охотник. Выхватив из его рук две остальные стрелы и лук, я выстрелил; одна газель упала с вонзившеюся в нее с перьями стрелою, а другая пронизанная навылет. Одну я отдал охотнику, а другую, очистив от кожи и волос и выпотрошив, разделил на части, насадил ее ляшки, кости, шею и проч. на вертел над угольями разведенного в лесу огня и этим жареным мясом утолил вполне голод их обоих и свой собственный.

Я спросил, дикаря, пришедшего в восторг от моей ловкости в этом деле: „Нет ли у тебя вестей из Махишмати?“ Он отвечал: „Я как раз сегодня пришел оттуда, распродав там кожи и тигровые шкуры. Как мне не знать! Ведь город готовится к празднеству по случаю известия, что Прачандаварман, младший брат Чандавармана, приближается, чтобы взять себе в жены Манджувадини, доч Митравармана“.

Тогда я сказал на ухо старику: „Этот хитрец Митраварман хочет своим корректным отношением к дочери внушить доверие матери, завлечь через нее мальчика, а потом убить его. Поэтому отправляйся назад и, сообщив царице о его благополучии и о моей истории, затем открыто кричи везде: „Царевича с'ел тигр!“ Глупец тот, внутренно радуясь, а наружно высказывая печаль, начнет утешать царицу. Тогда она должна передать ему через тебя: „Мальчик, ради которого я отвергла твои предложения, по моей вине перешел в иной мир. Теперь я буду действовать по твоему приказу“. Обрадованный этими словами, он и попадется в ловушку. Затем она должна развести в воде этот сильный яд Ватсанабха (телячий пуп), окунуть в него венок и ударить им его в грудь и в лицо со словами: „Да будет это тебе удар мечом, злодей, если я верная жена“. Затем она должна, обезвредив воду таким-то заговором, передать венок своей дочери. Раз тот умрет, а эта останется невредимой, то подданные будут с полным доверием говорить: „Вот верная жена!“ Затем нужно передать Прачандаварману следующее: „Это царство не имеет властелина. Присвой его себе вместе с этой девицей“. Тем временем мы оба, переодевшись отшельниками шиваитами (96), будем жить за городом у ворот кладбища, получая милостыню от царицы. Тогда царица должна собрать тайно купеческих и городских старейшин, маститых и престарелых министров и об'явить им: „Сегодня во сне богиня, обитающая в Виндхийских горах, проявила мне овою милость, изрекши: „На пятый, считая от сегодняшнего, день в моем святилище, находящемся на берегу Ревы, которое при предварительном осмотре окажется безлюдным, когда вы, осмотревши его, уйдете, появится, открывши дверь, некий молодой брахман, а с ним вместе и твой сын. Он будет хранителем этого царства и восстановит на престоле твоего сына. Ибо я

сохранила в безопасности твоего сына, скрыв его под видом тигра. А эта дочь твоя Манджувадини должна быть отдана в жены этому молодому брахману". Так она изрекла. А посему сия чрезвычайная тайна должна оставаться между нами, пока все сие не совершится".

Старик немедля ушел с большой радостью и все дело было выполнено так, как было задумано. Повсюду пронеслась молва: „Вот что значит величие души у жены преданной мужу! Ведь удар венком превратился для него в удар мечом. И невозможно также утверждать, будто при этом была применена хитрость, ибо тот же венок, отданный дочери, лишь украсил ее грудь, но не причинил смерти. Кто нарушит приказ этой добродетельной, тот превратится в пепел".

После этого, когда я и ее сын в одежде аскетов-шиваитов пришли к ней за милостыней, она, взглянув на нас и источая молоко из грудей и преисполнившись робости, сказала: „Преподобный! Я умоляю! Окажи милость мне, беззащитной! Я видела сон. Правдив он или нет?" Я отвечал: „Ты увидишь, как он оправдается сегодня же". „Если это так, то это великое счастие для твоей рабы, ибо этот сон предвещает ей супруга", и с этими словами она заставила поклониться мне Манджувадини, оробевшую от страсти, вызванной моим видом, а затем продолжала, предавшись чрезмерной радости: „Если это неправда, то я должна сегодня же арестовать твоего юного аскета". Я же отвечал с усмешкой, ибо моя непоколебимость поколебалась от одержимого страстью взора Манджувадини: „Пусть будет так!" Приняв милостыню и подозвав Налиджангху, я вышел потихоньку, спросив его, следовавшего за мною: „Где этот обреченный на смерть и всем известный Прачандаварман?" Он отвечал: „Возмнив, что это царство уже принадлежит ему, он, отбросив все заботы, сидит себе в тронном зале, усердно обслуживаемый актерами". „Если это так, то оставайся здесь в саду". С такими словами я отпустил старика, спрятал свое одеяние в пустой хижине за городской стеной и поручил царевичу сторожить его, а сам в костюме актера отправился к Прачандаварману и привел его в восхищение. С наступлением часа, когда солнечный свет краснеет, я пустил в ход совокупность всех фокусов, пленяющих людское

сборище, как-то: пляска, пение, разнообразный плач и т. д., хождение на руках, колесом, кверху ногами и огненным колесом, прыжок скорпиона, дельфина и проч., рыбий скачок, затем отобрал кинжалы у всех стоявших близ меня и, прикасаясь ими к своему телу, показывал удивительные фокусы, как-то: соколиный отлет, орлиный взлет и т. п., и, наконец, поразил кинжалом в грудь находившегося на расстоянии двадцати локтей Прачандавармана и закричал: „Да здравствует на тысячу лет Васантабхану!“, схватил одного из воинов-соглядатаев, замахнувшегося мечом, чтобы зарубить меня, за его жирную и мускулистую руку и, этим одним лишив его движения и заставив всех зрителей устремить удивленные взоры кверху, перепрыгнул через стену вышиною в двойной человеческий рост. Перепрыгнув в парк, я сказал себе: „Это путь преследования для моих врагов“; я побежал между деревьями тамала по дорожке, не сохранявшей моих следов, ибо Налиджангха тотчас же присыпал их песком, и направился вдоль стены назад на восток; потом я побежал на юг, так как благодаря высокой каменной куче мое падение не было замечено, затем опять перескочил через ограду, через земляной вал и через ров, торопливо вбежал в пустую хижину, надел опять свое прежнее платье и вместе с царевичем едва-едва пробился сквозь дворцовые ворота, запруженные толпой, гудевшей вследствие моего деяния, и направился к кладбищу.

Я заранее проделал в светилище Дурги, как раз в подножии ее изображения, углубление, внешнее отверстие которого я прикрыл камнем, столь же толстым, как и проломанная сторона. Засим, когда миновала полночь, мы отправились оба в это углубление и притаились в нем, разодетые в драгоценные одежды из тонкой ткани и в украшения, доставленные нам через евнуха. Царица же, свершив еще накануне над телами повелителей Малава Прачандавармана и Чандавармана обряд сожжения и разгласив везде, что такое положение создалось вследствие коварных происков повелителя Ашьмака, прибыла на другой день ранним утром вместе с теми старейшими гражданами, министрами и вассалами, с которыми она сговорилась заранее, свершила поклонение богине пред лицом всего народа, велела установить путем тщательного осмотра, что внутри храма нет

людей, а затем остановилась вместе с толпою, устремив свои взоры и приказав громко ударить в барабаны. Воспользовавшись, как сигналом, этим звуком, проникшим сквозь узенькую щель, я приподнял головою подножие, снабженное железными подставками, такое тяжелое, что его трудно было сдвинуть даже сильному человеку, вместе с изображением богини, и, поддерживая его с одной стороны рукою и опуская с другой, высвободился оттуда и вывел с собою царевича. Поставив затем изображение Дурги попрежнему, я открыл врата храма, показался всему народу и обратился к знатнейшим гражданам, павшим ниц передо мною, кидавшим взоры, полные счастливой уверенности, со вз'ершившимися от радости на теле волосами, с почтительно простертыми сложенными руками и с возрастающим изумлением, сказав им следующее: „Вот что вещает моими устами богиня, обитающая в Виндхийских горах: „Я из жалости скрыла под видом тигра этого царевича, когда он был в несчастии, а ныне возвращаю его вам. Он как бы усыновлен мною, могучей матерью, а потому полюбите его!“ Я же сам — знайте это — покровитель этого мальчика, способный всецело устремиться на истребление полчищ Ашьмака при помощи применения десяти миллионов хитросплетений и ухищрений. А в награду за такую защиту благая богиня определила мне в супруги прекраснобровую сестру этого царевича“.

Услышав это, сановники обрадовались и воскликнули: „О, блаженна династия Бходжа, для коей благая богиня определила тебя покровителем!“ А мать моей будущей жены пришла в восторженное состояние, не передаваемое словами, и в тот же день отдала мне нежную, как юные отпрыски, руку Манджувадини. С наступлением ночи я тщательно заделал снова углубление. Так как люди не могли обнаружить никакого слабого места во мне, наоборот, я всякими способами угадывал то, что они потеряли, держали в руке, думали и т. д., то они сочли меня за частичное воплощение бога и не нарушали моих приказаний. А слава царевича, как сына благой богини, еще усиливала его величие. В счастливый день, при благоприятных данных, я отвел его к учителю и, поручив домашнему жрецу преподавать ему науку об управлении, сам занялся государственными делами.

Я подумал: „Ведь царство находится в зависимости от трех сил; эти силы — совет, мощь и энергия — подвигают дела, когда поддерживают друг друга. При помощи совета дела решаются, при помощи мощи начинаются, при помощи энергии совершаются. Древо государствоправления приносит пользу вождю, когда его корень — совет в его пяти (97) видах, ствол — мощь в ее двух (98) видах, его ветви — энергия в четырех (99) видах, его листья — семьдесят два составных элемента государства, его побеги — образ действия в его шести (100) видах, а его цветы и плоды — сила и успех. Не имея помощника, трудно извлечь из него всю пользу в виду многообразия сочетаний. А этот министр Митравармана, Арьякету по имени, уже в силу своего происхождения из рода Косала принадлежит к числу сторонников матери царевича и обладает всеми качествами министра: Митраварман и погиб от его наставлений. Было бы хорошо склонить его на свою сторону!“

Затем я тайно подучил Налиджангху: „Отец! Скажи потихоньку Арьякету: „Что это за обманщик наслаждается здесь царской властью? И этот змей охватил нашего царевича. Что он, изрыгнет его или проглотит?“ И ты сообщишь мне, что он на это скажет“. В следующий раз он мне и доложил: „После того, как я неоднократно почтил его подарками, заводил с ним разнообразные разговоры, растирал ему руки и ноги, я спросил у него по предуказанному тобою мудрому способу, когда он дал мне к этому повод своим чрезвычайным доверием. Вот что он мне возразил: „Друг мой! Не говори этого! В нем одном соединены все качества, которые трудно встретить в отдельности у других: очевидная чистота происхождения, необычайная сообразительность ума, сверхчеловеческая крепость и сила, неизмеримое благородство, удивительнейшее искусство владеть оружием, немалое знание искусств, отзывчивое и нежное сердце, непреоборимая, всегда устремленная против врагов отвага. Для врагов он является как бы несгибаемым деревом Чирабильва, а для расположенных к нему — сандаловым деревом. Знай же! Через него погибнет этот мнящий себя мудрым государствоведом повелитель Ашьмака, а царевич вступит на отцовский престол. В этом не может быть сомнений“.

Выслушав это и продолжая испытывать его разными ухищрениями, я сделал его своим единомышленником. При его содействии я возвел в министры людей, одаренных правдивостью и честностью, а в тайные агенты произвел людей снабженных различными соответствующими признаками, и решил так: „Когда я разузнаю через них, что моя народная масса стала корыстолюбивой, разбогатевшей, чрезвычайно самомнящей и очень непокорной, я прикажу проповедывать бескорыстие, возбуждать набожность, терзать безбожников, искоренять шипы врагов, отражать неприятельские козни и побуждать все четыре касты к исполнению предписанных законом деяний, ибо их совокупность есть корень пользы или вреда и дает повод к применению разных видов возмездия. Нет ничего хуже бессилия“. Так я порешил и соответственно этому поступил (101).

Я подумал: „Весь сонм доблестных приближенных так предан мне, что по моему слову поставит и жизнь свою ни во что. Владея двумя царствами и полной наличностью войска, я нисколько не ниже властелина Ашьмака, Васантабхану, а кроме того я еще искушен в искусстве управления. Посему, победив Васантабхану, я смогу восстановить на отцовском престоле Бхаскаравармана, сына Анантавармана, царя Видарбха. Ведь всюду разнеслась молва, будто этот царевич усыновлен богиней Бхавани, поручившей мне охранять его; до сих пор никто не знает того, что я сделал обманным образом, и все здешние вполне доверяют Бхаскаравармaну, полагая, что сын царя Анантавармана, по милости богини Бхавани, получит это царство. Войско же царя Ашьмака, узнав, что союзницей царевича является сама богиня, и сообразив, что перед божественной мощью бессильна человеческая, дрогнет духом в сражении с нами. Здешние знатнейшие граждане, желавшие и раньше царевичу успеха, теперь, ублаготворенные мною при помощи подарков, выражений уважения и проч., особенно жаждут его возвышения. Мои самые верные люди, снискав расположение самых близких к царю Ашьмака, по моему приказанию тайно внушили им следующее: „Вы — наши друзья, а потому вам подобает выразить нам пожелание успеха. Сама богиня Бхавани уполномочила славного Вишьруту быть покровителем царевича и с его помощью она возведет его на престол

вместо Васантабхану. Тем же, кто будет сражаться против него, предопределена погибель. Поэтому, пока еще не завязалось сражение с царем Ашьмака, переходите на сторону Бхаскаравармана, сына Анантавармана. Пусть он лучше сидит смирно со своими приближенными, достигнув еще большего благополучия: иначе он будет обуздан по воле Бхавани и Шивы“. Так изрекла мол Бхавани, дабы оповестить всех об этом. Поэтому и вы должны вступить с нами в дружбу, а мы об этом разгласим“.

Услыхав это, приближенные, окружавшие царя Ашьмака, и узнав, что царевич избран самою Бхавани, заколебались, а после последних слов перешли окончательно на мою сторону. Узнав обо всем этом, царь Ашьмака стал раздумывать так: „Все знатнейшие подданные этого царевича жаждут иметь его своим владыкой, а мои явные и тайные приверженцы поколебались. Если я, примирившись теперь, буду терпеливо сидеть дома, то подвергнусь нареканию и не смогу сохранить даже свое царство. Поэтому, пока еще не произошло тайное соглашение с моим поколебавшимся войском, обнаруживающим неповиновение предо мною, я выступаю в бой. Раз это так, то и он, конечно, выступит против меня“. Так он порешил не по справедливости, побуждаемый преступным желанием захватить чужой престол, и выступил со своим войском против славного нашего, желая попасть в пасть смерти. Узнав о его выступлении, царевич сам выступил вперед и напал на выехавшего верхом на коне Васантабхану. А все его войско решив: „Раз царевич выступает один против нашего неисчислимого войска, значит он избран богиней и для него не существует невозможного“, остановилось, словно нарисованное на картине. Тогда выступил я сам, вызвал на бой Васантабхану и жестоко поразил его ударом меча. Отразив мечом его, которому не пошла впрок вся его наука, и сразив его противным ударом, я отрезал и бросил на землю его голову, обратившись к его воинам: „Кто еще жаждет сразиться, пусть сразится со мною! Если же нет, то пусть каждый, преклонившись пред стопами царевича и исполнив свой долг, безбоязненно возвратится домой и пребывает там благополучно“. Услыхав эти мои слова, все эти воины, быстро соскочив с коней и колесниц, преклонились перед царевичем и

перешли на его сторону. Засим сделав царство Ашьмака достоянием царевича и поручив его охрану главным сподвижникам, я вместе с войском Ашьмака, сделавшимся как бы моим собственным, отправился в Видарбху и там, в столице, венчал на царство царевича Бхаскаравармана и возвел его на отцовский престол.

Однажды я так обратился к царю, пребывавшему вместе с матерью Васундхарой (102): „У меня есть желание совершить одно дело. Пока оно не удастся, я нигде не могу успокоиться. Поэтому пусть моя супруга, а твоя сестра Манджувадини побудет некоторое время близ тебя. Я же, пока не отыщу того, кого желаю, пространствую некоторое время по земле и, отыскав, возвращусь сюда“. Выслушав это, царь, с одобрения матери, отвечал: „Раз ты — единственная причина успеха, выразившегося в приобретении нами этого царства, то без тебя мы не можем ни на мгновение оставаться у кормила правления царством. Что ты на это скажешь?“ На это я возразил: „Вам незачем задумываться над этим хоть на мгновение. У вас при дворе среди приближенных есть такое сокровище, как Арьякету, способный стоять у кормила нескольких подобных царств. Передав ему здесь все полномочия, я отправлюсь“. Хоть я и старался склонить царя такими и другими речами, но он вместе с матерью всячески удерживал меня от ухода и передал мне царство Прачандавармана, владыки Утпала. Я же, приняв это царство и простившись с царем, пустился странствовать, дабы разыскать тебя и, сойдясь с Санхараварманом, царем Анга, призвавшим меня на помощь, в награду за прежние заслуги сошелся здесь с тобою, государь!“

ПРИМЕЧАНИЯ

92) *Видарбха*, ныне Берар, в древности обширное царство, начинавшееся к северу от сев.-зап. части нынешнего Хайдерабада до берегов р. Кришны и Нербудды, называлось также Махараштра. Разделялось р. Вардой на две части: северную со столицей Амаравати и южную со столицей Пратиштхана.

93) Шесть врагов: любовь, гнев, алчность, высокомерие, ослепление, немилость.

94) Авторы, которым приписывались юридические и политические трактаты.

95) *Ашьмака* — воинственный народ к югу от Берара.

96) Отшельники - Шиваиты, т. н. *Капалика*, увешивают себя людскими черепами.

97) Пять видов *совета*: союзники, средства, орудия, различение времени и места, меры предосторожности.

98) Два вида *мощи*: казна и военная сила.

99) Четыре вида *энергии*: хорошие слова, подарки, разлад, военный поход.

100) Шесть видов *действия* во внешней политике: мир, война, выступление в поход, стоянка лагерями и выжидание, раздор, союз с более сильным. Об индийской политике см. A. Hillebrandt, Altindische Politik. Eine Uebersicht auf Grund der Quellen. Iena 1923.

101) Здесь обрывается рассказ Вишьруты, при чем окончание его взято из эпилога (т. наз. *Уттара-питхика*), несомненно принадлежащего не самому Дандину, но придающего роману законченность. Рубрика „эпилог" перенесена ниже только ради внешней симметрии.

102) В санскритском тексте стоит *Васумати*, очевидно, по ошибке вместо *Васундхара*.

ЭПИЛОГ

После всего этого собравшиеся здесь вместе близ Чампы царственные юноши Апахараварман, Упахараварман, Артхапала, Прамати, Митрагупта, Мантрагупта и Вишьрута, оповестив предварительно Сомадатту, наслаждавшегося царским престолом в качестве наследника - соправителя в Цветограде - Паталипутре, и доставив его к себе с помощью свиты вместе с супругой Вамалочаной, пребывали вместе с царем Раджаваханой, тайно услаждаясь и ведя разнообразные беседы, как вдруг получили из Цветограда послание от царя Раджахансы. Собравшись и поклонившись Раджавахане, юноши сказали: „Государь! Этому посланию родителя Раджахансы должен быть оказан почетный прием!"

Вняв сему и неоднократно с почтением преклонившись, царь на троне принял это послание. Прикоснувшись к нему головой, поднявшись и вскрыв его, царь обратился ко всем, сказав: „Внимайте!" и начал читать: „Из столицы Цветограда царь и владыка Раджаханса шлет сие послание и пожелание всех благ царевичу Раджавахане, находящемуся в столице Чампе и стоящему во главе остальных царственных юношей. Когда вы, откланявшись и распростившись со мною, отправились в путь, то в некоей лесистой местности сделали привал близ храма Шивы. Поутру, не найдя царевича, оставшегося на ночь в храме Шивы для молитвы, все юноши решили: „Либо мы вместе с царевичем Раджаваханой припадем к стопам Раджахансы, либо расстанемся с жизнью!" и, отпустив свиту, отправились разыскивать царевича каждый порознь. Узнав об этом вашем приключении из уст возвратившейся свиты и погрузившись сердцем в океан невыносимой скорби, я и ваша родительница решили отправиться в обитель Вамадевы доложить ему обо всем нами узнанном, а затем расстаться с жизнью. Прийдя в обитель, мы преклонились перед отшельником; в то же время сей святой, которому ведомо прошедшее, настоящее

и будущее, прозрев тотчас наши мысли и угадав намерение, изрек: „Царь! Я заранее, силою сновидения, прозрел твое желание. Знай! Все твои юноши - царевичи, испытав некоторое время ради Раджавахана разные невзгоды, покорив затем своей беспримерной доблестью разные страны и стяжав себе многие царства, по истечении шестнадцати лет с Раджаваханой во главе явятся и, поклонившись твоим и царицыным стопам, будут повиноваться твоим приказаниям. А посему ты не должен совершать над собою никакого насилия". Вняв ему и доверившись в виду приближения срока, мы отправились в обитель Вамадевы и доложили ему: „Владыка! Ныне исполняется указанный тобою срок. Скажи, что делать!" Выслушав, святой отвечал: „Царь! Все юноши с Раджаваханой во главе, победив некоторых трудно победимых врагов, закончив покорение всех стран и подчинив себе весь мир, ныне пребывают все вместе в Чампе. Отправь к ним поскорее свиту, дабы по получении твоего послания они прибыли сюда". Вняв слову святого, мы шлем тебе это послание для исполнения. Если же вы теперь еще задержитесь хоть на миг, то заставите меня и вашу мать Васумати расстаться с жизнью: ведь воду для питья можно найти везде по пути!"

Возложив на свою главу этот приказ родителя, юноши решили: „Идем! Поставив на соответствующие места верных людей и поручив им приобретенные войска и завоеванные царства, захватив с собою небольшую стражу для охраны пути, победив исконного врага Манасару, царя Малава, и подчинив себе его царство, мы в Цветограде поклонимся стопам царя Раджахансы и царицы Васумати!" Так порешив, они с женами и достаточным войском выступили против царя Малава. Когда они достигли Уджаини, то Манасара, хотя и весьма сильный, но потесненный Раджаваханой и его сподвижниками, был тотчас же разбит и убит. Захватив затем его дочь Авантисундари и освободив из тюрьмы посаженного туда министром Чандаварманом юношу-царевича Пушподбхаву со всей его родней и захватив их с собою, подчинив царство Малава и оставив для его охраны нескольких министров с войском, сопровождаемые остальным небольшим отрядом, все юноши с Раджавахансой во главе прибыли в Цветоград и там припали к стопам царя

Раджавахана и матери Васумати. Они же, достигнув свидания с сыновьями, пришли в величайший восторг.

Тогда в присутствии царя и царицы святой Вамадева, прозрев желание всех десяти юношей с царевичем Раджаваханой во главе, поведал им: „Вы все разом отправляйтесь и охраняйте по закону свои царства. Когда же ощутите желание, то приходите поклониться стопам родителей!“ И вот все юноши, приняв на свою главу это слово святого, поклонившись ему и родителям, отправились и, довершив покорение и возвратившись, сообщили о своих подвигах каждый отдельно в присутствии святого. Родители же юношей, внимая рассказам об их подвигах, многотрудных, свидетельствовавших об отваге каждого, преисполнились великой радостью. Затем царь почтительно обратился к святому: „Блаженный! По твоей милости мы вкусили счастье, превышающее человеческие желания и недоступное даже для мысли. Вслед за сим мне подобает приступить к самосовершенствованию — достижению Атмана, вступив в стадию жизни (103) лесного отшельника вблизи стоп моего владыки. После того, как я повенчаю на царство в Цветограде и в Уджаини Раджавахану и роздам прочие царства, как подобает, прочим девяти царевичам, пускай они все, повинуясь приказаниям Раджавахана и пребывая в единодушии, правят всею опоясанною океаном землею, устранив все шипы препятствий. Утверди сие, владыка!“ Прозрев, что сыновья попытаются всячески воспрепятствовать уходу родителя в лес, святой изрек им: „О царственные юноши! Ваш родитель, шествуя по подобающему его возрасту пути, не терзал своего тела и, пребывая в моей обители, никоим образом не должен встречать с вашей стороны препятствий к переходу его в стадию жизни лесного отшельника. Пребывая там, он приобретет святую благодать. Вы же, оставаясь вблизи родителя, не обретете счастья“. Подчинившись велению великого пророка, они отказались препятствовать переходу отца в стадию отшельничества в лесу. Утвердив Раджавахану в Цветограде, они все управляли согласно его велению своими царствами и по своему желанию отправлялись на свидание с родителями.

Таким образом все эти юные цари, возглавляемые Раджаваханой, управляли по закону всей землей, согласно его

приказаниям и, пребывая в полном единодушии, вкушали царские радости, недоступные даже богам, возглавляемыми Индрой.

ПРИМЕЧАНИЕ

103) Как сказано в законах Ману (VI, I) всякий индус, когда с наступлением старости его силы начинают слабеть, а волосы белеть, и он увидит сынов своих сынов, должен покинуть свой дом, удалиться в лес и там предаться созерцательной жизни, как отшельник. Это — третья стадия (после стадии ученика и домохозяина) в жизни древнего индуса, за которой может следовать и четвертая — нищенствующий монах. См. проф. Д. Н. Кудрявский — „Четыре стадии в жизни древнего индуса" (актовая речь). Юрьев - Дерпт. 1900. Высоко художественное изображение такого „ухода" от жизни дал Редьярд Киплинг в своем превосходном рассказе: The miracle of Purun Bhagat (The second Jungle Book), имеющемся в русском переводе с примечаниями академика С. Ф. Ольденбурга: „Чудо Пурун - Багата". Ленинград. Издательство „Время", 1923 г.

Цена 1 руб.